

18+

Филипп Майнлендер

Философия освобождения

Филипп Майнлендер
Философия освобождения

«Издательские решения»

Майнлендер Ф.

Философия освобождения / Ф. Майнлендер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565301-7

Филипп Майнлендер (5 октября 1841 — 1 апреля 1876) — немецкий поэт и философ. В своем главном произведении «Философия освобождения» (Философия искупления) Майнлендер излагает, по мнению Теодора Лессинга, «возможно, самую радикальную систему пессимизма, которая только существует в философской литературе». Философ провозглашает, что в человеческом существовании нет ценности и что «осознание того, что небытие лучше, чем бытие, является высшим принципом всей морали».

ISBN 978-5-00-565301-7

© Майнлендер Ф.
© Издательские решения

Содержание

Философия освобождения	7
Первый том (1868)	7
Von	8
Philipp Mainländer.	9
Содержание	10
[ПЕРВЫЙ ТОМ]	10
Предисловие	11
Аналитика процесса познания	13
Физика	36
Эстетика.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Философия освобождения

Филипп Майнлендер

Переводчик Сергей Петрович Колбасов

© Филипп Майнлендер, 2022

© Сергей Петрович Колбасов, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-5301-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Die
Philosophie der Erlösung.

Von

Philipp Mainländer, pseud.

Wer einmal Kritik gekostet hat, den eckelt
für immer alles dogmatische Gewäsche.

Kant.

Die Philosophie hat ihren Werth und ihre
Würde darin, daß sie alle nicht zu begrün-
denden Annahmen verschmäht und in ihre
Data nur Das aufnimmt, was sich in der
anschaulich gegebenen Außenwelt, in den un-
seren Intellekt constituirenden Formen zur
Auffassung derselben und in dem Allen ge-
meinsamen Bewußtsein des eigenen Selbst
sicher nachweisen läßt.

Schopenhauer.

Zweite Auflage.

Berlin.

Verlag von Theodor Hofmann.

1879.

Философия освобождения

Первый том (1868)

Von

Philipp Mainländer.

Всякому, кто когда-либо вкусил критику, навсегда противна всякая догматическая болтовня, которой он раньше довольствовался по необходимости, потому что его разум не мог найти ничего лучшего, чем его развлечь.

Кант.

Философия имеет свою ценность и свое достоинство в том, что он отвергает все предположения, которые не могут быть обоснованы, и включает в свои данные только то, что можно найти в живом данном внешнем мире, в формах, составляющих наш интеллект, и в единое сознание собственного «я».

Шопенгауэр.

Берлин

Опубликовано Теобальдом Грибеном.

1876.

Содержание

[ПЕРВЫЙ ТОМ]

Предисловие.	
Аналитика процесса познания.	1
Физика.	47
Эстетика.	113
Этика.	167
Политика.	225
Метафизика.	317
Приложение.	
Критика учений Канта и Шопенгауэра.	359
Аналитика процесса познания.	363
Физика.	463
Эстетика.	489
Этика.	527
Политика.	583
Метафизика.	601
Заключение.	621

— — —

Предисловие

Тот, кто исследует ход развития человеческого духа от начала цивилизации до наших дней, получит любопытный результат: Ибо он обнаружит, что разум сначала задумывал неоспоримую силу природы, всегда фрагментировал и персонифицировал отдельные проявления силы, образуя таким образом богов; затем переплавил этих богов в единого Бога; затем превратил этого Бога, посредством самого абстрактного мышления, в существо, которое больше не поддается никакому представлению; но, наконец, стал критичным, разорвал свою тонкую паутину и поместил на трон реального индивида: факт внутреннего и внешнего опыта. Станциями этого пути являются:

- Политеизм,
- Монотеизм – пантеизм,
- Религиозный пантеизм,
- Философский подход.
- Атеизм

Не все цивилизованные народы прошли весь путь. Духовная жизнь большинства из них остановилась на первой или второй точке развития, и только две страны достигли конца линии: Индия и Иудея.

Религия индийцев вначале была политеизмом, затем пантеизмом. (Религиозный пантеизм был позже подхвачен очень тонкими и выдающимися умами и развился в философский пантеизм (философия Веданты)). Затем появился Будда, славный сын царя, и в своем великом учении о карме основал атеизм на вере во всемогущество личности. Точно так же и религия евреев была сначала грубым многобожием, а затем строгим монотеизмом. В нем, как и в пантеизме, индивид потерял последние следы независимости. Если, как очень метко заметил Шопенгауэр, Иегова достаточно помучил свое совершенно бессильное создание, поэтому он бросил его в темницу. Против этого критический разум с элементарной силой отреагировал на возвышенную личность Христа. Христос восстановил человека в его неотъемлемом праве и основал на этом, а также на вере в движение мира из жизни в смерть (грехопадение) атеистическую религию искупления. В тексте я докажу, что чистое христианство в своей глубинной сути является истинным атеизмом (то есть отрицанием личного Бога, сосуществующего с миром, но утверждением могущественного дыхания предмирового, мертвого божества, проникающего в мир) и только монотеизмом на поверхности.

Экзотерическое христианство стало мировой религией, и после своего триумфа, описанное выше духовное развитие не происходило в каком-то одном народе. С другой стороны, западная философия развивалась параллельно с христианской религией в сообществе западных народов и сейчас приблизилась к третьей станции. Она взяла на вооружение аристотелевскую философию, которой предшествовала ионийская. В этой философии отдельные видимые сущности мира (вода, воздух, огонь) превращались в принципы целого, подобно тому, как в каждой примитивной религии отдельные наблюдаемые действия природы превращались в богов. В средние века (чистое христианство уже давно было утрачено) простое единство, обретенное в аристотелевской философии через суммирование всех форм, стало философски обрезанным Богом христианской церкви; ведь схоластика есть не что иное, как философский монотеизм. Затем он был преобразован Скотом Эригеной, Ванини, Бруно и Спинозой в философский пантеизм, который под влиянием определенной философской ветви (критический идеализм: Локк, Беркли, Юм, Кант) получил дальнейшее развитие, с одной стороны, в пантеизм без процесса (Шопенгауэр), с другой – в пантеизм с развитием (Шеллинг, Гегель), то есть доведенный до крайности. В этом философском пантеизме (безразлично, называется ли простое единство в мире волей или идеей, абсолют или материей) в настоящее время, как

и благородные индийцы во времена философии Веданты, большинство образованных из всех цивилизованных народов, основой которых является западная культура. Но теперь настал день реакции. Человек требует, сильнее, чем когда-либо, восстановления своего разорванного и растоптанного, но неоспоримого права.

Настоящая работа является первой попыткой дать его целиком и полностью.

Философия искупления является продолжением учений Канта и Шопенгауэра и утверждением буддизма и чистого христианства. Эти философские системы исправляются и дополняются ею, эти религии примиряются ею с наукой.

Она основывает атеизм не на какой-либо вере, как эти религии, а, как философия, на знании, и поэтому атеизм впервые научно обоснован ею. Он также перейдет в познание человечества; ибо и оно созрело для него. **Ф. М.**

Аналитика процесса познания

Чем больше знакомых данных, тем сложнее объединить их в нечто новое, и в тоже время сделать это правильным способом, поскольку уже чрезвычайно большое количество умов опробовали всё и исчерпали все возможные их комбинации

Шопенгауэр.

Истинная философия должна быть чисто имманентной, т.е. ее субстанцией и пределом должен быть мир. Она должна объяснять мир из принципов, которые может распознать в нем каждый человек, и не должна призывать на помощь ни силы вне мира, о которых абсолютно ничего нельзя узнать, ни силы в мире, которые, однако, не могут быть распознаны по их природе. Более того, истинная философия должна быть идеалистической, т.е. она не должна пропускать познающего субъекта и говорить о вещах так, как если бы независимо от глаза, который их видит, и руки, которая их ощущает, они были бы точно такими же, какими их видит глаз, ощущает рука. Прежде чем он решится сделать шаг к разгадке тайны мира, он должен тщательно и точно изучить способность к познанию, может получиться:

– что различающий субъект производит мир исключительно своими собственными силами;

– что субъект воспринимает мир именно таким, какой он есть;

– что мир является продуктом частично субъекта, частично независимой от субъекта причины возникновения. Поэтому уход от темы – это начало единственно верного пути к истине. Возможно, как я могу, более того, должен здесь сказать, что прыжок через предмет также приводит философа к нему; но такая процедура, оставляющая все на волю случая, была бы недостойна благоразумного мыслителя.

Источники, из которых истекает весь опыт, все наши знания:

– органы чувств,

– самосознание.

– третьего источника не существует.

Давайте сначала рассмотрим чувственное восприятие. – Стоящее передо мной дерево отбрасывает назад лучи света, падающие на него по прямой линии. Некоторые из них попадают в мой глаз и производят впечатление на сетчатке, которое по возбужденному зрительному нерву передается в мозг. Я прикасаюсь к камню, и сенсорные нервы передают полученные ощущения в мозг. Птица поет и тем самым вызывает волновое движение в воздухе. Некоторые волны попадают в мое ухо, барабанная перепонка содрогается, и слуховой нерв проводит впечатление в мозг. Я вдыхаю аромат цветка. Он касается слизистой оболочки носа и возбуждает обонятельный нерв, который доносит впечатление до мозга. Фрукты возбуждают мои вкусовые рецепторы, и они передают это впечатление в мозг. Таким образом, функция органов чувств заключается в передаче впечатлений в мозг. Поскольку, однако, эти впечатления имеют вполне определенную природу и являются продуктом реакции, которая также является функцией, целесообразно разделить ощущения на орган чувств и проводящий аппарат. Соответственно, функция органа чувств будет заключаться просто в производстве специфического впечатления, а функция проводящего аппарата, как указано выше, в передаче специфического впечатления.

Чувственные впечатления, передаваемые из мозга во внешний мир, называются представлениями; их совокупность и есть мир как представление. Она разбивается на:

– описательная идея или, короче говоря, концепция;

– невизуальная идея.

Первый основан на чувстве зрения и частично на чувстве осязания.

Последний основан на чувствах слуха, обоняния и вкуса, а также частично на чувстве осязания.

Теперь мы должны увидеть, как возникает яркая идея, восприятие, и начнем с впечатления, которое дерево произвело на глаз. Больше пока ничего не произошло. На сетчатке глаза произошло определенное изменение, и это изменение повлияло на мой мозг. Если бы ничего больше не произошло, если бы процесс на этом закончился, мой глаз никогда не увидел бы дерева; ибо как слабое изменение в моих нервах могло бы превратиться в дерево во мне, и каким чудесным образом я должен был бы его увидеть? Но мозг реагирует на впечатление, и в работу вступает способность познания, которую мы называем пониманием. Понимание ищет причину изменения в органе чувств, и этот переход от следствия в органе чувств к причине является его единственной функцией, это закон причинности. Эта функция является врожденной для понимания и лежит в его природе до всякого опыта, подобно тому, как желудок должен обладать способностью переваривать пищу до того, как в него попадает первая пища. Если бы закон причинности не был априорной функцией понимания, мы бы никогда не пришли к концепции. Закон причинности является, после органов чувств, первым условием возможности зачатия и поэтому лежит в нас априори. С другой стороны, интеллект никогда не смог бы функционировать и был бы мертвой, бесполезной способностью к познанию, если бы его не возбуждали причины. Если бы причины, приводящие к восприятию, лежали в органах чувств, как и следствия, они должны были бы быть произведены в нас непознаваемой, всемогущей чужой рукой, что имманентная философия должна отвергнуть.

Тогда остается только предположение, что причины, совершенно независимые от субъекта, производят изменения в органах чувств, т.е. что независимые вещи сами по себе приводят в действие понимание. Таким образом, насколько определенно закон причинности лежит в нас, и, более того, предшествует всему опыту, настолько же определенно, с другой стороны, существование вещей самих по себе, независимо от субъекта, действительность которого сначала приводит в действие понимание.

Интеллект ищет причину ощущений и, следуя направлению падающих лучей света, приходит к ней. Однако оно ничего не воспринимало бы, если бы в нем не было форм, предшествующих опыту, в которые оно вливает причину, так сказать. Одним из них является космос.

Когда говорят о пространстве, обычно подчеркивают, что оно имеет три измерения: Высота, ширина и глубина, и что оно бесконечно, т.е. невозможно думать, что пространство имеет предел, и уверенность в том, что оно никогда не кончится в своем измерении, как раз и есть его бесконечность.

Что бесконечное пространство существует независимо от субъекта и что его ограничение, пространственность, принадлежит сущности вещей самих по себе, – это преодоленное критической философией мнение, берущее начало в наивном детстве человечества, опровергать которое было бы бесполезно. Вне объекта наблюдения нет ни бесконечного пространства, ни конечной пространственности.

Но пространство не является чистым априорным понятием субъекта, равно как и субъект не обладает чистым априорным понятием конечных пространств, через соединение которых он мог бы прийти к понятию всеобъемлющего, единого пространства, как я докажу в приложении.

Пространство как форма понимания (мы сейчас не говорим о математическом пространстве)

– это точка, т.е. пространство как форма понимания может мыслиться только под образом точки. Эта точка обладает способностью (или практически является способностью субъекта) ограничивать вещи в себе, которые действуют на соответствующие органы чувств, в трех направлениях. Таким образом, сущность пространства заключается в способности раздвигать в неопределенное пространство (*in indefinitum*) в соответствии с тремя измерениями.

Там, где вещь сама по себе перестает действовать, пространство устанавливает ее предел, и пространство не имеет силы дать ей расширение в первую очередь. Он ведет себя совершенно безразлично по отношению к расширению. Он одинаково охотно отдает границу как дворцу, так и зерну кварца, как лошади, так и пчеле. Вещь сама по себе определяет его разворачивание, насколько она работает.

Если, таким образом, с одной стороны, (точечное) пространство является условием возможности опыта, априорной формой нашей познавательной способности, то с другой стороны, несомненно, что каждая вещь сама по себе имеет сферу действительности, совершенно независимую от субъекта. Это не определяется пространством, но предполагается, что оно ограничивает пространство именно там, где оно заканчивается.

Вторая форма, которую интеллект использует для восприятия обнаруженной причины, – это материя.

Его также следует рассматривать под образом точки (о веществе здесь не говорится). Это способность точно и достоверно объективировать каждое свойство вещей в себе,

каждую их особую действительность в рамках формы, очерченной пространством; ибо объект есть не что иное, как вещь в себе, прошедшая через формы субъекта. Без материи нет объекта, без объектов нет внешнего мира.

В соответствии с описанным выше разделением органов чувств на органы чувств и проводящие аппараты, материю следует определить как точку, где соединяются передаваемые впечатления чувств, которые являются обработанными специфическими эффективностями видимых вещей самих по себе. Поэтому материя – это общая форма для всех чувственных впечатлений или сумма всех чувственных впечатлений от вещей самих по себе в зрительном мире.

Материя, таким образом, является дополнительным условием возможности опыта, или априорной формой нашей познавательной способности. Противоположностью ему, совершенно независимой, является сумма действительностей вещи в себе, или, одним словом, сила. В той мере, в какой сила становится объектом восприятия субъекта, она является субстанцией (объективированной силой); с другой стороны, любая сила, независимая от воспринимающего субъекта, свободна от субстанции и является только силой.

Поэтому следует отметить, что как бы точно и фотографически верно субъективная форма материи ни воспроизводила конкретные способы действия вещи в себе, воспроизведение, тем не менее, отличается от силы. Форма объекта тождественна сфере действия вещи в себе, на которой она основана, но объективности материи не тождественны сферам действия вещи в себе.

Выражения силы вещи в себе не тождественны этим, согласно их сущности. Нет и сходства, поэтому лишь с большой оговоркой можно использовать образ для пояснения и сказать, например: материя представляет свойства вещей, как цветное зеркало показывает предметы, или предмет относится к вещи в себе, как мраморный бюст относится к глиняной модели. Сущность силы точно отличается от сущности материи.

Краснота предмета, конечно, указывает на определенное качество самой вещи, но краснота не имеет той же сущности, что и это качество. Совершенно несомненно, что два предмета, один из которых гладкий и податливый, а другой грубый и хрупкий, показывают различия, которые основаны на сущности этих двух вещей в себе; но гладкость, шероховатость, податливость и хрупкость предметов не имеют тождества сущности с соответствующими свойствами вещей в себе.

Поэтому мы должны объяснить, что предмет является главным фактором в производстве внешнего мира, хотя он не фальсифицирует действительность вещи в себе, а лишь точно отражает то, что на него действует. Объект, таким образом, отличается от вещи-в-себе, а внешний вид отличается от того, что в нем проявляется. Вещь-в-себе и субъект делают объект. Но не про-

странство отличает объект от вещи-в-себе, не время, как я сейчас покажу, а только материя производит пропасть между вещью-в-себе и ее внешним видом, хотя материя ведет себя совершенно безразлично и своими собственными средствами не может ни придать качество вещи-в-себе, ни усилить или ослабить ее действенность. Он просто объективирует данное сенсорное впечатление, и ему совершенно безразлично, нужно ли довести до сознания свойство вещи в себе, лежащее в основе самого кричащего красного или самого нежного синего, самой большой твердости или полной мягкости; но он может концептуализировать впечатление только в соответствии с его природой, и здесь, следовательно, необходимо использовать нож, чтобы иметь возможность сделать правильный, столь чрезвычайно важный разрез между идеальным и реальным.

Работа интеллекта завершается обнаружением причины рассматриваемого изменения в органе чувств и введением ее в две его формы – пространство и материю (объективация причины).

Обе формы одинаково важны и поддерживают друг друга. Я подчеркиваю, что без пространства у нас не было бы объектов, лежащих друг за другом, но пространство может применять свое измерение глубины только к цветам, теням и свету, поставляемым материей.

Поэтому только интеллект должен объективировать впечатления органов чувств, и никакая другая способность познания не поддерживает его в этой работе. Но интеллект не может предоставить готовые объекты.

Чувственные впечатления, объективированные разумом, являются не цельными, а частичными представлениями. Пока активен только разум – а этого никогда не бывает, поскольку все наши познавательные способности, одна больше, другая меньше, всегда функционируют вместе, но здесь необходимо разделение – четко видны только те части дерева, которые попадают в центр сетчатки, или те места, которые находятся очень близко к центру.

Поэтому мы постоянно меняем положение глаз во время наблюдения за объектом. Иногда мы переводим взгляд от корня к крайнему кончику кроны, иногда справа налево, иногда наоборот, иногда позволяем им скользить по маленькому цветку бесчисленное количество раз: только для того, чтобы привести каждую часть в контакт с центром сетчатки. Таким образом, мы получаем множество отдельных четких частичных идей, которые, однако, разум не может объединить в единый объект.

Для того чтобы это произошло, они должны быть переданы разумом другой способности познания – рассудку.

Разум поддерживается тремя вспомогательными способностями: памятью, суждением и воображением. Все когнитивные способности, вместе взятые, составляют человеческий разум, так что получается следующая схема:

Дух причина.

Суждение, память, воображение, понимание.

Разум

Функция разума – это синтез или связь как деятельность. Отныне, когда бы я ни говорил о функции разума, я буду использовать слово синтез, но для обозначения продукта, связанного с ним, я буду использовать соединение.

Форма разума – это настоящее.

Функция памяти заключается в хранении сенсорных впечатлений.

Функция силы суждения заключается в том, чтобы собрать воедино то, что принадлежит друг другу.

Функция воображения такова: удерживать в виде образа то, что связано с разумом. Функция духа в целом, однако, состоит в том, чтобы сопровождать деятельность всех функций сознанием и связывать их познание в точке самосознания.

Разум, вместе с силой суждения и силой воображения, находится в самых тесных отношениях с разумом, чтобы производить восприятие, которым мы до сих пор занимаемся исключительно.

Прежде всего, сила суждения дает разуму частичные идеи, которые принадлежат друг другу.

Это соединяет их (т.е. те, которые принадлежат листу, ветке, стволу) понемногу, позволяя воображению всегда удерживать то, что соединено, добавляя к этому образу новую часть и позволяя воображению снова удерживать целое, и так далее. Затем он аналогичным образом соединяет разнородные части, то есть ствол, ветви, сучья, листья и цветки, и при необходимости повторяет свои соединения по отдельности и в целом.

Разум осуществляет свою функцию на, так сказать, непрерывной точке настоящего, и время для этого не нужно; однако синтез может происходить и в нем: Больше позже. Воображение всегда переносит то, что соединяется, из настоящего в настоящее, а разум добавляет кусочек к кусочку, всегда оставаясь в настоящем, то есть продолжая катиться по точке настоящего.

Обычно считается, что понимание – это синтетическая способность; более того, многие добросовестно утверждают, что синтез вообще не происходит, что каждый объект сразу же постигается как единое целое. Оба мнения неверны. Понимание не может сочетаться, потому что у него только одна функция: Переход от следствия в органе чувств к причине.

Но сам синтез никогда не подведет, даже если смотреть только на булавоочную головку, как покажет внимательный самоанализ; ведь глаза будут двигаться, пусть даже почти незаметно. Обман возникает главным образом из-за того, что, хотя мы осознаем готовые связи, мы почти всегда осуществляем синтез бессознательно: во-первых, из-за большой быстроты, с которой как самый совершенный орган чувств, глаз, получает впечатления, так и интеллект объективирует их, а также сам разум соединяет их; во-вторых, из-за того, что мы так мало помним, что, будучи детьми, мы должны были научиться использовать синтез постепенно и с большим трудом, так же как измерение глубины пространства было сначала совершенно неизвестно нам. Так же как сейчас, когда мы открываем веки, мы сразу же безошибочно воспринимаем любой предмет на нужном расстоянии и сам предмет в соответствии с его протяженностью, в то время как неоспоримым фактом является то, что луна, а также картины салона и лицо матери проплывают перед глазами новорожденного ребенка как цветовые комплексы единой поверхности, Теперь при быстром осмотре мы сразу воспринимаем предметы, даже самые большие, как единое целое, тогда как в младенчестве мы, конечно, видели только части предметов и, в результате слабой тренировки наших способностей суждения и воображения, не были способны ни судить о том, что относится к одному, ни удерживать исчезнувшие частичные представления.

Иллюзия также возникает из-за того, что большинство объектов, рассматриваемых с подходящего расстояния, формирую целостное изображение на

сетчатке, и синтез облегчается настолько, что ускользает от восприятия. Для внимательного самонаблюдателя, однако, она уже непреодолимо навязывает себя, когда он сталкивается с объектом таким образом, что не полностью его замечает, то есть таким образом, что воспринимаемые части исчезают в процессе синтеза. Это становится еще более очевидным, когда мы проходим рядом с горным хребтом и хотим охватить взглядом всю его форму. Но наиболее четко это проявляется, когда мы пропускаем чувство зрения и позволяем функционировать только чувству осязания, как я подробно покажу на примере в приложении.

Первое, что я должен был сделать, это выяснить, что было первым, а что вторым. Оно совершенно не зависит от единства вещи в себе, которое заставляет ее сочетаться совершенно определенным образом.

Мы еще не полностью проникли в царство созерцания, но теперь должны ненадолго покинуть его.

Видимый мир возникает для нас указанным образом. Следует отметить, однако, что через синтез частичных представлений в объекты мышление вовсе не привносится в восприятие. Соединение данного многообразия восприятия действительно является работой разума, но не работой в понятиях или через понятия, ни через чистые априорные (категории), ни через обычные понятия.

Разум, однако, не ограничивает свою деятельность синтезом частичных представлений понимания в объекты. Она выполняет свою функцию, которая всегда одна и та же, в других областях, из которых мы сначала рассмотрим абстрактную, область отражения мира в понятиях.

Частичные представления интеллекта, которые объединяются в целые объекты или целые части объектов, сравниваются силой суждения. С помощью воображения одинаковые или похожие вещи собираются вместе и передаются разуму, который объединяет их в коллективную единицу – понятие. Чем больше сходство, тем ближе к осязаемому.

Чем более похоже то, что обобщено, тем ближе понятие к осязаемому и тем легче перейти к его осязаемому представителю.

Если же количество характеристик объединенных объектов становится все меньше и меньше, а понятие, таким образом, все шире и шире, то оно тем более отдалается от взгляда. Однако даже самое широкое понятие не полностью отрывается от своей материнской почвы, даже если его удерживает лишь тонкая и очень длинная нить.

Подобно тому, как разум отражает видимые объекты в понятиях, он также формирует с помощью памяти понятия из всех других наших восприятий, о которых я буду говорить далее.

Очевидно, что понятия, почерпнутые из визуальных идей, реализуются легче и быстрее, чем те, которые берут начало в невидимых; ведь как глаз является самым совершенным органом чувств, так и воображение является самой мощной вспомогательной способностью разума.

Изучая язык, т.е. усваивая готовые понятия, ребенок должен проделать ту же операцию, которая была необходима в первую очередь для формирования понятий. Это облегчается только благодаря готовой концепции. Когда он видит объект, он сравнивает его с известными ему объектами и складывает то, что похоже. Таким образом, оно не формирует понятие, а лишь подводит его под понятие. Если объект ему неизвестен, он находится в растерянности, и ему необходимо дать правильное понятие.

Затем разум объединяет сами понятия в суждения, т.е. объединяет понятия, которые сила суждения собрала вместе. Более того, он объединяет суждения в предпосылки, из которых выводится новое суждение. Его процедура руководствуется известными четырьмя законами мышления, на которых строится логика.

Разум мыслит абстрактно и, кроме того, в точке настоящего, а не во времени. К этому, однако, мы должны перейти. При этом мы вступаем в чрезвычайно важную область, а именно в область связей разума на основе априорных форм и функций когнитивного факультета. Все связи, которые мы узнаем, возникли из опыта, то есть апостериорно.

13.

Время – это связь разума, а не, как обычно предполагается, априорная форма способности познания. Разум ребенка осуществляет эту связь как в царстве воображения, так и на пути к внутреннему миру. Сейчас мы хотим позволить времени появиться в свете сознания и выби-

раем последний путь, поскольку он наиболее подходит для философского исследования, хотя мы еще не имели дело с внутренним источником опыта.

Если мы отстранимся от внешнего мира и погрузимся в свое внутреннее существо, то окажемся в непрерывном подъеме и опускании, короче говоря, в непрекращающемся движении. Место, где это движение касается нашего сознания, я буду называть точкой движения. На нем плавает (или сидит, как бы привинченная) форма разума, то есть точка настоящего. Там, где находится точка движения, есть и точка настоящего, и она всегда находится точно над ним. Она не может предшествовать ему и не может отставать от него: И то и другое неразрывно связано.

Если мы теперь внимательно изучим этот процесс, то обнаружим, что мы всегда находимся в настоящем, но всегда за счет или через смерть настоящего; другими словами, мы переходим от настоящего к настоящему.

Когда разум осознает этот переход, он позволяет воображению удержать исчезающее настоящее и соединить его с появляющимся. Она как бы подталкивает под продолжающиеся, текущие, тесно связанные точки движения и настоящего, твердую поверхность, на которой она считает пройденный путь и обретает серию осуществленных моментов, то есть серию осуществленных переходов от настоящего к настоящему.

Таким образом, он приобретает сущность и понятие прошлого. Если оно затем поспешит опередить движение, оставаясь в настоящем – ибо оно не может оторваться и продвигаться вперед от точки движения – и соединит наступающее настоящее с последующим, то получит ряд моментов, которые будут исполнены, т.е. получит сущность и понятие будущего. Если он сейчас соединяет прошлое с будущим, образуя идеальную фиксированную линию неопределенной длины, по которой катится точка настоящего, то у него есть время.

Как настоящее ничто без точки движения, на которой оно плавает, так и время ничто без основы реального движения. Реальное движение совершенно не зависит от времени, или, другими словами: реальная преемственность имела бы место и без идеальной преемственности. Если бы в мире не было познающих существ, то существующие вещи, сами по себе лишены познания, все равно находились бы в беспокойном движении. Если познание происходит, то время есть лишь условие возможности познания движения, или иначе: время есть субъективная мера движения.

Над точкой движения индивидуума стоит, в случае познающих существ, точка присутствия.

Точка индивидуального движения стоит рядом с точками всех других индивидуальных движений, т.е. все индивидуальные движения образуют общее движение равномерной последовательности. Присутствие субъекта всегда точно указывает на точку движения всего сущего в себе.

14.

Имея в руках важную апостериорную связь времени, мы возвращаемся к концепции.

Я уже говорил выше, что синтез частичных представлений не зависит от времени, поскольку разум осуществляет свои связи в движущейся точке настоящего, а воображение удерживает то, что связано. Но синтез может происходить и во времени, если субъект направляет на него свое

внимание. Это не отличается от изменений, которые могут быть восприняты в точке настоящего.

Существует два типа изменений. Первое – это смена места, а второе – внутренние изменения (стремление, развитие). И то, и другое объединяет более высокий термин: движение.

Теперь, если изменение места таково, что может быть воспринято как смещение движущегося объекта относительно неподвижных объектов, то его восприятие не зависит от времени, но воспринимается в точке присутствия, как движение ветки, полет птицы.

По рефлексивной причине, однако, все без исключения изменения, как и само восприятие, выполняют определенное время; но, как и восприятие, восприятие таких изменений места не зависит от сознания времени, ибо субъект распознает их непосредственно в точке настоящего, что хорошо бы отметить. Время – это идеальная связь; оно не проходит, а является воображаемой фиксированной линией. Каждый прошедший момент как бы застыл и не может быть сдвинут ни на волосок. Точно так же каждый будущий момент имеет свое определенное фиксированное место на идеальной линии. Но то, что движется непрерывно, и есть смысл настоящего: оно проходит, а не время.

Было бы неверно также сказать, что само это прохождение настоящего и есть время; ведь если преследовать только точку настоящего, то никогда не придешь к идее времени: всегда остаешься в настоящем. Чтобы обрести идеальную связь времен, необходимо смотреть назад и вперед и тем самым иметь как бы неподвижные точки на берегу.

С другой стороны, изменения места, которые не могут быть восприняты непосредственно в точке настоящего, и все события распознаются только с помощью времени. Движение стрелок часов ускользает от нашего восприятия. Если я хочу понять, что одна и та же рука была сначала в 6, а потом в 7, я должен осознать последовательность, т.е. для того, чтобы иметь возможность приложить два противоречиво противоположных предиката к одному и тому же объекту, мне нужно время.

То же самое с изменениями места, которые я, оставаясь в настоящем, мог бы воспринять, но не воспринял (перемещение предмета за моей спиной), и с развитием событий. Наше дерево расцветает. Если теперь мы перенесемся в осень и дадим дереву плод, нам понадобится время, чтобы распознать цветущее и плодоносящее дерево как один и тот же объект. Один и тот же объект может быть твердым и мягким, красным и зеленым, но он всегда может иметь только один из двух предикатов в одном присутствии.

15.

Теперь мы прошли через все поле созерцания.

Является ли он, т.е. совокупность пространственно-материальных объектов, всем миром нашего опыта? Нет! Это лишь часть мира как концепции. У нас есть впечатления, причину которых разум, выполняя свою функцию, ищет, но которые он не может сформировать пространственно и материально. И все же у нас есть идея невидимых объектов, а значит, прежде всего, идея коллективного единства, Вселенной. Как мы к этому пришли?

Каждый вид воздействия вещи самой по себе, в той мере, в какой она воздействует на органы чувств для восприятия (зрение и осязание), объективируется формой понимания материи, т.е. становится для нас материальным. Исключение не происходит ни в коем случае, и поэтому материя – это идеальный субстрат всех видимых объектов, который сам по себе бескачественен, но на котором должны проявиться все качества, подобно тому, как пространство не имеет расширения, но очерчивает все сферы силы.

В результате этой бескачественности идеального субстрата всех видимых объектов разуму представляется аналогичное многообразие, которое он связывает с единством субстанции.

Субстанция, как и время, является, таким образом, соединением *a posteriori* разума на основе априорной формы. С помощью этой идеальной связи разум мыслит материю во всех тех сенсорных впечатлениях, которые не могут быть перелиты в формы понимания, и таким образом приходит к понятию бесплотных объектов. Эти и телесные объекты составляют единое целое с субстанциональными объектами. Только теперь воздух, бесцветные газы, запахи и звуки (вибрация воздуха) становятся для нас объектами, хотя мы не можем сформировать их пространственно и материально, и теперь предложение имеет безусловную силу: все, что производит впечатление на наши органы чувств, обязательно субстанционально.

Единству идеальной составной субстанции в реальной сфере противостоит Вселенная, коллективное единство сил, которое совершенно независимо от нее.

16.

Вкусовые ощущения остаются. Они ведут не к новым объектам, а к тем, которые уже возникли в результате впечатлений от других органов чувств. Разум ищет только причину, а остальное оставляет на усмотрение рассудка. Разум просто выполняет свою функцию и связывает эффект с уже существующим объектом, например, вкус груши с материальным кусочком ее во рту.

В целом, только разум может распознать различные эффекты, исходящие от объекта, как исходящие из единой сферы силы; ибо понимание не является синтетической способностью. – Если мы теперь подведем итог, то поймем, что воображение не является ни чувственным, ни интеллектуальным, ни рациональным, но духовным. Это работа духа, т.е. всех познавательных способностей.

17.

Как я показал выше, все чувственные впечатления ведут к объектам, которые в своей совокупности составляют объективный мир.

Разум отражает весь этот объективный мир в понятиях и тем самым приобретает, помимо мира непосредственного восприятия, мир абстракции.

Наконец, он достигает третьего мира, мира воспроизводства, который находится между первыми двумя.

Разум, отделенный от внешнего мира, воспроизводит все воспринятое с помощью памяти, причем он либо устанавливает совершенно новые связи, либо вновь точно представляет себе то, что исчезло, но блекло и слабо. Процесс происходит точно так же, как и при непосредственном впечатлении на органы чувств. Разум запоминает не целые образы, запахи, вкусы, слова, звуки, а только сенсорные впечатления. С помощью памяти он вызывает впечатление в сенсорных нервах (не на их кончиках, а там, где они впадают в ту часть мозга, которую мы должны считать пониманием), и понимание объективирует его. Если мы возьмем наше дерево, то разум формирует впечатления, которые сохранила память, в частичные идеи, а сила суждения собирает их воедино.

Сила суждения собирает их, разум объединяет собранные впечатления, воображение удерживает их на месте, и перед нами предстает бледный образ дерева. Необычайная быстрота процесса, как я уже говорил, не должна привести нас к ложному предположению, что воспоминания об объектах происходят мгновенно. Этот процесс так же сложен, как и появление объектов, благодаря реальному воздействию на органы чувств.

Сны возникают аналогичным образом. Они являются идеальными репродукциями. Своей объективностью они обязаны в целом покою спящего индивида и в частности полному бездействию окончаний сенсорных нервов.

18.

Теперь нам предстоит рассмотреть остальные важные связи, которые разум осуществляет на основе априорных функций и форм познавательной способности.

Функция понимания – это переход от следствия в органе чувств к причине. Он осуществляет его бессознательно, потому что понимание не думает. Он также не может осуществлять свою функцию в обратном направлении и идти от причины к следствию, поскольку только следствие приводит его в активность, и пока объект действует на него, то есть пока интеллект вообще находится в активности, он не может занимать себя ничем иным, кроме как найденной им причиной. Если бы он был способен мыслить и захотел перейти от причины к следствию, объект исчез бы в этот момент, и его можно было бы вновь обрести, только если бы интеллект снова искал причину для следствия.

Поэтому разум никак не может расширить свою функцию. Но разум может.

Во-первых, он признает саму функцию, то есть признает, что функция разума заключается в поиске причины изменений в органах чувств. Затем разум прослеживает путь от причины к следствию. Таким образом, он признает две причинно-следственные связи:

- закон причинности, т.е. закон, согласно которому каждое изменение в органах чувств субъекта должно иметь причину;
- что вещи сами по себе оказывают влияние на предмет.

На этом причинно-следственные связи, имеющие бесспорную достоверность, исчерпываются, поскольку познающий субъект не может знать, познают ли другие существа таким же образом или они подчиняются другим законам. Как бы ни была похвальна осторожная процедура критического разума, было бы предосудительно, если

бы он отказался здесь от дальнейшего проникновения в причинно-следственные связи. Она также не позволяет себе отвлекаться и сначала штампует тело познающего субъекта как объект среди объектов. Исходя из этого признания, он приходит к важной третьей причинно-следственной связи. Ибо он распространяет закон причинности (связь между вещь-в-себе и субъектом) на общую причинность, которую я привожу в следующей формуле:

Вещь-в-себе действует на вещь-в-себе, и каждое изменение в объекте должно иметь причину, которая предшествует следствию во времени. (Здесь я намеренно разделяю вещь-в-себе и объект, поскольку мы признаем, что вещь-в-себе действует на вещь-в-себе, но вещи-в-себе могут восприниматься субъектом только как объекты).

Посредством общей причинности разум связывает объект с объектом, т.е. общая причинность является условием возможности распознавания отношений, в которых вещи сами по себе находятся друг к другу.

Теперь здесь можно установить понятие причины. Поскольку вещи сами по себе действуют на вещи сами по себе, существуют только действенные причины (*causae efficientes*), которые можно разделить на:

- Механические причины (давление и удар),
- Стимулы,
- Мотивы.

Механические причины встречаются в основном в неорганическом царстве, стимулы – в растительном царстве, мотивы – только в животном царстве.

Поскольку, кроме того, человек, в силу времени, может заглядывать в будущее, он может ставить перед собой цели, то есть для человека и только для него существуют конечные причины (*causae finales*) или идеальные причины. Они, как и все другие причины, действуют, потому что они могут действовать только тогда, когда они стоят на точке настоящего.

Термин «причина возможности» должен быть ограничен тем, что он обозначает только ту причину, которую одна вещь сама по себе дает другой.

Термин «причина случая» следует ограничить тем, что он обозначает только причину, которую одна вещь сама по себе дает другой, чтобы действовать на третью. Если облако, закрывавшее солнце, отодвигается, и моя рука становится теплой, то отодвигание облака является причиной повода, а не самой причиной потепления моей руки.

19.

Разум, кроме того, расширяет общую причинность, связывающую две вещи (действующую и страдающую), до четвертой причинной связи, охватывающей действенность всех вещей самих по себе, до общности или взаимодействия. Она гласит, что каждая вещь оказывает непрерывное, прямое и косвенное воздействие на все другие вещи в мире, и что в то же время все другие вещи оказывают на нее непрерывное, прямое и косвенное воздействие, из чего следует, что ни одна вещь сама по себе не может иметь абсолютно независимого воздействия.

Как закон причинности привел к утверждению независимой от субъекта действенности, а общая причинность – к утверждению независимого от субъекта воздействия вещей самих

по себе друг на друга, так и сообщество является лишь субъективной связью, посредством которой распознается реальная динамическая связь вселенной. Последняя существовала бы и без познающего субъекта; но субъект не мог бы ее познать, если бы не был способен вызывать в себе связь сообщества, или, другими словами: сообщество является условием возможности постижения динамической связи вселенной.

20.

Разум теперь имеет только одну связь: математическое пространство.

(Точка) пространство существенно отличается от настоящего тем, что оно полностью достаточно для возникновения восприятия, тогда как настоящее недостаточно для распознавания всех движений вещей.

Поэтому представляется бесполезным переходить к построению математического пространства, которое является связью *a posteriori*, как и время. Но это не так.

Ведь математическое пространство необходимо для человеческого знания, потому что математика основана на нем, и даже те, кто не является его другом, с готовностью признают его огромную ценность. Математика является не только незыблемой основой различных наук, особенно астрономии, которая так важна для культуры человеческого рода, но и краеугольным камнем искусства (архитектуры) и фундаментом технологии, которая в своем дальнейшем развитии полностью преобразует социальные отношения человечества.

Математическое пространство возникает в том, что причина определяет точку-пространство для расхождения, а затем объединяет любые чистые пространственности в целое неопределенной протяженности. Здесь, как и при формировании целых объектов, он исходит из частичных представлений.

Математическое пространство – это единственная связь на априорном основании, которая не помогает определить вещь в себе. Соответственно, в реальной сфере нет ни вещи самой по себе, ни совокупности таких вещей, а есть абсолютное небытие, которое мы не можем представить иначе, чем через математическое пустое пространство.

21.

К многообразным отношениям, которые разум имеет к пониманию, добавляется, наконец, следующее: исправление видимости, т.е. ошибки понимания. Так, мы видим луну на горизонте больше, чем она есть на самом деле, палку, сломанную в воде, звезду, которая уже погасла, вообще все звезды там, где их на самом деле нет (потому что воздушная оболочка земли преломляет весь свет, и разум может искать причину чувственного впечатления только в направлении лучей, падающих на глаз); так, далее, мы думаем, что земля не движется, планеты иногда стоят на месте или движутся назад и т.д., и все это разум исправляет.

22.

Теперь давайте подведем итог вышесказанному. У человека есть способность к познанию:

- различные априорные функции и формы, а именно:
- закон причинности,
- (точечное) пространство,
- материя,
- синтез,
- присутствие,

которым в реальной сфере противопоставляются следующие детерминации вещи в себе, совершенно независимо:

- эффективность вообще,
- сфера действительности,
- чистая сила,
- единство каждой вещи в себе,

– точка движения.

Человека способен познавать через:

– различные идеальные связи, или связи, устанавливаемые разумом на основе априорных функций и форм:

– время,

– общая причинность,

– вещество,

– математическое пространство.

Четыре первых соответствуют следующим определениям вещей в себе в реальной сфере:

– настоящая преемственность,

– действие одной вещи самой по себе на другую,

– динамический контекст вселенной,

– коллективная единица вселенной.

Математическому пространству противостоит абсолютное небытие.

Далее мы выяснили, что объект – это внешний вид вещи самой по себе, и что только материя производит различие между ними.

23.

Вещь сама по себе, насколько мы ее до сих пор исследовали, является силой. Мир, совокупность вещей в себе, – это совокупность чистых сил, которые становятся объектами для субъекта. Объект – это видимость вещи-в-себе, и хотя он зависит от субъекта, мы видели, что он никоим образом не фальсифицирует вещь-в-себе. Поэтому мы можем доверять опыту. Что такое сила сама по себе, мы пока не можем обсуждать. Пока что мы останемся на почве мира как концепции и рассмотрим силу в целом, превосходящая физику как можно меньше.

Закон причинности, функция интеллекта, всегда ищет только причину изменений в органах чувств. Если в них ничего не меняется, он полностью отдыхает. Если, с другой стороны, орган чувств изменяется в результате реального воздействия, интеллект немедленно активизируется и ищет причину воздействия. Когда он находит причину, закон причинности как бы отступает в сторону.

Разум, и это следует помнить, совсем не в том положении, чтобы применять закон причинности дальше и выяснять, например, причину причины, потому что он не мыслит. Поэтому он никогда не будет злоупотреблять законом причинности; также очевидно, что ни один другой вид познания не может этого сделать. Закон причинности лишь передает идею, то есть восприятие внешнего мира.

Если объект, который я нашел, меняется под моим взглядом, закон причинности служит только для поиска причины нового изменения в органе чувств, а не изменения в объекте: это как если бы совершенно новая вещь сама по себе оказала на меня воздействие.

Поэтому, исходя из закона причинности, мы никогда не сможем спросить, например, о причине движения ветки, которая до этого была неподвижна. Мы можем воспринимать движение только на основе этого закона и только потому, что мой орган чувств изменился в результате перехода ветки из состояния покоя в состояние движения.

Теперь мы можем вообще не задаваться вопросом о причине движения ветки? Конечно, можем, но только на основе общей причинности, связи разума *a posteriori*; ибо только с ее помощью мы можем распознать влияние объекта на объект, тогда как закон причинности, как правило, не имеет смысла, просто прядет нити между предметом и вещью в себе. Поэтому мы справедливо спрашиваем о причине движения ветки. Мы находим его в ветре. Если нам это нравится, мы можем продолжать спрашивать: сначала о причине ветра, затем о причине этой причины и так далее, то есть мы можем сформировать ряд причинности.

Но что произошло, когда я спросил о причине перемещения ветки и нашел ее? Я спрыгнул с дерева и ухватился за другой предмет – ветер. А что случилось, когда я нашел причину

ветра? Я просто оставил ветер и встал с чем-то совершенно другим, например, с солнечным светом или теплом. Из этого очень ясно следует:

- что применение общей причинности всегда вытекает из вещей самих по себе,
- что ряды причинности всегда являются лишь связью действительности вещей самих по себе и, таким образом, никогда не содержат самих вещей как членов самих по себе.

Если мы и дальше попытаемся (каждый сам за себя) продолжить прерванный выше на жаре причинно-следственный ряд, то всем станет ясно, что:

- Формирование правильных каузальных рядов так же трудно, как и кажется легким вначале; более того, совершенно невозможно для субъекта, начиная с любого изменения, установить правильный каузальный ряд *a parte ante*, который имел бы беспрепятственное продолжение *in indefinitum*.

Поэтому вещи сами по себе никогда не лежат в ряду причинности, и я не могу спросить о причине бытия вещи самой по себе ни с помощью закона причинности, ни с помощью общей причинности; ибо если вещь сама по себе, которую я нашел как объект с помощью закона причинности, меняется, и если я спрашиваю о причине изменения с помощью общей причинности, общая причинность немедленно уводит меня от вещи самой по себе. Вопрос: что является причиной любой вещи самой по себе в мире, не только не должен быть задан, но и вообще не может быть задан.

Отсюда очевидно, что причинно-следственные связи никогда не могут привести нас в прошлое вещей как таковых, и человек проявляет невероятный недостаток рефлексии, если считает так называемый бесконечный причинный ряд лучшим оружием против известных трех доказательств существования Бога. Это самое тупое оружие, какое только может быть, более того, это вообще не оружие: это нож Лихтенберга. И странно! Именно то, что делает это оружие ничем, делает несостоятельными и задуманные доказательства, а именно – причинность. Противники доказательств в упор утверждают: цепь причинности бесконечна, при этом никогда даже не пытались составить ряд из пятидесяти правильных звеньев; а создатели доказательств с легкостью превратили вещи этого мира в звенья причинного ряда, а затем необычайно наивно спрашивают о причине мира. Обе стороны должны быть объяснены, как указано выше: Общая причинность никогда не ведет в прошлое вещей самих по себе.

Семя не является причиной растения, потому что семя и растение связаны не причинно, а генетически. С другой стороны, можно спросить о причинах, которые привели к прорастанию семени в почве, или о причинах, которые превратили растение высотой в фут в растение высотой в шесть футов. Но если ответить на эти вопросы, то каждый обнаружит то, что мы обнаружили выше, а именно: что каждая из этих причин происходит от растения. В конце концов, растение будет найдено полностью закрученным в звенья причинно-следственного ряда, в котором, однако, оно никогда не появляется как звено.

Неужели нет никаких средств, чтобы проникнуть в прошлое вещей? Вышеупомянутая генетическая связь между семенем и растением отвечает на этот вопрос утвердительно. Причина может формировать развивающиеся ряды, которые являются чем-то совершенно отличным от причинных рядов. Первые возникают с помощью причинности, вторые – только с помощью времени. Причинные ряды – это объединенная эффективность не одной, а многих вещей; ряды развития, с другой стороны, имеют отношение к бытию вещи самой по себе и ее модификациям. Этот результат очень важен.

24.

Если мы теперь продолжим, опираясь на естественные науки, этот единственный путь, ведущий в прошлое вещей, мы должны проследить все серии органических сил до химических сил (углерод, водород, азот, кислород, железо, фосфор и т.д.). То, что даже эти простые химические силы, так называемые простые вещества, можно будет проследить до нескольких сил, является непоколебимым убеждением большинства ученых-естественников. Однако для

нашего исследования совершенно неважно, произойдет это или нет, поскольку это неопровержимая истина, что в имманентном поле мы никогда не достигнем единства за пределами множественности. Поэтому ясно, что даже три простые химические силы приведут нас не дальше, чем к сотне или тысяче. Поэтому давайте останемся с тем числом, которое дает нам естественная наука наших дней.

С другой стороны, мы находим в нашем мышлении не только не препятствие, но прямо-таки логическое принуждение, чтобы довести множественность хотя бы до ее простейшего выражения, дуализма, ибо по причине того, что то, что лежит в основе всех объектов, есть сила, и что может быть более естественным, чем то, что она, выполняя свою функцию, даже действительную для настоящего и всего будущего, должна объединить силы в метафизическое единство? Этому не могут помешать различные эффективности сил, ибо он имеет в виду только общее, эффективность каждой вещи в себе, то есть существенное равенство всех сил, и все же его функция состоит исключительно в объединении многообразных подобий, которые ему передает сила суждения.

Однако мы не должны поддаваться ему здесь, но, твердо глядя на истину, должны удерживать разум от верного падения сильной сдержанностью.

Я повторяю: мы никогда не сможем выйти за пределы множественности в имманентном поле, в этом мире. Даже в прошлом, как честные исследователи, мы не должны уничтожать множественность и должны, по крайней мере, остановиться на логическом дуализме.

Тем не менее, разум не может не указывать снова и снова на необходимость простого единства. Его аргументом является уже упомянутый довод, что для него все

Силы, которые мы разделяем, как силы, на самом глубоком уровне схожи по своей сути и поэтому не могут быть разделены..

Что делать в этой дилемме? Ясно одно: истина не должна отрицаться, а имманентная сфера должна быть сохранена в своей полной чистоте. Есть только один выход. Мы уже в прошлом. Поэтому мы позволили последним силам, к которым нам не разрешалось прикасаться, если мы не хотели стать фантастами, течь вместе в трансцендентном царстве. Это прошлое, бывшее, затопленное место, а вместе с ним ушло и затоплено и простое единство.

25.

Объединив множественность в единство, мы, прежде всего, уничтожили силу, ибо сила имеет силу и значение только в имманентной сфере, в мире. Уже из этого следует, что мы не можем составить никакого представления, не говоря уже о понятии, о сущности предмирового единства. Но полная непознаваемость этого предмирового единства становится совершенно очевидной, когда мы подводим к нему все априорные функции и формы и все апостериорные связи нашего ума, одну за другой. Это голова Медузы, перед которой они все застывают.

Во-первых, органы чувств не могут служить; ведь они могут реагировать только на действительность силы, а единство не действует как сила. Тогда ум остается в полном бездействии. Здесь, действительно, в основном только здесь, поговорка: ум стоит на месте,

полностью справедлива. Он также не может применить свой закон причинности, поскольку не существует чувственного впечатления, и не может использовать свои формы пространства и материи, поскольку не существует содержания для этих форм. Затем разум бес- сильно опускается на землю. Что значит соединить? Какая польза от синтеза? Какая польза от его формы, настоящего, в котором отсутствует реальная точка движения? Что делает для него время, которое, чтобы быть чем-то вообще, требует реальной последовательности в качестве основы? Какое отношение она имеет к общей причинности, задача которой – связать действительность вещи в себе, как причины, с воздействием на другую вещь, как следствие, по сравнению с простым единством? Может ли он использовать важную связь сообщества, где не существует одновременного сцепления различных сил, динамической связи, но где простое единство направляет к нему непостижимые глаза сфинкса? В конце концов, что толку от веще-

ства, которое является лишь идеальным субстратом разнообразной эффективности многих сил? И вот они все хромают!

Следовательно, мы можем определить простое единство только отрицательно, то есть, с нашей сегодняшней точки зрения, как: инертное, беспредельное, неизбирательное, нерасчлененное (простое), неподвижное, вневременное (вечное).

Но давайте не будем забывать и будем крепко держаться за тот факт, что это загадочное, совершенно непознаваемое простое единство с его трансцендентной сферой погибло и больше не существует. Давайте ухватимся за это знание и со свежим мужеством вернемся в существующее царство, единственное, которое еще действует, – ясный и отчетливый мир.

26.

Из вышесказанного следует, что все ряды развития, которые мы можем начинать с чего угодно, ведут *a parte ante* к трансцендентному единству, которое полностью закрыто для нашего познания, *ixs*, равный ничему, и поэтому мы вполне можем сказать, что мир возник из ничего. Поскольку, однако, с одной стороны, мы должны приложить к этому единству положительный предикат – существование, хотя мы не можем составить даже самого скудного представления о природе этого существования, и поскольку, с другой стороны, для нашего разума совершенно невозможно представить себе возникновение из ничего, мы имеем дело с относительным ничто (*nihil privativum*), которое должно быть описано как прошлое, непостижимое первобытие, в котором все сущее содержалось непостижимым для нас образом. Из этого следует:

– что все ряды развития имеют начало (что, кстати, уже логически следует из концепции развития);

– что поэтому не может быть бесконечного причинного ряда

– что все силы появились на свет; ибо то, чем они были в трансцендентной сфере, в простом единстве, совершенно недоступно нашему пониманию. Только это мы можем сказать, что они имели простое существование. Более того, мы можем аподиктически сказать, что в простом единстве они не были силой; ведь сила – это сущность, *essentia*, вещи в себе в имманентной сфере. Но что представляло собой по сути простое единство, в котором содержалось все сущее, – это, как мы ясно видели, для нашего духа непроницаемая завеса на все времена. Трансцендентная сфера фактически больше не существует. Но если мы вернемся в прошлое с помощью нашего воображения к началу имманентной сферы, мы можем образно поместить трансцендентную сферу рядом с имманентной. Но потом их разделяет пропасть, которую невозможно преодолеть никакими средствами духа. Только одна тонкая нить соединяет бездонную пропасть: это существование. На этой тонкой нити мы можем перенести все силы имманентного царства на трансцендентное: оно способно вынести это бремя. Но как только силы попадают на поле за гранью, они также перестают быть силами для человеческого мышления, и поэтому применяется важное предложение:

Хотя все сущее не возникло из ничего, а уже существовало до появления мира, тем не менее, все сущее, каждая сила, возникла именно как сила, т.е. имела определенное начало.

27.

Мы приходим к этим результатам, когда возвращаемся от любого настоящего существа в его прошлое. Теперь давайте рассмотрим поведение вещей в продолжающейся точке настоящего.

Сначала мы заглянем в неорганическую сферу, царство простых химических сил, таких как кислород, хлор, йод, медь и так далее. Насколько позволяет судить наш опыт, не было случая, чтобы какая-либо из этих сил при одинаковых обстоятельствах проявляла различные свойства;

точно так же не известно ни одного случая, когда химическая сила была бы уничтожена, где химическая сила была уничтожена. Если я позволю себе войти во все возможные соедине-

ния и снова выйти из них, она снова проявит свои прежние свойства, и ее количество не увеличится и не уменьшится; по крайней мере, в последнем отношении у всех есть непоколебимая уверенность, что это так, и справедливо: ведь природа – единственный источник истины, и только к ее утверждениям следует прислушиваться. Она никогда не лжет, и на вопрос о том, о чем идет речь, она каждый раз отвечает, что ни одна простая химическая сила не может погибнуть.

Тем не менее, мы должны признать, что против этого утверждения могут быть сделаны скептические выпады. Что бы мне сказали в ответ, если бы я, нападая в общих выражениях и не приводя ни одной характеристики материи, из которой можно было бы сделать вывод о преходящести силы, объективирующейся в ней, сказал: «Правда, еще не известно ни одного случая, когда бы простая субстанция была уничтожена; но можете ли вы утверждать, что опыт научит тому же в будущем? Можно ли что-то сказать априори о силе? Вовсе нет; ведь сила совершенно не зависит от познающего субъекта, она сама по себе является реальной вещью.

Математик вполне может вывести предложения безусловной истинности для формальности вещей в себе из природы ограничений математического пространства – даже если оно существует только в нашем воображении – потому что точка-пространство, лежащая в основе математического пространства, имеет способность расходиться в три измерения, и потому что каждая вещь в себе простирается в три измерения. Кроме того, совершенно одинаково, говорю ли я об определенной реальной последовательности в сущности вещи самой по себе или перевожу ее в идеальную последовательность, т.е. привожу ее во временное отношение; ведь идеальная последовательность сохраняет тот же темп, что и реальная последовательность.

Но естествоиспытатель не должен делать никаких выводов из природы идеальной составной субстанции в отношении силы; ибо я не могу достаточно часто повторять, что сущность материи отличается во всех отношениях, *toto genere*, от сущности силы, хотя последняя запечатлевает свои свойства именно в материи вплоть до мельчайших деталей. Там, где соприкасаются реальная сила и идеальная материя, находится именно та важная точка, из которой. Необходимо провести границу между идеальным и реальным, где открыто проявляется различие между объектом и вещью в себе, между видимостью и причиной видимости, между миром как концепцией и миром как силой. Пока существует мир, до тех пор вещи в нем будут простирались в трех направлениях; пока существует мир, до тех пор будут двигаться эти сферы силы; но знаете ли вы, какие новые – (для вас новые, а не вновь возникающие) – законы природы откроет вам более поздний опыт, который также заставит сущность силы предстать перед вами в совершенно новом свете? Ведь утверждение о внутренней сущности силы никогда не может быть сделано априорно, а только на основе опыта. Но является ли ваш опыт полным? Вы уже держите все законы природы в своих руках? Что они хотели мне сказать?

Тот факт, что такие скептические нападки на вышеупомянутое предложение вообще могут быть сделаны, должен сделать нас очень осторожными и определить нас держать вопрос открытым для физики, но особенно для метафизики, в которой нити всех наших исследований будут сходиться в чисто имманентной области. Однако здесь, в аналитике, где вещь-в-себе предстала перед нами как нечто весьма общее, где мы, следовательно, занимаем самую низкую позицию для вещи-в-себе, мы должны безоговорочно поддержать утверждение природы о том, что простая химическая сила никогда не исчезает.

Если же мы возьмем химическое соединение, например, сероводород, то эта сила уже будет переходной. Это не сера и не водород, а нечто третье, прочно замкнутая в себе сфера силы, но силы разрушительной. Если разложить ее на основные силы, то она разрушается. Где теперь эта особая сила, которая произвела на меня совершенно определенное впечатление, отличающаяся как от серы, так и от водорода? Он мертв, и мы вполне можем представить, что при определенных обстоятельствах это соединение исчезнет со сцены навсегда.

В органической сфере дело обстоит точно так же. Разница между химическим соединением и организмом будет занимать нас в физике, здесь же она нас не касается. Каждый

организм состоит из простых химических сил, которые, как сера и водород в сероводороде, взвешены в одной высшей, полностью замкнутой и однородной силе. Если мы принесем организм в химическую лабораторию и исследуем его, мы всегда найдем в нем только простые химические силы, будь то животное или растение. Что же говорит природа,

когда мы спрашиваем ее о высшей силе, живущей в организме? Там сказано: сила существует до тех пор, пока жив организм. Если она растворится, сила погибнет. Других показаний она не дает, потому что не может. Это свидетельство величайшей важности, которое может исказить только омраченный разум. Когда организм умирает, связанные в нем силы снова освобождаются без малейших потерь, но сила, которая управляла химическими силами с тех пор, мертва. Должна ли она по-прежнему жить отдельно от них? Где уничтоженный сероводород? Где высшая сила сожженного растения или убитого животного? Парят ли они между небом и землей? Прилетели ли они к одной из звезд Млечного Пути? Только природа, единственный источник истины, может дать информацию, и природа говорит: они мертвы.

Насколько невозможно для нас представить возникновение из ничего, настолько же легко мы можем представить, что все организмы и все химические соединения аннигилировали навсегда. Из этих соображений мы получаем следующие результаты:

- все простые химические силы, насколько позволяет наш опыт, неразрушимы;
- все химические соединения и все органические силы, с другой стороны, разрушаемы.

Путаница субстанции с химическими простыми силами так же стара, как и сама философия.

Закон сохранения вещества таков: «Субстанция безначальна и нетленна».

Согласно нашим исследованиям, вещество – это идеальное соединение, на основе априорного разума-формы материи, а природа – это совокупность сил. Таким образом, воображаемый закон будет звучать на нашем языке:

Все силы в мире безначальны и нерушимы.

С другой стороны, мы выяснили это в ходе честного исследования:

- что все силы, без исключения, появились на свет
- что только некоторые силы бессмертны.

В то же время, однако, мы сделали оговорку, чтобы заново исследовать эту нетленность простых химических сил в физике и метафизике.

28.

Мы видели, что каждая вещь сама по себе имеет сферу силы, и что это не пустая видимость, придуманная априорной формой понимания пространства своими собственными средствами. С помощью чрезвычайно важного связующего сообщества мы также осознали, что эти силы находятся в самой тесной динамической связи, и таким образом пришли к совокупности сил, к прочно замкнутому коллективному единству.

Но этим мы утвердили конечность Вселенной, которую теперь предстоит обосновать более подробно. Давайте сначала проясним смысл этого вопроса. Речь идет не о замкнутой, конечной имманентной области, которая, однако, была бы окружена со всех сторон бесконечной трансцендентной областью; но, поскольку трансцендентная область фактически больше не существует, речь идет об имманентной области, которая одна все еще существует и которая должна быть конечной.

Как можно обосновать это, казалось бы, смелое утверждение? Перед нами только два пути.

Либо мы приводим доказательства с помощью воображения, либо чисто логически. —

Точка-пространство, как я уже говорил выше, в равной степени может дать границу песчинке и дворцу. Единственное условие заключается в том, чтобы предполагалось, что оно порождается вещью в себе, или, в отсутствие такой вещи, воспроизведенным чувственным

впечатлением. Сейчас у нас есть настоящий мир: наша земля под нами и звездное небо над нами, и наивному уму может показаться, что идея конечного мира возможна. Но наука разрушает это заблуждение. С каждым днем он расширяет сферу силы Вселенной, или, говоря субъективно, он ежедневно заставляет точку-пространство разума расширять свои три измерения. Поэтому пока мир неизмеримо велик, т.е. разум еще не может поставить ему предел. Сможет ли он это сделать, мы должны оставить открытым. Поэтому мы должны воздержаться от аналогичного описания вселенной в малых масштабах. |

Мы должны сказать, что мы не можем достичь цели с помощью воображения, что мы не можем наглядно доказать конечность мира. Таким образом, нам остается только неумолимая логика.

И действительно, ему необычайно легко доказать конечность мира.

Вселенная – это не одна сила, не простое единство, а совокупность конечных сфер силы.

Теперь я не могу придать ни одной из этих сфер силы бесконечное расширение, ибо, во-первых, таким образом я разрушу само понятие, затем я сделаю множественное число

единственным, т.е. ударю опыт по лицу. Рядом с единственной бесконечной сферой силы не осталось бы места для любой другой, и сущность природы была бы просто аннулирована. Но совокупность конечных сфер силы обязательно должна быть конечной.

Против этого можно возразить, что хотя в мире существуют только конечные силы, существует бесконечное число конечных сил, следовательно, мир не является тотальностью, но он бесконечен.

На это следует ответить: Все силы мира являются либо простыми химическими силами, либо их соединениями. Первые должны быть подсчитаны, и более того, все соединения должны быть прослежены до этих нескольких простых сил. Ни одна простая сила не может быть бесконечной, как было объяснено выше, даже если мы можем обобщенно назвать каждую из них неизмеримо великой. Следовательно, мир, по сути, является суммой простых сил, которые все конечны, т.е. мир конечен.

Почему же что-то в нас снова и снова восстает против этого результата? Потому что разум злоупотребляет формой понимания пространства. Пространство имеет значение только для опыта; оно является лишь априорным условием возможности опыта, средством познания внешнего мира. разум, как мы видели, имеет право позволить пространству распасться по своей воле (как нажимают на пружину палочного меча) только тогда, когда ему нужно воспроизвести или, для математики, произвести чистое восприятие пространственности.

Понятно, что математик нуждается в такой пространственности только в самых малых измерениях, чтобы продемонстрировать все свои доказательства; но также понятно, что именно производство математического пространства является для математика тем обрывом, на котором разум становится извращенным и совершает злоупотребления. Ведь если мы стремимся постичь логически обеспеченную конечность мира (насколько это возможно) в образе и допускаем для этого расхождение с пространством, то порочный разум немедленно заставляет пространство расширять свои размеры за пределы мира. Тогда жалоба становится громкой: у нас есть конечный мир, но в пространстве, которое мы никогда не сможем завершить, потому что измерения все время удлиняются (или лучше: у нас есть конечный мир, но в абсолютном небытии).

Для этого есть только одно средство. Мы должны в значительной степени опираться на логическую конечность мира и на осознание того, что точка-пространство, расширенная силой в безграничное математическое пространство, является мыслью, существует только в нашей голове и не имеет реальности. Таким образом, мы защищены и с критическим благоразумием противостояем искушению предаться уединенной похоти духа и тем самым предать истину.

Точно так же только критическое благоразумие может защитить нас от других больших опасностей, о которых я сейчас расскажу.

Как в природе точечного пространства расходиться от нуля *in indefinitum* до трех измерений, так и в его природе позволять любой чистой (математической) пространственности становиться все меньше и меньше, пока она снова не станет точечным пространством, т.е. нулем. Подобно тому, как улитка убирает свои рога, она убирает свои измерения в себя и снова становится неактивной формой понимания. Эта субъективная способность, называемая пространством, не может быть понята иначе, ибо она является условием возможности опыта и расположена только для внешнего мира, без которого она вообще не имеет смысла. Но даже самый глупый человек может увидеть, что форма познания, которая, с одной стороны, способна понимать самые разные вещи (самые большие и самые маленькие, а иногда и самые

самый большой, скоро самый маленький) как объекты, с другой стороны, должны также помогать постижению совокупности всех вещей в себе, Вселенной, должны быть неограниченными как в прогрессе, так и в регрессе к нулю; ибо если бы она имела предел для отступления, она не могла бы образовать реальную сферу силы за этим пределом; и если бы она имела предел перед нулем для отступления, то все те сферы силы, которые лежат между нулем и этим пределом, были бы неудачны для нашего познания.

В последнем разделе мы увидели, что разум может злоупотребить безграничностью точечного пространства в шаге от него и прийти к конечной вселенной в бесконечном пространстве. Теперь мы должны осветить злоупотребление, которое разум делает с безграничностью пространства при возвращении к нулю, или, другими словами: мы сталкиваемся с бесконечной делимостью математического пространства.

Если мы подумаем о чистой пространственности, такой как кубический дюйм, мы можем разделить его на неопределенные части, т.е. рецессия измерений в нулевую точку всегда предотвращается. Мы можем делить на годы, на века, на тысячелетия – мы всегда будем стоять перед остаточной пространственностью, которая может быть разделена снова и т. д. *in infinitum*. На этом основана так называемая бесконечная делимость математического пространства, так же как бесконечность математического пространства основана на бесконечном делении пространства точек.

Но что мы делаем, начиная с определенного пространства и беспокоясь его разделяя? Мы играем с огнем, мы – большие дети, которых каждый благоразумный человек должен бить по рукам. Или нашу процедуру не стоит сравнивать с действиями детей, которые в отсутствие родителей без всякой цели орудуют заряженным пистолетом, имеющим вполне определенное назначение? Пространство предназначено только для познания внешнего мира; оно призвано ограничить каждую вещь в себе, будь она велика, как Монблан, или мала, как инфузория-животное: в этом его назначение, как у заряженного пистолета – сбить с ног грабителя. Но теперь мы отделяем пространство от внешнего мира и делаем его

или, как я уже сказал выше, согласно Пюклеру: с нашим духом мы занимаемся «одиноким вождением».

30.

Деление *in indefinitum* данной чистой пространственности, кстати, имеет и невинную сторону, поскольку делится вещь мысли, пространственность, которая находится только в голове делителя и не имеет реальности. Однако его опасность удваивается, когда бесконечная делимость математического пространства переносится, почти святотатственно, на силу, вещь в себе. И наказание, которое следует сразу же за бессмысленным началом, является логическим противоречием.

Каждая химическая сила делима; против этого нет возражений, ибо так учит опыт. Но она не состоит из частей до деления, не является совокупностью частей, ибо части становятся реальными только в самом делении. Химическая сила является однородной, простой силой

абсолютно равной интенсивности, и это является основой ее делимости, т.е. каждая отделенная часть по своей сути ни в малейшей степени не отличается от целого.

Если теперь пренебречь реальным делением, которое и природа осуществляет по своим законам, и человек в плановой работе для практической пользы, и результатом которого всегда являются определенные сферы силы, то остается праздное легкомысленное деление.

Извращенный разум берет любую часть химической силы, например, кубический дюйм железа, и мысленно делит ее постоянно, постоянно *in indefinitum*, и в конце концов приходит к убеждению, что, даже если бы она делилась триллионы лет, она никогда не кончится. В то же время, однако, логика говорит, что кубический дюйм железа, то есть конечная сфера силы, не может состоять из бесконечного числа частей, более того, вообще недопустимо говорить о бесконечном числе частей объекта, ибо только в беспрепятственной деятельности *in indefinitum* способности познания заключается основа понятия бесконечности, Единственное основание для понятия бесконечности существует только в беспрепятственной деятельности *in indefinitum* когнитивной способности.

Таким образом, извращенный разум может войти в пещеру по мановению руки беспокойного разделения, но, оказавшись внутри, он также должен всегда продвигаться вперед. Он уже не может вернуться в ту конечную сферу силы, из которой он стартовал. В этой безвыходной ситуации она насильно отрывается от своего лидера и постулирует атом, то есть сферу силы, которая больше не должна быть делимой. Конечно, соединив такие атомы вместе, он теперь может вернуться к кубическому дюйму железа, но какой ценой: он поставил себя в противоречие с самим собой!

Если мыслитель хочет оставаться честным, он должен быть благоразумным. Благоразумие – единственное оружие против злоупотреблений, которые извращенный разум склонен совершать над нашими познавательными способностями. Поэтому в данном случае мы вовсе не ставим под сомнение делимость химических сил в реальной сфере. Но мы всеми силами сопротивляемся, во-первых, бесконечной делимости сил, потому что такая делимость может быть утверждена только в том случае, если сущность способности познания (которая, к тому же, была неправильно использована) переносится на вещь в себе самым фантастическим образом; во-вторых, против составления силы из частей. Поэтому мы отвергаем бесконечную делимость силы и атома.

Как я уже говорил выше, способность познания, которая должна установить пределы для всех сил, которые могут возникнуть в опыте, обязательно должна быть так устроена, чтобы она могла неограниченно отклоняться и, возвращаясь к нулю, не находить предела вообще. Если же мы применяем его односторонне, то есть в отрыве от опыта, для которого он только и предназначен, и делаем выводы, вытекающие из его природы, обязательными для вещи самой по себе, мы вступаем в противоречие с чистым разумом: великое зло!

31.

В конце концов, нам все равно приходится с критическим настроением спасаться от опасности, которая возникает вне времени.

Время, как мы знаем, есть идеальная связь *a posteriori*, полученная на основе априорной формы настоящего, и есть ничто без основы реальной последовательности. С его мощным руководством мы прибыли в начало мира, на границу погруженного в мир предмирового существования, трансцендентного царства. Здесь она становится бессильной, здесь она перетекает в прошлую вечность, слово которой является лишь субъективным обозначением отсутствия всего и всякой реальной последовательности.

Критический разум скромнее; не так как извращенный разум. Это возвращает время к жизни и побуждает его спешить в неопределенное время без реальной основы, независимо от вечности, которая преобладает.

Здесь, как нигде, обнажено злоупотребление, которое может быть допущено в отношении способности к познанию. Пустые моменты непрерывно соединяются, и продолжается линия, которая до трансцендентного царства имела твердую, надежную основу, реальное развитие, но теперь парит в воздухе.

Нам не остается ничего другого, как положиться на чистый разум и просто запретить это глупое занятие.

Теперь, даже если *a parte ante* реальное движение, субъективным мерилom которого является только время, имело начало, это ни в коем случае не означает, что оно должно иметь конец *a parte post*. Решение этой проблемы зависит от ответа на вопрос: являются ли простые химические силы неразрушимыми? Ведь ясно, что реальное движение должно быть бесконечным, если простые химические силы неуничтожимы.

Отсюда следует:

- что настоящее движение обрело начало;
- что настоящее движение бесконечно. Последнее суждение мы делаем с оговоркой на пересмотр физики и метафизики.

32.

Эти и более ранние исследования нашей познавательной способности являются, по моему мнению, основой подлинного трансцендентального или критического идеализма, который не оставляет вещам их эмпирическую реальность только на словах, но действительно оставляет им их эмпирическую реальность, то есть наделяет их протяжением и движением, независимыми от субъекта, пространства и времени. Его центральное место заключается в материальной объективации силы, и в этом отношении она трансцендентна, что обозначает зависимость объекта от субъекта.

Критический идеализм, с другой стороны, является таковым потому, что он сдерживает порочный разум (*perversa ratio*) и не допускает его:

- злоупотребление причинно-следственными связями для получения бесконечных рядов;
- оторвать время от его необходимой основы, реального развития, и превратить его в череду пустых мгновений, исходящих из бесконечности и продолжающихся в бесконечность;
- рассматривать математическое пространство и вещество как нечто большее, чем просто мысли, и приписывать бесконечность этому реальному пространству и абсолютную устойчивость этой реальной субстанции.

Более того, критический идеализм допускает еще меньше порочных оснований для произвольного переноса таких фантазий на вещи в себе и аннулирует их наглые утверждения:

- чистое бытие вещей попадает в бесконечный причинный ряд;
- вселенная бесконечна, а химические силы делимы на бесконечность, или же они представляют собой совокупность атомов;
- мировое развитие не имеет начала;
- все силы несокрушимы.

Два решения, которые мы должны были принять:

- простые химические законы неуничтожимы,
  - мировое развитие не имеет конца,
- мы заявили, что они нуждаются в пересмотре.

В качестве важного положительного результата следует добавить, что трансцендентальный идеализм привел нас к трансцендентальному полю, которое, поскольку оно больше не существует, не может беспокоить исследователя.

Тем самым критический идеализм освобождает всякое честное и верное наблюдение природы от противоречий и колебаний и делает природу снова единственным источником вся-

кой истины, которую никто, соблазнившись иллюзиями и миражами, не оставляет безнаказанно: ведь он должен томиться в пустыне.

Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойдённый,
А вокруг цветёт роскошный луг зелёный!
Гёте. (Перевод Н. А. Холодковского)

33.

Важнейшим результатом предыдущих исследований для наших дальнейших изысканий является то, что вещи сами по себе являются для субъекта субстанциональными объектами и, независимо от субъекта, движущими силами с определенной сферой действительности. Мы достигли его путем тщательного анализа направленных вовне познавательных способностей, то есть полностью на почве объективного мира; ведь с таким же успехом мы могли бы производить время, полученное по пути внутрь, на нашем теле или в нашем сознании других вещей.

Но большего, чем знание того, что вещь, лежащая в основе объекта, сама по себе является силой определенной степени и с определенной способностью к движению, нельзя достичь путем выхода. Что такое сила в себе и для себя, как она действует, как она движется – все это мы не можем распознать внешне. Имманентная философия также должна была бы на этом закончиться, если бы мы были только познающим субъектом; ибо то, что она сказала бы об искусстве, о действиях людей и движении всего человечества на основе этой односторонней истины, имело бы сомнительную ценность: это может быть так, а может быть и не так; короче говоря, она потеряла бы надежную почву под собой и все мужество, и поэтому должна была бы отказаться от своих исследований.

Но этот выход – не единственный, открытый для нас. Мы можем проникнуть в самое сердце силы; ведь каждый человек принадлежит природе, сам является силой, причем силой самосознательной. Сущность силы должна быть постигнута в самосознании.

Итак, давайте теперь воспользуемся вторым источником опыта – самосознанием.

Если мы погружаемся в наше внутреннее существо, чувства и интеллект, направленные вовне способности познания, полностью перестают функционировать.

Они как бы приостанавливаются, и только верхние когнитивные способности остаются в активности. В нас нет впечатлений, для которых мы должны сначала искать отличную от них причину; кроме того, мы не можем формировать себя внутренне пространственно и полностью нематериальны, то есть закон причинности в нас не действует, и мы свободны от пространства и материи.

Хотя мы теперь совершенно непространственны, т.е. не можем достичь представления о форме нашего внутреннего мира, мы, тем не менее, не являемся математической точкой. Мы чувствуем свою сферу деятельности настолько, насколько она простирается, только нам не хватает средств, чтобы сформировать ее. Общее ощущение силы достигает самых кончиков нашего тела, и мы чувствуем себя не сконцентрированными в точке, не растворяющимися в неопределенности, а во вполне определенной сфере. С этого момента я буду называть эту сферу реальной индивидуальностью: это первый краеугольный камень чисто имманентной философии.

Если мы рассмотрим себя дальше, то обнаружим, что, как уже объяснялось выше, мы находимся в непрерывном движении. Наша власть по сути своей беспокойна и беспокойна. Никогда, даже в течение самой малой доли мгновения, мы не находимся в абсолютном покое;

ибо покой – это смерть, а самое малое мыслимое прерывание жизни было бы погашением пламени жизни. Поэтому мы по сути своей беспокойны; однако мы ощущаем себя в движении только в самосознании.

Состояние нашей внутренней сущности всегда касается сознания, так сказать, как реальная точка движения, или, как я уже говорил, настоящее плавает на точке движения. Мы всегда осознаем нашу внутреннюю жизнь в настоящем. Если бы, с другой стороны, настоящее было главным и точка движения стояла на нем, то мое существо должно было бы полностью отдыхать во время каждого перерыва моего самосознания (в обмороках, во сне), то есть смерть поразила бы его, и оно не смогло бы возродить свою жизнь. Предположение, что точка движения действительно зависит от настоящего (также реальное движение от времени), является, как и предположение, что пространство придает вещам протяженность, столь же абсурдным, сколь и необходимым для развития философии.

Этим я хочу сказать, что не может быть более высокой степени абсурда.

Осознавая переход от прошлого к настоящему, разум, как уже говорилось, обретает время и одновременно реальную последовательность, которую отныне, применительно к реальной индивидуальности, я буду называть реальным движением: это второй краеугольный камень имманентной философии.

Осознавая переход от прошлого к настоящему, разум, как уже говорилось, обретает время и одновременно реальную последовательность, которую отныне, применительно к реальной индивидуальности, я буду называть реальным движением: это второй краеугольный камень имманентной философии. Что это за сила, которая раскрывается в сердцевине нашего внутреннего мира? Это воля к жизни.

Когда бы мы ни вступили на путь внутри – находимся ли мы в кажущемся спокойствии и безразличии, трепещем ли под поцелуем прекрасного, мчимся ли и бушуем в дикой страсти или таем от жалости, «радуемся ли мы на небесах» или «печалимся до смерти» – мы всегда являемся волей к жизни. Мы хотим быть там, всегда быть там; поскольку мы хотим существования, мы есть, и поскольку мы хотим существования, мы остаемся в существовании. Воля к жизни – это внутреннее ядро нашего существа; она всегда активна, даже если часто не проявляется на поверхности. Чтобы убедить себя в этом, подведите самого усталого человека к реальной смертельной опасности, и воля к жизни проявит себя, неся во всех своих чертах с ужасающей ясностью стремление к существованию: ее жадный голод к жизни ненасытен.

Но если человек действительно больше не хочет жить, он немедленно уничтожает себя через это. Большинство людей только желают смерти, но не хотят ее. Эта воля – развивающаяся индивидуальность, которая тождественна движущейся сфере действительности, обнаруженной извне. Но она полностью свободна от материи. |

Я рассматриваю это непосредственное постижение силы на пути внутрь как свободное от материи, как печать, которую природа накладывает на мою теорию познания. Не пространство, не время отличают вещь саму по себе от объекта, а только материя делает объект просто видимостью, которая то появляется, то исчезает вместе с познающим субъектом.

Как важнейший результат аналитики, мы крепко держим в руках индивидуальную, подвижную волю к жизни, которая совершенно не зависит от субъекта. Это ключ, который ведет в сердце физики, эстетики, этики, политики и метафизики.

— — —

Физика

*И все к небытию стремится, Чтоб бытию причастным быть.
Гёте.*

*Ищите в себе и вы найдете все, и радуйтесь, что там
во-вне, как бы вы это ни называли, есть природа, которая говорит
да и аминь всему тому, что вы нашли в самом себе. Гёте.*

1.

Я не принимаю в качестве фундамента физики невидимый вид, парящий между небом и землей, метафизическую концепцию вида без костного мозга и сока; тем более так называемые физические силы, такие как гравитация, электричество и т.д., но реальную индивидуальную волю к жизни, обретенную в аналитике. Мы постигли его в самой глубине нашего существа как то, что лежит в основе (внешне различимой) силы, и поскольку все в природе действует непрерывно, а эффективность – это сила, мы вправе заключить, что каждая вещь сама по себе является индивидуальной волей к жизни.

2.

«Воля к жизни» – это тавтология и объяснение, ибо жизнь нельзя отделить от воли даже в самом абстрактном мышлении. Где есть воля, там есть жизнь, а где жизнь, там есть воля.

С другой стороны, жизнь объясняет волю, когда объяснение – это отслеживание чего-то неизвестного до чего-то известного; ведь мы воспринимаем жизнь как непрерывный поток, на импульсы которого мы в любой момент можем наложить палец, в то время как воля возникает перед нами только в произвольных действиях.

Более того, жизнь и движение – понятия взаимные, ибо где есть жизнь, там есть и движение, и наоборот, и жизнь, которая не была бы движением, была бы непостижима для человеческого мышления.

Кроме того, движение – это объяснение жизни; ведь движение – это признанная или ощущаемая характеристика жизни.

Итак, для воли к жизни движение необходимо; оно является ее единственным реальным предикатом, и к нему мы должны присоединиться держат нас, чтобы мы могли сделать первый шаг в физике.

Ясный взгляд на природу показывает нам самые разнообразные индивидуальные воли. Различие должно быть основано в их сущности, ибо объект может показать только то, что находится в самой вещи. Теперь разница проявляется наиболее четко в движении. Если мы теперь рассмотрим его более внимательно, то получим первую общую классификацию природы.

Если индивидуальная воля имеет единое, нерасчлененное движение, поскольку она сама является целостной и нерасчлененной, то как объект она является неорганическим индивидом. Конечно, мы говорим здесь только о драйве, о внутреннем движении внутри определенной индивидуальности.

Если, с другой стороны, воля имеет результирующее движение, которое возникает из того, что она разделила себя, то как объект она является организмом. Выделенная часть называется органом.

Затем организмы отличаются друг от друга следующим образом:

Если движение органов – это только раздражительность, которая просто реагирует на внешние раздражители, то организм – это растение. Результатом движения является рост.

Если, кроме того, индивидуальная воля разделилась сама в себе таким образом, что часть ее движения разделилась на движущееся и движимое, на управляемое и управляющее, или, другими словами, на раздражительность и чувствительность, которые, взятые вместе, снова образуют всю часть движения, то, как объект, она является существом. Поэтому чувствительность (следовательно, и дух) есть не что иное, как часть движения, необходимого для воли, и такое же хорошее проявление воли, как раздражительность или остальное движение. В мире существует только один принцип: индивидуальная воля к жизни, и кроме него у него нет другого.

Чем больше часть всего движения, которая делится, т.е. чем больше интеллект, тем выше уровень, на котором стоит животное, и тем больше значение проводника для индивида; и тем менее благоприятно отношение чувствительности к остальной части неразделенного движения, чем больше интеллект, тем больше значение проводника для индивида. тем большее значение имеет оставшееся целостное движение, которое предстает здесь как инстинкт, от которого искусственный инстинкт является ответвлением.

Если, наконец, через дальнейшее разделение оставшегося целого движения, в индивидуальной воле возникло мышление в понятиях, то он – человек.

Возникающее движение проявляется у животного, как и у человека, в виде роста и произвольного движения.

Я представляю проводника, с одной стороны, и сочлененное, а также неразделенное движение – с другой, под образом видящего всадника и слепой лошади, которые растут вместе. Лошадь – ничто без всадника, а всадник – ничто без лошади. Следует отметить, однако, что всадник не имеет ни малейшего прямого влияния на волю и может управлять лошадью по своему усмотрению. Всадник только предлагает направления, лошадь сама определяет направление своего движения. С другой стороны, наибольшее значение имеет косвенное влияние духа на волю.

3.

Дух находится в двойном отношении к воле животного и в тройном – к воле человека.

Общие отношения следующие. Сначала дух направляет, то есть указывает различные направления и принимает то, которое выбрано волей. Затем он передает это чувство воле, которую он может усилить до величайшей боли и величайшей похоти.

Третье отношение, присущее только человеку, заключается в том, что контролер через самосознание дает воле возможность заглянуть в свою внутреннюю сущность.

Последние два отношения могут придать его влиянию, хотя и косвенному, огромную силу и полностью изменить его первоначальное отношение к воле. Раб, который должен только подчиняться, становится сначала предупредителем, затем советчиком, наконец, другом, в руки которого воля доверяет свою судьбу.

4.

Соответственно, к сущности воли относится только движение, а не воображение, чувство и самосознание, которые являются

конкретного раскольнического движения. – Сознание проявляется в человеке

– как чувство,

– как самосознание.

Идея сама по себе является бессознательной работой духа и становится сознательной для него только через связь с чувством или самосознанием.

Воля к жизни, таким образом, должна быть определена: как изначально слепое, насильственное стремление или побуждение, которое становится познающим, чувствующим и самосознающим через расщепление своего движения.

В той мере, в какой индивидуальная воля к жизни находится под законом одного из упомянутых типов движения, она раскрывает свою сущность в целом, которую я, как таковую, называю ее идеей в целом. Таким образом, мы имеем

- химическая идея,
- идея растения,
- идея животного,
- идея человека.

Но если мы говорим о конкретной сущности индивидуальной воли к жизни, о ее особом характере, о сумме ее качеств, я называю ее идеей *par excellence*, и, таким образом, у нас столько же идей, сколько индивидов в мире. Имманентная философия помещает центр тяжести идеи там, где его помещает природа: а именно, в реальном индивиде, а не в виде, который есть не что иное, как понятие, как стул и окно, или в немислимом выдуманном трансцендентном единстве в мире, над или за миром и сосуществующем с ним.

5.

Теперь мы должны подойти к идеям в целом и к конкретным идеям в обратном порядке, поскольку идею человека мы постигаем самым непосредственным образом. Это было бы «объяснением формы вещи из ее тени», если бы мы хотели понять органические идеи через химические.

Приведенное выше разделение идей по характеру их движения мы осуществили с помощью факта беспокойного движения, обнаруженного в самосознании. Если теперь и внутренняя | Если внутренний опыт, с намерением непосредственно постичь сущность вещей в себе, заслуживает предпочтения перед внешним опытом, то, с другой стороны, он отступает перед последним, с намерением распознать факторы движения. В себе я всегда нахожу только индивидуальную волю жить в определенном движении, определенном состоянии, которое я осознаю. Я лишь получаю результат многих действий, ибо внутренне я не проявляю себя познающим образом. Я не узнаю свои кости, мышцы, нервы, сосуды и кишечник, не осознаю их отдельных функций: я всегда чувствую только одно состояние своей воли.

Поэтому для совершенного познания природы необходимо использовать воображение, и мы должны черпать из обоих источников опыта; но мы не должны забывать, что мы никогда не достигаем сути вещей путем выхода, и поэтому, если бы нам пришлось выбирать между двумя источниками опыта, то предпочтение, безусловно, заслуживает внутренний. Я проиллюстрирую это картинкой.

Существует три способа взглянуть на локомотив. Первый способ – это внимательное изучение всех частей и их взаимосвязи. Один изучает топку, котел, клапаны, трубы, цилиндры, поршни, шатуны, кривошипы, колеса и т. д. Другой способ намного проще. Другой способ намного проще. Стоит только спросить: какова общая производительность всех этих страных частей? И ответ полностью удовлетворяет: простое движение усложняющегося, раздувающегося чудовища вперед или назад по прямым рельсам. Тот, кто довольствуется только узнаваемым соединением частей и упускает из виду движение целого, удивляясь чудесному механизму, уступает тому, кто рассматривает только движение. Но обоих превзойдет тот, кто сначала реализует движение, а затем композицию машины.

Таким образом, с очень общей точки зрения, мы сейчас хотим дополнить идеей то, что мы обнаружили на основе внутреннего опыта.

Человеческое тело – это объект, т.е. это идея человека, прошедшая через формы познания.

Независимо от субъекта, человек – это чистая идея, индивидуальная воля.

Поэтому то, что мы, имея в виду только движение, называем проводником, на выходе является функцией нервной массы (т.е. головного и спинного мозга, нервов и узловых нервов), а то, что сочленяется (раздражимость), является функцией мышц. Все органы образуются

из крови и выделяются из нее. В крови, следовательно, не лежит вся воля, и ее движение есть лишь остаточное движение целого.

Каждый орган, таким образом, является объективацией определенного стремления воли, которое, как кровь, он не может осуществлять, а может только приводить в действие. Таким образом, мозг является объективацией стремления воли распознавать, чувствовать и мыслить внешний мир; таким образом, органы пищеварения и деторождения являются объективацией ее стремления поддерживать свое существование, и так далее.

Но даже если кровь, рассматриваемая сама по себе, не является объективацией всей воли, она все равно остается главным в организме, хозяином, князем: это настоящая воля к жизни, пусть даже ослабленная и ограниченная.

С другой стороны, весь организм является объективацией всей воли: он есть развитие всей воли. С этой точки зрения, весь организм – это объективированная сфера силы воли, ставшей идеей, и каждое действие организма, будь то пищеварение, дыхание, речь, хватание, ходьба, – это целое движение. Так, схватывание предмета – это сначала соединение нерва и мышцы в целое частичное движение, но сам акт – это соединение этого частичного движения с оставшимся целым движением крови в целое движение воли. Единое движение химической силы – это простое действие, движение организма – сложное, результирующее действие. В принципе, оба варианта одинаковы, так же как одинаково, поднимают ли груз десять человек вместе или один сильный человек в одиночку.

Как мы могли бы разделить движение человеческой воли только на чувствительность и раздражительность, с одной стороны, и остальные движения – с другой, так и факторы

движения в организме представлены только как нервы и мышцы, с одной стороны, и кровь – с другой. Все остальное вторично. И из этих трех факторов кровь – это главное и первоначальное, что выделило из себя нервы и мышцы. Он выглядит так безраздельная воля к жизни, объективация нашей внутренней сущности, демон, который играет в человеке ту же роль, что и инстинкт в животном.

6.

Следует, однако, отметить, что хотя нервная масса, как и любая другая часть тела, является объективацией воли, тем не менее, она занимает совершенно исключительное положение в организме. Мы уже видели выше, что он находится в очень важных отношениях с демоном и, хотя и находится в полной зависимости от него, представляется чуждым ему. В любом случае, мышцы находятся значительно ближе к крови, то есть в них содержится большая часть разделенного движения, что уже видно по их цвету и химическому составу. Кроме того, ни один орган не может функционировать без нервной стимуляции, а мозг работает только с помощью крови. По этим причинам целесообразно даже сейчас – позже мы найдем гораздо более важные причины – подчеркнуть хотя бы эту часть нервной массы (овеществленный дух) и поместить идею человека в неразрывную связь воли и духа; но всегда иметь в виду, что все, что относится к телу, есть не что иное, как овеществление воли, единственного принципа в мире, который я не могу достаточно привить.

7.

Поэтому идея человека – это неразрывное единство воли и духа, или неразрывное соединение определенной воли с определенным духом.

Я уже разбирал дух в аналитике: он состоит из познавательных способностей, объединенных в неразрывное единство.

В каждом человеке он особенный, потому что его части могут быть недостаточно, мало или сильно развиты. Если мы пройдемся по фасилитациям, то сначала отдельные органы чувств могут быть погашены или ослаблены. Интеллект всегда выполняет свою функцию –

переход от следствия к причине – и делает это у всех людей с одинаковой скоростью, которая настолько несравненно велика, что любое большее или меньшее значение должно полностью ускользнуть от восприятия. Кроме того, его формы, пространство и материя, одинаково объективируются во всех людях.

Ведь любые недостатки, такие как размытые контуры и неправильное определение цветов, обусловлены дефектным состоянием соответствующих органов чувств (близорукость, ограниченная способность сетчатки качественно разделять свою деятельность).

Поэтому то, что отличает дурака от гения, следует искать в высшей способности к познанию. Он не может лежать только в разуме, поскольку его функция, синтез, как и функция понимания, не может быть атрофирована ни у одного человека, но объединяется в разуме с его вспомогательными способностями: памятью, суждением и воображением. Ибо что толку в синтезе, то есть в способности соединять неопределенное, если, дойдя до третьей мысли, я уже забыл первую, или если я хочу запомнить фигуру и, дойдя до шеи, упускаю голову, или если я не в состоянии быстро сопоставить похожие вещи с похожими вещами, похожие вещи с похожими вещами? Именно поэтому высокоразвитые способности разума являются обязательным условием для гения, будь то мыслитель или художник.

С одной стороны, есть люди, которые не могут связно произнести и трех слов, потому что не могут связно мыслить, а с другой стороны, есть те, кто, прочитав однажды великое произведение, никогда не забывает ход его мысли. Есть люди, которые часами смотрят на какой-либо предмет и не могут четко запомнить его форму, а есть другие, которые однажды, медленно и четко, скользят взглядом по обширному пространству и с тех пор навсегда запечатлевают его в своем сознании. У одних слабая, у других сильная память, у одних слабое, у других одаренное воображение. Но следует помнить, что дух не всегда может проявляться в чистом виде, потому что его активность зависит от воли, и было бы неверно заключать из заторможенной речи тревожного, робкого человека, что он бездуховен.

Следует также отметить, что гениальность действительно является феноменом мозга, но она не зависит только от количественно и качественно хорошего мозга. Как большая куча углей не может расплавить металл, если создать условия для медленного горения, в то время как эффективный мехи быстро приводят к цели, так и мозг может проявить только высокую гениальность.

Если мы обратимся к воле человека, то сначала должны определить его индивидуальность в целом. Это замкнутое бытие-для-себя или эгоизм (себялюбие, Я-сущность). Там, где заканчивается эго, начинается не-эго, и действуют пропозиции:

Omnis natura vult esse conservatrix sui. – Прими мир, чтобы он был спасен. —

Человеческая воля, как и все остальное в мире, в основном стремится к существованию *par excellence*. Но затем оно также хочет, чтобы оно было определенным образом, то есть имело характер. Наиболее общей формой характера, которая является, так сказать, внутренней стороной эгоизма (кожи воли), является темперамент. Как известно, различают четыре темперамента:

- меланхолик,
- сангвиник,
- холерик,
- флегматик,

которые являются фиксированными точками, между которыми лежит множество многообразий.

В рамках темперамента теперь существуют волевые качества. Основными из них являются: Зависть – Благосклонность

Жадность – Щедрость
Жестокость – Милосердие
Скупость – Расточительность
Ложь – Преданность
Мужество – Смирение
Вызов – Уныние
Властолюбие – Кротость
Беспринципность – Скромность
Подлость – Благородство
Грубость – Податливость
Трусость – Смелость
Несправедливость – Праведность
Чёрствость – Откровенность
Коварство – Скромность
Наглость – Бесстыдство
Сладострастие – Сдержанность
Нечестивость – Любостяжание
Тщеславие – Святость

и между каждой из этих пар существуют градации.

Волевые качества следует рассматривать как формы воли к жизни в целом. Все они прорастают из эгоизма, а поскольку каждый человек – это воля к жизни, которую эгоизм как бы заключает в себе, то и зародыш каждого качества воли лежит в каждом человеке. Качества воли можно сравнить с резьбой, которая может расширяться в каналы, в которые воля вливается при малейшем поводе. Но уже здесь следует отметить, что человеческая воля уже входит в жизнь как характер. Если придерживаться нашей картины, то на младенце уже видны, помимо просто резьбы, большие впадины; но первые можно расширить и углубить, а вторые сузить и сплющить.

9.

Состояния воли следует строго отличать от качеств воли. В них, как я уже часто говорил, мы постигаем только нашу внутреннюю сущность. Мы постигаем его непосредственно и не осознаем его. Только привнося в размышление наши состояния, которые есть не что иное, как ощущаемые движения, мы становимся познающими, а состояния в то же время объективными для нас. Таким образом, только в абстрактном мышлении мы обнаруживаем, что в основе наших состояний лежит воля к жизни, а затем, обращая самое пристальное внимание на те мотивы, которые всегда приводят нашу волю в определенное движение, мы выводим из постоянно повторяющихся состояний природу нашего характера, черты которого я назвал качествами воли. Таким образом, мы можем определить свой темперамент только на основе абстрактной классификации и компиляции многих состояний.

Теперь нам предстоит распознать основные состояния нашей воли, как мы их ощущаем на пути вовнутрь, путем размышлений и, где необходимо, мы будем использовать воображение, чтобы помочь нам.

Основное состояние, из которого мы должны исходить, – это нормальное ощущение жизни.

Мы вообще не ощущаем себя, как бы; воля полностью удовлетворена: ничто не нарушает ее ясного зеркала, ни удовольствие, ни неудовольствие. Если мы посмотрим на тело, оно совершенно здорово: все органы функционируют без нарушений, мы нигде не чувствуем ни ослабления, ни усиления чувства жизни, ни боли, ни вождения.

Можно также назвать это состояние, в зеркале субъекта, нормально теплым и мягко светящимся; ибо впечатление тела на наши чувства объективируется материей (веществом) как

тепло, а впечатление глаз, в которых так красноречиво проявляется внутреннее движение, объективируется материей как яркий, мягкий свет. То, что свет и тепло сами по себе не являются ничем, а лишь явлениями движения, сегодня является неоспоримой научной истиной. Когда мы рассмотрим химические идеи, мы приблизимся к свету и теплу, и тогда также станет очевидно, что это не явления движения таинственного эфира, а идеи, известные каждому; ибо в мире существуют только индивидуальные воли, и в нем нет места существам, которые не воспринимаются органами чувств и логическое определение которых насмехается над всеми законами природы.

Все остальные состояния воли основаны на этом нормальном состоянии (которое также можно назвать невозмутимостью) и являются лишь его модификациями.

Наиболее важными изменениями являются: Радость и печаль, смелость и страх, надежда и отчаяние, любовь и ненависть. Последние являются самыми сильными; они представляют собой модификации высшей степени. Все они обусловлены преобразованием нормального состояния, которое воля производит под воздействием соответствующего мотива. Ничто таинственное, сверхъестественное, чуждое не проникает в его индивидуальность, не утверждает себя и не царствует в ней: ни могучий дух выдуманного вида, ни Бог, ни дьявол; ибо индивидуальность суверенна в своем доме. Как химическая сила непроницаема, так и человек представляет собой замкнутую сферу силы, которую вполне можно заставить извне проявлять себя то так, то этак, то переходить в это состояние, то в то; но мотив всегда вызывает только возбуждение, а воля просто реагирует в соответствии со своей природой, своим характером, из своих собственных сил.

10.

Если я перейду к описанию состояний воли, то станет ясно, что я могу представить только результаты самонаблюдения, которое не претендует на непогрешимость, поскольку такое самонаблюдение чрезвычайно сложно. Требуется, например, чтобы в высшей эмоции, которая полностью затопляет дух, человек сохранил столько ясности и благоразумия, чтобы распознать ее движение: почти невыполнимое требование.

В нормальном состоянии воля движется, подобно спокойно текущему потоку. Если представить волю в образе сферы, то движение будет равномерным, кольцеобразным вокруг центра: спокойно кружачим.

Все остальные упомянутые движения, с другой стороны, идут либо от центра к периферии, либо наоборот. Разница заключается в способе прохождения пути.

Радость – это непостоянное, прерывистое испускание из центра, иногда сильное, иногда слабое, волнами, иногда широкими, иногда короткими. Один говорит: сердце прыгает, сердце прыгает от радости, и часто движение проявляется и вовне: мы прыгаем, танцуем, смеемся. Индивидуальность радостного человека слишком узка; он взывает:

«Будьте в объятиях миллионов!»

Мужество – это спокойное, безмятежное излияние короткими, регулярными волнами. Мужественный человек стоит твердо и уверенно.

Надежда, с другой стороны, всегда движется волной. Это блаженное, легкое движение из центра. Один говорит: на крыльях надежды, с блаженной надеждой, и часто надеющийся раскидывает руки, как будто он уже у цели и может приложить к ней руку.

Я сравниваю любовь с бурным всплеском от центра к периферии; это самое мощное излияние: волны набегают друг на друга и образуют водовороты. Воля хочет вырваться за пределы своей сферы, она хочет стать всем миром.

С другой стороны, ненависть – это наиболее интенсивный отток воли с периферии в мир.

Ненависть, с другой стороны, является самым интенсивным оттеканьем воли от периферии к центру, как будто каждое расширение противно ей, и она не может иметь дорогое Я

достаточно сконцентрированным, сжатым и спрессованным. Как армия в бегах, чувство опутывает себя.

Отчаяние преодолевает путь к центру как бы одним прыжком. Человек, покинутый всеми, убежденный, что для него нет спасения, бежит к своей глубине, к последнему, за что он может ухватиться, и даже это последнее ломается. Один говорит: он сдался.

Страх – это трепетное движение внутрь себя. Человек хочет сделать себя как можно меньше, он хочет исчезнуть. Один говорит: страх загоняет в мышиную нору.

В горе воля движется большими, регулярными волнами к центру. Человек ищет себя, ищет в своей глубине утешение, которое не может найти нигде. Говорят: скорбь собирает ум, через скорбь улучшается сердце.

Для обозначения состояния часто используют настроение и говорят: он торжественно, с надеждой, мужественно, печально в такт; также говорят *out of tune*, чтобы указать, что круговое движение перестало быть регулярным.

11.

Давайте теперь кратко рассмотрим те качества воли, которые, в отличие от побудительных мотивов, порождают состояния ненависти и любви.

В целом можно сказать, что в любви человек стремится расширить свою индивидуальность, а в ненависти – ограничить ее. Но поскольку ни одно, ни другое невозможно осуществить, человек может лишь стремиться расширить или ограничить свою внешнюю сферу деятельности.

Человек сначала демонически расширяет свою индивидуальность через сексуальный инстинкт (сладострастие), и здесь любовь проявляется как сексуальная любовь. Это самое возбужденное состояние воли, и в нем его чувство к жизни достигает наивысшей степени. Человек, охваченный сексуальной любовью, стойко переносит величайшие муки, достигает необычного, терпеливо убирает препятствия с пути и даже, при определенных обстоятельствах, не уклоняется от верной смерти.

Через сексуальную любовь человек распространяет свою индивидуальность на семью.

Он еще больше расширяет свою внешнюю сферу и переводит себя в состояние любви через волевое качество властности или честолюбия. Он подчиняет себе других людей и делает свою волю законом для них. Любовь предстает здесь как наслаждение властью. Человек, стоящий в центре величайшей сферы, говорит гордо: один мой взмах – и сотни тысяч погрузятся в смерть, или: то, чего я хочу, – закон для миллионов.

Тогда любовь проявляется как стремление к деньгам, из-за скупости.

Любовь проявляется далее как чувство удовольствия от духовного превосходства, под рукой качества воли, стремления к славе. Сфера расширяется детьми духа, которые проносятся по всем странам и подчиняют других духов духу Отца.

Здесь также следует упомянуть о дружбе, которая основана на таком волевом качестве, как преданность. Если отношения подлинные, они приводят к ограниченному расширению сферы.

Наконец, любовь проявляется как любовь к человечеству, которую я рассмотрю в этике.

С другой стороны, человек сужает свою внешнюю сферу и вводит себя в состояние ненависти через зависть. Его отталкивает кажущееся счастье других людей и отбрасывает назад, к самому себе.

Затем сфера сужается за счет ненависти к отдельным частям мира: к людям в целом, к определенным классам, к женщинам и детям, к священнослужителям и т.д., в силу волевых качеств.

После ненависть проявляется в другой особой форме, а именно как ненависть человека к самому себе, и я коснусь этого более подробно в этике.

12.

Между вышеупомянутыми основными состояниями существует множество градаций; кроме того, существует множество других состояний, которые я, однако, обойду стороной, поскольку не должен слишком долго останавливаться на частностях.

Однако я обойду их стороной, поскольку не должен слишком долго останавливаться на частностях. Попутно мы познакомимся еще с несколькими важными состояниями в эстетике и

этике.

С другой стороны, мы должны рассмотреть второй вид движения воли, который я буду называть двойным движением, в отличие от простых движений, рассмотренных до сих пор.

В ненависти человек уходит в свою внутреннюю сущность. Он концентрируется, он хочет быть без расширения. Если ненависть очень велика, она часто меняется на противоположное движение, то есть воля вдруг устремляется к периферии, но не для того, чтобы с любовью обнять, а для того, чтобы уничтожить. Это движение – гнев, ярость, *furore brevis*. В нем человек либо уничтожает противника словами: осыпает его потоком ругательств, оскорблений, проклятий; либо переходит к актам насилия, которые могут закончиться смертью и убийством.

В эстетике и этике мы познакомимся с несколькими другими двойными движениями.

13.

Мне не нужно больше говорить об опьянении и сне.

Опьянение – это усиленная жизнь крови, которая становится тем более осознанной, чем больше ослабевают органы чувств, а вместе с ними и разум. Интоксикация является полной при анестезии наркотическими средствами (оксид азота, хлороформ и т.д.). Органы чувств полностью бездействуют, а ум не задействован; напротив, самосознание – это очень чистое зеркало. Человек, находящийся под наркозом, необычайно ясно осознает циркуляцию крови; он ясно чувствует, как кровь мчится, бушует и давит на сосуды, как будто хочет их разорвать. Он размышляет и думает в целом, но с удивительной быстротой.

Сон прежде всего необходим организму. Силы, которые так расходуются при общении с внешним миром, должны быть восстановлены, а расстройства в органах должны быть искоренены. Поэтому органы чувств отключаются, а воля, полностью замкнутая в своей сфере и беспокойная, как всегда, упорядочивает свой дом и готовится к новым действиям.

Сейчас в борьбе за существование наступило перемирие.

Затем сон необходим самому демону. Он должен время от времени становиться апатридом, чтобы не отчаиваться; а апатридом он может стать только в глубоком сне.

Разве не правда, что сон – это сам Бог, который обнимает усталых людей? (Хеббель.)

И:

Почудился мне крик:

«Не надо больше спать! Рукой Макбета Зарезан сон! Невинный сон, тот сон, Который тихо сматывает нити
С клубка забот, хоронит с миром дни,
Дает усталым труженикам отдых,
Врачующий бальзам больной души,
Сон, это чудо матери-природы,
Вкуснейшее из блюд в земном пиру.
Шекспир. (Перевод Б. Пастернака)

14.

Имманентная философия объединяет все состояния воли в понятиях желания и неудовольствия. Удовольствие и неудовольствие – это непосредственные состояния демона, это цельные, неразделенные движения истинной воли к жизни или, выражаясь объективно, состояния крови, сердца.

Боль и вожделение, с другой стороны, являются косвенными состояниями воли; ведь они основаны на живых ощущениях органов, которые являются выделениями из крови и утверждают определенную независимость от крови.

Это различие важно и должно быть отмечено. Приведу в связи с этим некоторые наблюдения в объективной сфере.

Состояния удовольствия – это расширение, состояния неудовольствия – концентрация воли.

Я уже указывал выше, что в первых состояниях человек хочет показать всему миру, как он счастлив. Таким образом, он выражает свое состояние всем телом в жестах, движениях (объятиях, прыжках, скачках, танцах) и особенно в смехе, криках, воплях, возгласах.

крик, вопль, пение и сквозная речь. Все это можно проследить в стремлении человека показать свое состояние и донести себя до других – если бы это было возможно, до всего мира.

С другой стороны, человек отбрасывается назад на самого себя в состоянии вялости.

Яркость глаз гаснет, выражение лица становится серьезным, конечности становятся неподвижными или сокращаются. Кожа на лбу вертикально морщится, глаза закрываются, рот становится немым, руки судорожно сжимаются, человек сжимается, замыкается в себе.

Стоит упомянуть и о плаче. Как будто оттекающая кровь больше не оказывает необходимого давления на лакримальные железы, и поэтому они опорожняются. Плачу предшествует спазм сердца, и можно почти почувствовать, как поток воли возвращается к центру. В бессильном гневе, напротив, слезы яростно выдавливаются наружу.

Наконец, я хотел бы обратить внимание на своеобразные световые появления в глазах, вызванные тупыми или бурными внутренними движениями, а также на ощущения тепла и холода. Поэты справедливо говорят о светящихся, сияющих, светящихся, фосфоресцирующих глазах; о мрачном огне в глазах; о странном сверкании глаз; о вспышках гнева; о том, что глаза загораются, вспыхивают. Также говорят: глаза искрят, в глазах бушует и так далее. Кроме того, существует множество выражений, обозначающих прекращение явлений, например: свет глаз погас; глаза потеряли свой огонь; усталые души, усталые глаза; в последнем выражении явление пропущено и подчеркивается только его причина.

Однако следует отметить, что все эти явления в глазу (к которым также относится потемнение радужной оболочки, особенно голубого цвета, когда человек сердится) обусловлены изменениями в органе. Возбуждения воли изменяют напряжение частей органа (роговицы, радужки, зрачка и т.д.) таким образом, что свет отражается существенно иначе, чем в нормальном состоянии, или другими словами: внутренние движения человека, насколько они проявляются в глазу, только изменяют обычный свет, они не являются самостоятельными источниками света.

Ощущения холода и тепла очень разнообразны. Мы чувствуем ледяную дрожь, мы дрожим; с другой стороны, мы светимся, на нас бьет жаркий огонь, мы горим, мы плавимся, в наших жилах кипит, кровь бурлит.

Но не только мы испытываем эти внутренние ощущения, но и наше тело показывает измененную температуру. Конечности становятся холодными в состоянии нежелания, они умирают; и с другой стороны, тело проявляет больше тепла в состоянии удовольствия или в оттоке части двойного движения, как в гневе. Лихорадка также относится сюда.

Теперь мы оставляем человека и спускаемся в царство животных, и в первую очередь мы имеем дело с высшими животными, которые ближе всего к человеку, его «братьями меньшими».

Животное, как и человек, представляет собой сочетание определенной воли и определенного духа.

Его дух обладает прежде всего теми же органами чувств, что и человек, которые, однако, у многих особей острее, то есть обладают большей восприимчивостью к впечатлениям, чем у человека. Его разум тоже такой же. Он ищет причину каждого впечатления и формирует его в соответствии со своими формами пространства и материи. Кроме того, животное, как и человек, обладает разумом, то есть способностью к связи. У него также более или менее хорошая память, но слабое воображение и слабая способность суждения, и этому несовершенству следует приписать огромную разницу, существующую между человеком и животным.

Первое следствие этого несовершенства заключается в том, что животное обычно связывает частичные представления ума только с частями объектов. Только те объекты, которые полностью видны на сетчатке глаза, будут восприниматься как целые объекты; все остальные недоступны ему как целые объекты, поскольку его воображение не в состоянии удержать множество частичных идей, которые исчезли. Таким образом, можно сказать, что самое умное животное, стоя вплотную к дереву, не получит его полного образа.

Тогда в нем отсутствуют важные связи, устанавливаемые разумом на основе априорных форм и функций.

Он не может конструировать время и поэтому живет исключительно в настоящем. С этим связан тот факт, что животное распознает только те движения, которые ощутимы в точке настоящего. Весь ход смены места объекта, незаметная смена места и все внутренние движения (события) ускользают из его сознания. Кроме того, животное не сможет связать воздействие одного объекта с изменением другого, поскольку ему не хватает общей причинности.

Признание динамической связи между вещами для него, естественно, совершенно невозможно. Только причинную связь между своим телом и теми вещами, воздействие которых на него он уже испытал, то есть вторую причинную связь, упомянутую в аналитике, хотя и существенно ограниченную, он узнает с помощью памяти. Поскольку он также лишен субстанции, его мир как концепция является неполноценным и фрагментарным.

Наконец, он не может формировать понятия. Поэтому он не может мыслить понятиями, и его дух лишен той важной вершины, которую можно достичь только через мышление: самосознания. Его сознание выражает себя:

- как чувство,
- как самоощущение (общее чувство индивидуальности).

Если нельзя приписать высшим животным абстрактное мышление, то, с другой стороны, необходимо приписать им мышление в картинках, на основе суждений в картинках. Лиса, пойманная в ножную петлю, которая прокусила себе ногу, чтобы освободиться, сделала два правильных суждения, держа свободную ногу живописно рядом с другой, и сделала из них правильный вывод: все это в живописной форме (без понятий), подкреплённой непосредственным восприятием.

Таким образом, разум животного односторонне развит, а его дух в целом существенно ограничен. Поскольку дух – это не более чем часть разделенного движения, из этого следует, что остальные движения животной воли должны быть более интенсивными, то есть инстинкт должен выходить на первый план у животного, чем демон у человека. И действительно, контроллер животного получает мощную поддержку инстинкта везде, где он объединяет эффекты и будущие отношения, о которых воля животного не знает.

Правитель животного опирается на инстинкт везде, где он не может распознать взаимосвязанные последствия и будущие отношения, от которых зависит сохранение животного. Так

инстинкт определяет время, когда перелетные птицы должны покинуть север, и гонит других животных осенью собирать пищу на зиму.

16.

Если мы теперь обратимся к воле животного, то его индивидуальность в целом, как и у человека, представляет собой замкнутое бытие-для-себя или эгоизм.

Как и человек, животное тоже хочет жить определенным образом, т.е. у него есть характер.

Что касается темпераментов и волевых качеств у животных, то ясно, что они должны быть менее многочисленны, чем у человека; ведь его дух более несовершенен, и только в соединении с развитым духом воля может быть многообразно сформирована, т.е. развита.

Поэтому мы будем правы, если, говоря о высших животных в целом, ограничим их темперамент двумя волевыми качествами – живостью и инертностью. Только у некоторых домашних животных, чей интеллект и характер были пробуждены и развиты тысячелетиями контакта с людьми, можно найти человеческий темперамент, и здесь прежде всего следует упомянуть лошадь.

Насколько важен для животного контакт с людьми, показывают одичавшие лошади и прерийные собаки. Последние, как рассказывает Гумбольдт, часто кровожадно нападают на людей, за защиту которых боролись их отцы. У таких одичавших животных регресс произошел таким образом, что интеллект снизился, и поэтому все движение крови (инстинкт) стало более интенсивным, в то время как характер стал более простым.

Из качеств воли отпадают все те, которые имеют своим условием человеческий дух, такие как скупость, справедливость, решительность, стыдливость и т. д. Из оставшихся, таких как зависть, лживость, верность, терпение, кротость, вероломство и т.д., больше всего проявляют обезьяны, слоны, собаки, лисы, лошади. Часто одним качеством воли можно описать весь характер животного, часто даже самого этого характера нет, а остается только характер животного. и остается только характер индивидуальности в целом: эгоизм.

Ощущения животного слабее, чем у человека, из-за пропорционально меньшей нервной массы, а также из-за более грубого телосложения. Поэтому его болевые и сладострастные ощущения более приглушенные и менее интенсивные, чем у человека.

Состояния удовольствия и неудовольствия у животных также слабее и менее многочисленны, чем у человека, поскольку их углубление и продолжительность зависят от абстрактного мышления. Только животные высшей ступени знают состояние радости и печали. Такое сильное горе и радость, как у человека, может испытать, скорее всего, только собака.

Более того, отчаяние отсутствует, и лишь у некоторых животных место надежды занимает состояние ожидания, которое предполагает концепцию будущего. Страх, с другой стороны, известен каждому животному, поскольку животные в целом трусливы. Животное смело только тогда, когда оно инстинктивно приняло решение в пользу расширенной индивидуальности (борьба самцов за самок, защита выводка). Только собака храбрится из преданности и предстает здесь как самое благородное животное.

Наконец, ненависть и любовь проявляются более или менее явно у всех животных. Любовь проявляется как сексуальная любовь (эструс), и, поскольку она коренится в жизни крови, а инстинкт гораздо более интенсивен, чем демон, это более дикое и исключительное состояние, чем у человека. Чувство жизни достигает своей высшей стадии. Тело становится бурлящим, движения более оживленными, а внутреннее яростное возбуждение распространяется в виде звука. Птицы поют, звонят, свистят, булькают; скот ревет; кошка кричит; лиса лает; олень свистит; скачущее животное манит; олень во время гона поднимает громкий крик, который слышен издали. Возбуждение также проявляется в знойных, закотившихся глазах, в непрекращающемся движении ушей, в топоте ног и вздыбливании земли рогами или рогами. Стригущееся животное почти не замечает опасности и часто забывает о голоде, жажде и сне.

Тогда любовь предстает как похотливое чувство власти. Бык и баран, петух и селезень двигаются с определенной гордостью за свою семью.

Ненависть проявляется как отвращение, даже вражда между полами после спаривания, а в силу эгоизма (одно качество воли редко несет его) – как ненависть ко всему окружению или к отдельным людям, когда на карту поставлено существование.

Подобно человеку, животное также преобразует нормальное движение во все другие состояния своей собственной силой. Эструс – это наиболее возбужденное состояние.

Чем ниже человек опускается в животное царство, тем проще оказывается его индивидуальная воля, вследствие все более неблагоприятного соотношения интеллекта и воли и все более простого духа. Пропадают целые органы чувств, атрофируются формы интеллекта, его функции выполняются все реже и реже, а высшие способности познания, наконец, исчезают совсем.

17.

Теперь мы попадаем в безмолвное царство растений. Нет чувствительности, то есть нет воображения, нет ощущений, нет самосознания, нет самосознания: это те характеристики, по которым растение отличается от животного.

Растение имеет результирующее движение. Это два целых частичных движения, которые объединяются в одно результирующее движение. Не так, как у животного одно частичное движение снова разделилось, а осталось целым, и поэтому растение не имеет чувствительности и лишено всех явлений, сопровождающих чувствительность.

Таким образом, раздражимость растений все еще содержит чувствительность, так сказать, и поэтому существенно отличается от раздражимости животных. Он реагирует непосредственно на внешний стимул и тем самым приводится в действие исходным, остающимся целым движением.

Если взять воображение в качестве вспомогательного средства, то сок – это истинная воля растения. Но это не объективация всей воли. Корень, стебель, листья и половые органы являются выделениями из сока и образуют вместе с ним объективацию воли всего растения. Большое различие между растениями и животными заключается в том, что сок приводит в действие органы непосредственно, как кровь приводит в действие мозг, в то время как другие органы животного не могут функционировать вообще без участия крови. В случае с последним, прежде всего, требуется соединение нерва и мышцы, и только теперь, как было объяснено выше, кровь может воздействовать на все движение.

18.

Растение – это индивидуальная воля к жизни и замкнутое существо для себя. Он хочет жизни очень специфическим образом, то есть у него есть характер. Но этот персонаж очень прост. Она не выделяется в волевые качества, а является для всех растений, постигаемых изнутри, слепым порывом, ростом определенной интенсивности. С другой стороны, при взгляде со стороны, он проявляет свой собственный характер, или, другими словами, он показывает нам свой характер как объекта: он выставляет его напоказ.

Мы можем выделить только три состояния у растения, которые соответствуют нормальному состоянию, ненависти и любви животного, а именно: рост, цветение и увядание. Под увяданием я понимаю здесь концентрацию.

В состоянии цветения растение достигает своей наивысшей жизни. Он «светится и сияет», и большинство из них, в стремлении еще больше расширить свою сферу, выдыхают аромат. Они как будто хотят поведать миру о своем блаженстве; но такое сравнение предполагает наличие сознания, которое мы должны категорически отрицать у растения. Что речь для человека, звук для животных, запах для растений.

Хотелось бы отметить, что глубокое возбуждение растения в состоянии цветения очень часто проявляется в повышении его температуры, что в отдельных случаях просто порази-

тельно. Так, например, цветок *Agum cordifolium* показывает теплоту 45° при температуре воздуха 21° (Фридрих Бурдах, 395).

В состоянии увядания растение сужает свою сферу. (Отгибание тычинок после оплодотворения можно рассматривать как аналог ненависти животных после спаривания). Тычинки, лепестки, листья увядают, плоды опадают, а идея растения концентрируется в соке.

У однолетних растений и других, таких как пальма саго, *Agave americana*, *Foucroya longaeva*, увядание идентично смерти. Здесь идея растения полностью сосредоточена в плодах.

Состояния воли растения основаны, как и все состояния индивида в целом, на преобразовании его нормального движения его собственной силой.

Жизнь растения из-за отсутствия чувствительности – это жизнь во сне, но по этой самой причине необычайно интенсивная. Он лишь внешне спокойный и мягкий. Подумайте о буйной плодовитости, которая свидетельствует о неистовом стремлении растения поддерживать свое существование, и об известном эксперименте Хейлза, согласно которому сила вытекающего сока винограда в пять раз сильнее, чем сила, с которой кровь движется в большой бедренной артерии лошади.

19.

Теперь мы вступаем в неорганическое царство, царство неорганических или химических идей, характерной чертой которых является нерасчлененное движение.

Химическая идея, как и всякая индивидуальная воля, является замкнутым бытием-для-себя.

Истинная индивидуальность в неорганическом царстве – вот и вся идея. Однако, поскольку каждая часть имеет ту же сущность, что и целое, каждая замкнутая сфера однородной химической силы, встречающаяся в природе, является индивидуумом.

Химическая идея хочет жить определенным образом, т.е. у нее есть характер. Этот характер, постигаемый изнутри, – непрекращающееся, простое, слепое стремление. Вся деятельность химической идеи может быть прослежена до этого единственного побуждения. Как и в случае с растением, он проявляется внешне: он полностью запечатлен в объекте.

Ничто не может быть более неправильным, чем отрицание жизни химической идеи. В тот самый момент, когда, например, кусок железа теряет свое внутреннее движение, которое является единственной характеристикой жизни, он не распадается, а фактически превращается в ничто.

20.

К химическим идеям сейчас относятся прежде всего так называемые простые вещества, такие как кислород, азот, железо, золото, калий, кальций и т. д. в чистом виде, без примесей. Тогда все чистые соединения простых веществ друг с другом являются идеями, например, углекислый газ, вода, сероводород, аммиак, оксид железа, оксид марганца, и соединения их друг с другом, например, сернокислый лайм, хромовокислый калий, азотнокислый сод; таким образом, все простые вещества, кислоты, основания и простые соли являются особыми идеями.

Особое значение имеют также те соединения, которые при одинаковом (процентном) составе проявляют различные свойства, и которые были названы полимерными веществами. Таким образом, пентатионовая кислота ($S5O5$) существенно отличается от гипосерной кислоты ($S2O2$), хотя сера и кислород встречаются в одинаковой пропорции в обоих соединениях, в соответствии с процентами и эквивалентами.

Кроме того, независимыми идеями являются органические химические соединения, т.е. радикалы и их соединения, такие как этил ($C4H5=Ae$) и оксид этила (AeO), йодоэтил (AeJ), оксид этила серной кислоты ($AeO.SO3$), а также полимерные органические вещества, такие как альдегид ($C4H6O2$) и уксусный эфир ($C8H8O4$).

Наконец, все двойные соли и сохранившиеся останки организмов, такие как кости, дерево и т.д., являются особыми идеями, потому что они представляют собой особые химические соединения.

С другой стороны, конгломераты, как таковые, не являются особыми идеями.

В этой рамке, которую мы дали неорганическому царству, находятся не только химические препараты; это не рамка только для химических формул; она охватывает всех представителей неорганической природы. Так, например, было бы неправильно не разделять аррагонит и известковый шпат, которые имеют совершенно разное кристаллическое образование; ведь каждое различие в объекте указывает на различие в самой вещи, и даже в соответствии с такими отклонениями должны определяться конкретные идеи.

Я завершаю эту общую часть замечанием, что для имманентной философии совершенно безразлично, будет ли число простых химических веществ и их соединений в ходе развития науки увеличиваться или уменьшаться. Философ не должен ограничивать и связывать естественные науки.

Его задача – лишь просеять материал, собранный учеными-естественниками, и подвести его под общую точку зрения. Он должен только определить химические идеи, не заботясь о том, увеличиваются или уменьшаются объекты под определенными понятиями.

21.

Теперь мы должны классифицировать объекты неорганического царства на основе трех вполне определенных состояний, а затем рассмотреть характер объектов каждого раздела.

Все тела являются твердыми, жидкими или газообразными.

Общим для них является расширение и непроницаемость, что означает не что иное, как то, что каждое неорганическое тело является индивидуальной волей к жизни. Она обладает сферой силы и утверждает себя в той жизни, которую хочет.

Тогда твердые тела проявляют тяжесть, т.е. у них одно главное стремление – достичь центра Земли. Каждый представитель неорганического царства хочет быть в центре земли: таков его общий характер. Его особенностью является интенсивность, с которой он проявляет свое стремление, его сплоченность, или его удельный вес (удельный вес).

В осуществлении этого стремления, которое твердое тело всегда имеет и никогда не теряет, оно проявляет инерцию.

Любое твердое тело в большей или меньшей степени расширяется или сжимается. В соответствии с этим определяют его расширяемость и сжимаемость, его твердость, хрупкость, упругость и пористость, словом, его так называемые физические свойства, которые ни в коем случае не являются идеями, самостоятельными силами, а лишь теснее определяют сущность химических идей. Они считаются с объекта (вещи в себе, прошедшей через субъективные формы) и справедливо относятся к основанию возникновения. Независимо от химической идеи, они даже не мыслимы: они стоят и падают вместе с ней.

Некоторые из этих свойств основаны на модификации агрегатного состояния, которое также можно назвать нормальным. Расширяемость под действием тепла означает лишь то, что тело, благодаря внешнему возбуждению, перешло в более возбужденное состояние, в более бурное.

внутреннее движение, и в нем стремится расширить свою сферу. Она стала теплее не потому, что часть особой идеи, называемой теплом, самым чудесным образом проникла в ее индивидуальность, стала в ней хозяином или даже вступила с ней в связь, но стала теплее потому, что изменила свое движение, по постороннему побуждению, конечно, но от своей собственной силы, и в этом новом движении теперь производит на чувства наблюдателя иное впечатление, чем прежде.

С другой стороны, тело сжимается и становится холоднее, потому что либо прекращается постороннее возбуждение, либо, действуя на другие тела, оно теряет свое более возбуж-

денное движение. Из более возбужденного состояния он возвращается в нормальное, и теперь мы говорим, что он стал холоднее, потому что в новом состоянии он также производит определенное новое впечатление. —

Газообразные тела демонстрируют тенденцию, движение, которое прямо противоположно гравитации. В то время как твердое тело стремится только к центру Земли, или, говоря в общем, к идеальной точке, лежащей вне ее, газообразное тело стремится непрерывно распространяться во всех направлениях. Это движение называется абсолютным расширением. Как я уже говорил, она является прямой противоположностью гравитации, и поэтому я должен решительно отвергнуть утверждение, что газы подвержены гравитации. То, что они тяжелые, я не отрицаю; но это основано, прежде всего, на том, что они действуют во всех направлениях, следовательно, и там, где определяется их вес, затем на соединении всех вещей, которое не допускает беспрепятственного расширения.

Между твердыми телами и газами находятся жидкости. Жидкость показывает единое неразделенное движение, которое должно быть определено: как текущее отдельно в стремлении к идеальному центру, лежащему вне его. Это ограниченное расширение или модифицированная гравитация.

Различные стремления твердых, жидких и газообразных тел проявляются наиболее отчетливо, когда они сдерживаются. Так, камень давит только на свое основание, поскольку имеет только одно прямое стремление к центру земли; жидкость, напротив, давит, насколько достигает, на все части сосуда, поскольку действует во всех направлениях, лежащих ниже ее уровня; газ, наконец, заполняет закрытый воздушный шар. Газ, наконец, полностью заполняет закрытый шар и делает его наполненным до краев, потому что его стремление толкает во все стороны.

22.

Если сравнить так называемые агрегатные состояния по их интенсивности, то каждый сразу же охарактеризует движение газообразной идеи как самое бурное и мощное. Если говорить о восстаниях, войнах, революциях, то редко кто не вплетет в речь такие слова, как буря, взрыв, вспышка. Реже используют образы, заимствованные из действия жидкостей, и говорят о жестокости наводнений, горных потоков, взрывов облаков. Эффективность твердых тел в этом случае вообще не используется. Точно так же говорят об извержениях ярости, вулканических извержениях страсти индивида и также говорят: вспыхивает яростью, прорывается.

Настойчивое стремление к единственной цели можно сравнить с гравитацией, подвижность характера – с волнами, поведение индивидуализма – с паром, и говорить о твердости человека в хорошем смысле, о его медлительности в ворчливом смысле, о его разносторонности и капризности. Французы говорят: *une femme varoiseuse*, а итальянцы часто применяют слово *varogoso* к персонажу, который не преследует никаких определенных целей, который иногда хочет то того, то другого, и ничего серьезного.

Итак, по степени интенсивности первым является газообразное состояние, за ним следует жидкость, а наименее агрессивным – твердое тело.

23.

Состояние агрегации является нормальным состоянием неорганического тела. Каждая химическая идея может модифицировать это нормальное состояние, не теряя его полностью. Состояние раскаленного железа существенно отличается от состояния железа обычной температуры, и все же раскаленное железо не вышло из состояния агрегации.

В этом пределе, однако, его движение более интенсивно, чем раньше. То же самое относится к жидкостям и газам, например, к кипящей воде и сжатому воздуху.

Помимо этих нормальных состояний и их модификаций, в неорганической сфере мы находим еще два: положительно-электрическое и отрицательно-электрическое.

Химическая идея в своем нормальном состоянии индифферентна, то есть не проявляет ни положительного, ни отрицательного электричества. Однако, если его стимулировать определенным образом, он меняет свое состояние на положительное или отрицательное электричество.

Если возбуждение является продолжением индивидуальности, сила становится положительно-электрической, в противном случае – отрицательно-электрической, и поэтому, по моему мнению, химическим соединениям ошибочно приписывается сродство или избирательное сродство. Этот процесс больше похож на акт экстренного размножения, чем на любовный союз. Одна индивидуальность хочет нового движения, другой жизни в третьей; другая всеми силами сопротивляется этому, но терпит поражение. В любом случае, химический союз является продуктом деторождения. Обе особи продолжают жить в потомстве, но связаны, так что последнее проявляет совершенно иные качества. Простое химическое соединение – это продукт, который в свою очередь может породить потомство. Именно так возникают соли, и основание является истинным принципом размножения, потому что оно всегда ведет себя электроположительно по отношению к кислоте.

То, что при соединении химических идей происходит нечто, что, если бы оно сопровождалось сознанием, мы бы назвали экстренным разведением и насильственным подчинением, а не взаимным поиском желаяния, мне кажется, находит подтверждение в том, что одна и та же сила становится иногда положительной, иногда отрицательно-электрической, в зависимости от того, играет ли она ведущую роль в деторождении. Таким образом, сера в момент деторождения ведет себя положительно наэлектризованной по отношению к кислороду, отрицательно наэлектризованной по отношению к железу. Когда известь мела

соединяется с соляной кислотой, а углекислота улетучивается, можно говорить об освобождении.

Если два металла соприкасаются друг с другом и электризуются в противоположных направлениях, то это, конечно, не является случаем деторождения, а лишь сильным возбуждением каждой особи, как в случае с собаками и кошками.

То, что химическая связь возможна только в возбужденном электрическом состоянии тел, ясно из того, что связь может быть предотвращена охлаждением, т.е. разрушением необходимого стимула. Одна сила не приобретает энергии для нападения, другая не приобретает сопротивления, и поэтому обе остаются безразличными.

Разложение химических соединений под действием тепла основано на том, что внешний раздражитель действует неравномерно на связанные силы. Подавленное приходит в более возбужденное и сильное состояние, чем ранее сильное, и теперь может освободиться. То же самое происходит при разложении электрическим током.

Три основные модификации элективной связи, одинарная, двойная и предрасполагающая:

1) $Fe + ClH = FeCl + H$; 2) $FeO + ClH = FeCl + HO$; 3) $Fe + HO + SO_3 = Fe. OSO_3 + H$, просто объясняются желанием каждой электроположительной силы иметь определенное новое движение или способ существования. В последнем случае железо разлагает воду, потому что оно хочет соединиться с серной кислотой в виде оксидуля, а серная кислота возбуждает его к разложению. —

Более отдаленное расширение индивидуальности, наконец, происходит путем простого притяжения, т.е. индивид выражает адгезию. Соединение посредством адгезии является неорганическим аналогом расширенной внешней сферы человеческого существа.

24.

Если мы оглянемся на тот путь, который мы прошли в физике до сих пор, мы увидим везде, куда бы мы ни повернули, один единственный принцип, факт внутреннего и внешнего опыта: индивидуальную волю к жизни и ее состояниям.

Индивидуумы, принадлежащие к нашему миру опыта, сначала делятся на четыре большие группы по особой природе их движения.

Затем они отличаются друг от друга в группах:

– в неорганическом и растительном царствах, постигаемое изнутри, по аналогии, посредством большей или меньшей интенсивности импульса, который проявляет себя вовне в физических свойствах или большом разнообразии форм;

– в животном царстве и в человеке большим или меньшим развитием воли (качеств воли) и духа (особенно вспомогательных способностей разума).

Все люди находятся в вечном движении, и каждое движение порождает определенное состояние. Обычные состояния – это модификации нормального состояния, которые воля вызывает собственной силой и только при внешней стимуляции.

25.

Теперь нам предстоит рассмотреть жизнь химических формул, а затем зарождение, жизнь и смерть.

Простые химические формулы, и, согласно всем наблюдениям, которые были сделаны, они не меняют своей природы и не могут быть уничтожены. Но, имея возможность сочетаться друг с другом, они, как говорит материализм, находятся в непрерывном (не вечном) цикле.

Соединения возникают и исчезают, снова возникают и снова исчезают: это бесконечная смена.

Если рассматривать одни только соединения, то вполне можно говорить о деторождении, жизни и смерти даже в неорганическом царстве.

Если простая химическая идея сочетается с другой, возникает новая идея со своим собственным характером. Эта новая идея, в свою очередь, обладает детородной силой; она может образовать новую идею со своим собственным характером с другими, к которым она имеет избирательное отношение. Возьмем кислоту, основание и соль, например, SO_3 , FeO и $\text{FeO}.\text{SO}_3$. Оксид железа не является ни железом, ни кислородом; серная кислота – ни серой, ни кислородом; сернокислый оксид железа – ни серной кислотой, ни оксидом железа; и все же отдельные идеи полностью содержатся в соединении. Соль, однако, больше не обладает детородной силой.

В неорганическом царстве деторождение – это слияние, и действительно, индивидуумы полностью сливаются в произведенном. Только временно жертвуя собой полностью, или лучше: только временно жертвуя собой полностью и жертвуя другим полностью, первый может поднять себя на более высокий уровень, т.е. дать себе другое движение, что является единственным, что имеет значение в деторождении.

Жизнь химической силы заключается в настойчивости в определенном движении или, при благоприятных обстоятельствах, в выражении желания нового движения, за которым немедленно следует действие, если только более сильный индивид не препятствует ему (как, например, контакт меди с железом настолько увлекает последнее, что оно не может соединиться с углекислым газом воздуха, образуя углекислый оксид меди). Упорство становится возможным только благодаря постоянной обороне, и уже здесь четко вырисовывается истина, что жизнь – это борьба.

Смерть химического соединения в конце концов проявляется как возвращение простых веществ, которые были связаны в нем, к первоначальному движению.

26.

В органическом царстве половое размножение в целом и половое размножение человека в частности является самым важным, поэтому рассмотрим только последнее.

Мужчина и женщина, каждый из которых обладает совершенно определенным характером и совершенно определенным духом, совокупаются. Если оплодотворение происходит,

то на свет появляется индивидуум (или несколько) с предрасположенностью к определенному характеру и определенному духу.

Фактом является то, что семя мужчины оплодотворяет яйцеклетку женщины, хотя оно не может попасть непосредственно в яичники. Яйцо и семя являются выделениями из внутреннего ядра индивидуума и содержат все его качества в подражание. Таким образом, каждый производитель вступает в спаривание, которое происходит в сильнейшем возбуждении.

Состояние, в котором находится каждый из потомков, определяет, во-вторых, природу плода, и это очень важный момент; ведь в зависимости от того, насколько страстнее, сильнее, энергичнее действует самка или самец при спаривании, новая особь в большей степени проявит индивидуальность самки или самца. Следует также отметить, что женщина, восплававшая большой любовью к мужчине, значительно усилит его влияние, как и наоборот!

И наоборот, мужчина, из большой любви к женщине, может дать волю определяющей активности женщины.

Таким образом усиливаются, ослабляются или полностью связываются волевые качества деторождающихся индивидуумов, другие передаются ребенку в неизменном виде и одновременно определяются его духовные способности. Однако природа зародыша не обязательно неизменна, ведь теперь процесс зарождения начинается в утробе матери, под непосредственным влиянием которой новый индивид находится довольно долгое время. Что не может произойти за это время! Более тяжелая работа или более тщательный уход, отвращение или усиление привязанности к мужчине, духовное стимулирование, любовь к другому мужчине, болезнь, самое сильное временное возбуждение или длительное состояние лихорадки из-за войн, революций: все это, если произойдет, не пройдет мимо эмбриона бесследно, но коснется его легче или глубже. Можно предположить, что немецкий народ после французской тирании и французский после великой революции и наполеоновских войн приобрели в целом измененный характер, первый – более решительный, второй – более непостоянный, оба – более бдительные, и это следует приписать не только состоянию потомков во время спаривания, но и влиянию во время беременности женщин.

Новый человек – это не что иное, как омоложение родителей, продолжение жизни, новое движение того же самого. В нем не может быть ничего, чего не было бы в родителях, и поэт прав, когда говорит о себе:

Отцу обязан ростом я, Серьезной к жизни целью, От матушки – любовь моя К рассказам и веселью.

Мой дед красавицам был рад, И я в том грешен, каюсь; Любила бабушка наряд,

И я, – не отрекаюсь.

И если в целом части все Срослись так радикально,

То вот оно во всей красе:

Что в нем оригинально?? (Гёте.)

Тот факт, что черты характера, рост, цвет волос и глаз бабушек и дедушек время от времени проявляются в детях, находит свое объяснение в том, что связанное качество воли может при благоприятных обстоятельствах снова стать свободным и проявиться.

Эти столь простые отношения, которые не хотят видеть только те, кто не хочет их видеть, многие насильно превращают в глубоко таинственные, так что невольно хочется воскликнуть вместе с Гете:

Разве мир не полон загадок настолько, что нужно превращать в загадки и самые простые явления?

Вскоре говорят, что непостижимый, могущественный вид действует в акте деторождения, вскоре говорят, что потусторонний принцип определяет характер ребенка, вскоре говорят, что характер новорожденного совершенно бескачественный. Самое поверхностное наблюдение

ние должно привести к отказу от всех этих фантазий и признанию того, что родители продолжают жить в детях.

Разнообразие детей основано на разнообразии состояний спаривания родителей, в котором возраст также играет свою роль. Один более жесток и бодр, другой более нежен и мечтателен, один более скромн, другой более глуп, один более эгоистичен, другой более великодушен.

Совсем не странно, что дети иногда проявляют качества, совершенно отличные от качеств своих родителей, потому что нейтрализация и изменение волевых качеств при определенных обстоятельствах могут стать очень очевидными.

Если мы войдем в царство животных и растений, то обнаружим, что чем дальше, тем меньше становится разница между ребенком и родителем; поскольку индивидуальная воля все меньше делится на качества, число ее состояний становится все меньше и меньше, а сами состояния становятся все проще и проще. Тогда обычно говорят, что особь имеет только родовой характер, под которым подразумевается, что особи вида все одинаковы. Тот факт, что произведенные особи являются ничем иным, как омоложенными родителями, ясно показан в случае некоторых насекомых, которые умирают сразу после спаривания или выделения зева; затем еще более ясно в случае однолетних растений и тех многолетних, которые умирают после образования семян..

27.

Таким образом, человек вступает в жизнь как особая индивидуальность. Как я уже говорил выше, помимо выдающихся волевых качеств, мы должны приписать ему и зародыши всех остальных. Они могут увядать или развиваться. Более того, мы должны дать его духу не слишком скудную способность к обучению; ведь даже если самое тщательное воспитание никогда не сможет сделать из простака гения, невозможно ошибиться в том, насколько мощно обстоятельства могут затормозить или пробудить высшие духовные силы.

Мир принимает нового человека и обучает его. Сначала это неудержимая воля к жизни, яростный простой порыв; но вскоре он выражает свою врожденную индивидуальность, проявляет индивидуальный характер, и тут же другие личности посягают на него ограничивающим образом. Он испытывает неутолимую жажду существования и, в соответствии со своей особой природой, стремится утолить ее; но и у других есть та же жажда и то же стремление. Из этого возникает борьба за существование, в которой индивидуальность развивается, усиливает или ослабляет себя, и либо торжествует, либо уступает, то есть обретает более свободное движение, либо становится более связанной. Врожденная индивидуальность трансформируется в приобретенную, которая при определенных обстоятельствах может быть идентична ей, и которой в узких пределах должна быть предоставлена возможность дальнейшего изменения, как я покажу в этике.

28.

Каждый организм умирает, т.е. идея уничтожается. Тип, который в течение жизни, упорно изменяясь, усваивал составляющие его простые химические идеи, а затем снова их выделял, распадается сам.

Стоя перед трупом, имманентный философ должен задать вопрос природе: Уничтожена ли идея или она продолжает жить? Природа всегда ответит: это мертво, а это живет. Оно мертво, если человек не омолодил себя через деторождение, и оно живет, если он обратился к детям.

Ответ не только удовлетворяет его, но и его первая часть для некоторых, чей характер должен быть принят как факт, например, для властных, или амбициозных, или сладострастных (которые не могут сделать и трех шагов, не попав в бордель), является утешительным словом из утешительных слов, и однажды станет таковым для всех.

29.

Наша Земля – это маленькая коллективная единица в неизмеримо большой, но конечной сфере силы – Вселенной. Вероятный состав нашей планеты, устройство Вселенной и, наконец, движение небесных тел теперь будут занимать нас.

Чем глубже человек проникает в недра земли, тем больше тепла, то есть тем интенсивнее движение химических идей, с которыми мы сталкиваемся. Таким образом, на глубине всего 34 мили ни один металл не может оставаться в твердом состоянии и становится жидким. Из этого можно сделать вывод, что на определенном расстоянии от периферии даже жидкое состояние больше не может поддерживать себя, и ядро Земли заполнено газами, причем чрезвычайно сжатыми газами, на которых плавают все жидкости. Затем жидкость была бы окружена твердой земной корой.

Эта гипотеза Франклина должна быть принята имманентной философией как лучшая; ведь ясно, что наша Земля, да и вся Вселенная, может существовать только потому, что стремление каждой химической идеи никогда не находит полного удовлетворения. На расстоянии всего лишь одного дюйма, одной линии от идеального математического центра Земли твердое или жидкое тело все равно должно будет упасть; ведь оно хочет быть только в этом центре: в этом заключается все его существо. Если бы такому телу удалось достичь центра Земли, оно утратило бы свое стремление, всю свою эффективность, все свое бытие и в момент прибытия превратилось бы в ничто.

Напротив, центр Земли находится в совершенно иных отношениях с газообразными идеями. Они не имеют к нему никакого отношения, так как всегда стремятся во всех направлениях, а не в одном. Если, следовательно, газ находится в центре Земли, он продолжает свою деятельность, ибо стремление его не исполнено.

Отсюда следует, что если бы нам пришлось создавать нашу Землю из имеющегося под рукой материала, то мы не смогли бы сделать никакого другого расположения, кроме существующего, т.е. мы должны были бы поместить сжатые газы в недрах сферы, твердые тела на ее поверхности, а между ними море расплавленных химических идей.

Это согласие имманентной философии, которая имеет один фундаментальный принцип, находящийся в глубине самосознания и последовательно подтверждаемый природой: индивидуальная воля к жизни, с эмпирическим фактом, с одной стороны, что температура повышается тем больше, чем глубже человек проникает в недра земли, и теорией Канта-Лапласа – с другой, придает гипотезе Франклина очень большую силу убеждения.

30.

Если мы посмотрим на Вселенную, неизмеримо большую, но конечную, то увидим единую сферу силы, то есть получим представление о коллективном единстве бесчисленных индивидуальных идей, каждая из которых действует на все остальные и одновременно испытывает эффективность всех остальных. Это и есть динамическая связь Вселенной, которую мы познаем с помощью общей причинности, распространенной на сообщество.

Поскольку, с одной стороны, наш опыт до сих пор не мог выйти за пределы определенного круга и по существу ограничен, а с другой стороны, воздушная оболочка нашей Земли демонстрирует все явления заторможенной активности, мы должны предположить динамический континуум и поместить химические идеи, о природе которых, однако, у нас нет суждений, между отдельными мировыми телами. Лучше всего объединить их под общим термином «эфир», решительно отвергая предположение о его невесомости.

Мы уже проследили теплоту и электричество до состояния идей и увидели, что они являются лишь явлениями движения; ведь движение – это единственный предикат индивидуальной воли, и самые разнообразные состояния данной воли являются лишь модификациями ее нормального движения. Не существует ни свободного тепла, ни свободного электричества, ни связанного (скрытого) тепла. Если тело теплое и уступает свое тепло другому, то это означает лишь то, что оно усилило состояние другого и, при осуществлении стимула, потеряло

силу, т.е. ослабило свое собственное состояние. Латентная теплота – это, с одной стороны, лишь выражение способности (собственной силы) воли изменять свое состояние на соответствующий стимул, а с другой стороны, выражение

возвращения воли из возбужденного состояния в нормальное. Как теплота и электричество, магнетизм не является трансцендентной сущностью, скрывающейся за вещами, которая иногда набрасывается на них и подчиняет их себе, иногда снова оставляет их и удаляется в свое жилище (жилище, которое можно описать только как «езде и нигде»), и то же самое верно для света.

Свет – это не что иное, как само бурное движение идей, ставшее видимым, или объективированное впечатление субъекта от бурного движения на органе зрения. Понимание того, что свет – это не видимые колебания эфира, окружающего все тела, а само тело, все больше завоевывает позиции и станет неоспоримой научной истиной. Этот взгляд должен произвести совершенно убедительное впечатление на того, кто не может представить себе мир иначе, чем конечным, и, вникая в динамическую связь бесчисленных вещей с самыми разнообразными усилиями, признает, что все находится в непрерывном действии и реакции, и обретает вселенную самого огромного напряжения. Где бы ни происходило движение во вселенной, – ни одна вещь не останется незатронутой им: она будет испытывать впечатление и реагировать на него.

Теперь Солнце является центром нашей системы, от которого во все стороны распространяется самое бурное движение, источники которого следует искать в самых интенсивных процессах горения, в сильном ударе космических масс, врезающихся в Солнце, и в сжатии самого солнечного тела.

Но если движение, распространяющееся во всех направлениях, может настолько изменить состояние нашего воздуха на расстоянии 20 миллионов миль, что оно производит впечатление на органы зрения, которые объективно представляют собой белый ослепительный свет

миль, может изменить состояние нашего воздуха таким образом, что это производит впечатление на чувство зрения, которое объективно является белым ослепляющим светом, что это производит впечатление на чувство чувств в тропиках, которое объективно является солнечным жаром, который почти уничтожает нас – это должно быть силой, для определения которой у нас нет никакой меры; Ведь в том, как наши органы реагируют на эти раздражители, мы находим такую же малую меру, как в игривой легкости движений наших конечностей для огромного давления воздуха, которое испытывает наше тело.

Из этого мы узнаем:

– что солнечный свет на нашей земле является лишь воспринимаемым своеобразным движением воздуха (возможно, только его кислорода), которое в конечном счете, если пропустить звенья ряда, имеет свою причину в движении, возникающем в результате процессов на солнце – подобно тому, как звук является лишь воспринимаемым ухом своеобразным движением воздуха;

– что солнечный свет, если иметь в виду только силу, с которой распространяется первоначальное движение, можно образно назвать необычайно большой силой.

Согласно теории Ньютона, Земля движется вокруг Солнца под действием двух различных сил: первоначальной силы, силы отбрасывания, и силы притяжения Солнца. Только последняя отталкивает Землю по любой прямой линии, только вторая притягивает ее к себе по прямой линии. Но поскольку оба они действуют вместе, Земля описывает кривую линию вокруг Солнца.

Ньютон просто постулировал эти силы и предположил, что они существуют. Их природа совершенно неизвестна, и мы знаем только законы, по которым они работают. Закон инерции таков:

Тело, однажды пришедшее в движение, без действия внешних сил будет продолжать свое движение с неизменной скоростью, в неизменном направлении, пока его не аннулируют внешние препятствия;

и закон всемирного тяготения:

Притяжение каждого тела прямо пропорционально его массе, а косвенно – квадрату расстояния до него; или, опять же, притяжение тела равно его массе, деленной на квадрат расстояния.

Несомненно, вся небесная механика и все движения небесных тел могут быть объяснены этими двумя законами. Каковы бы ни были истинные причины движения, они должны действовать в соответствии с этими законами.

Но то, что должно интересовать нас необычайно, это именно причины движения, и это задача имманентной философии, которую она не должна отвергать, по крайней мере, попытаться обнаружить конечную причину. Сама по себе попытка будет заслугой, даже если она окажется неудачной. Потомки вряд ли смогут поверить, что человек так долго полагался на законы и не исследовал истинные силы. Но когда они рассмотрят, как в рассматриваемый период все необъяснимое бесцеремонно приписывалось трансцендентным сущностям, их изумление утихнет.

Ясно, что имманентная философия не должна опираться на две непознаваемые силы, притяжение и отталкивание. Она должна отвергнуть их, как и все другие предполагаемые силы природы, которые якобы находятся везде и нигде, и которые, ради раскрытия своей сущности, должны бороться над так называемой объективной материей; она должна отвергнуть их, как и сверхчувственный вид, который якобы живет за реальными индивидами и наполняет один и другой своей подавляющей силой; Он должен отвергнуть его, как и любое простое единство, которое, как предполагается, существует в природе, рядом с ней или за ней; короче говоря, как все, что может затуманить взгляд на мир, запутать суждение о нем и аннулировать чистоту имманентной области.

Первый импульс», из которого астрономы выводят тангенциальную силу, должен поначалу вызывать самые серьезные сомнения в каждой ясной голове; ведь они представляют его как внешний импульс чужеродной силы. Имманентная философия, с другой стороны, не испытывает трудностей с первым импульсом, потому что ей не нужно проследивать его до посторонней силы, а можно вывести его из первого движения, от которого все движения, которые были, есть и будут, являются лишь продолжением. – Это первое движение – распад трансцендентного единства на имманентную множественность, трансформация сущности.

Когда исчезли домировое простое единство, абсолютный покой и трансцендентное царство, возникли множественность, движение и имманентное царство – мир. Движение, которое тогда имела каждая индивидуальная воля, было первым импульсом, но не чужеродным; ибо даже если мы никогда не сможем объяснить природу предмирового единства из сущности индивидуальной воли, несомненно, что сущность единства, хотя и измененная, присутствует в этом мире, и движение, единственный предикат индивидуальной воли, возникло изнутри, а не прилетело извне. Исходя из этого, можно прийти к движению готовой земли, используя теорию Кант-Лапласа в качестве руководства.

Астрономы считают иначе. Для них, как я уже сказал, первый импульс – это воздействие чужеродной силы. Однако если мы предположим, что успокоились с этим *retitio principii*, что возмутительно, то нас тут же поразит вопрос, который Литтроу выражает в этих словах:

Поскольку тела, как мы предполагаем, не могут двигаться без действия внешней силы, как, согласно тому же предположению, они могут поддерживать себя в этом движении без внешней силы?

Здесь кроется трудность, которая может быть преодолена только в том случае, если импульс будет перенесен в сущность самого тела и либо сделает его само по себе постоянно

действующей силой, либо позволит ему постоянно поддерживаться очевидной внешней силой, которая также действует постоянно.

Подобно первому импульсу через чужеродную силу, гравитация тоже не выдерживает критического рассмотрения. Это расширение известной всем нам гравитации до всеобщей гравитации. Как мы видели выше, гравитацию следует искать не вне твердых и жидких тел, а в них самих. Это их внутренний импульс, который лишь выражает тот факт, что каждое твердое и жидкое тело хочет быть в центре Земли. Интенсивность этого импульса, которая объективно составляет его удельный вес, является спецификой тела.

Физики и астрономы утверждают прямо противоположное; тем самым они переворачивают вопрос с ног на голову и запутывают себя в величайших противоречиях, как я сейчас покажу.

Прежде всего, их заставляют отделить гравитацию от тел, сделать ее чуждой им силой, которая действует на них извне и заставляет следовать ей. Более того, поскольку немислимо, чтобы на расстоянии всего одной линии от центра Земли эта мистическая сила перестала действовать, физики должны далее поместить место действия этой силы в центр Земли, который обязательно не имеет протяженности. «Кто может постичь, пусть постигает».

Предположим теперь, что мы здесь успокоились, мы могли бы, конечно, объяснить реальные явления на нашей Земле и гипотетические в ее недрах, или, другими словами: для простой гравитации достаточно места притягательной силы в центре Земли. Однако дело сразу же меняется, когда от гравитации переходят к общей гравитации, то есть к силе притяжения в нашей Солнечной системе. Теперь масса притягивающего небесного тела становится моментом притягивающей силы, что требует достаточного объяснения. Расположение силы в идеальном центре мирового тела уже недостаточно. Даже в таком неловком положении астрономы не задумываются. Они просто упраздняют место притягательной силы вне тел и переносят ее во всю сферу силы тел.

Это акт отчаяния. На Земле гравитация не должна быть присуща телу, но в Солнечной системе гравитация должна быть присуща телам.

Это очевидное противоречие заставляет задуматься каждого мыслящего человека. Даже Эйлер («Письма к принцессе») критиковал гравитацию; он пытался объяснить ее столкновением эфира с телами, «что было бы более разумным и более подходящим для людей, которые любят яркие и понятные принципы». В то же время он говорит об «особой склонности и желании тел», к чему я вернусь через некоторое время.

Бессель тоже не мог подружиться с гравитацией, хотя не потому, что она противоречива сама по себе, а потому, что она не могла объяснить ему процессы в световом конусе кометы Галлея.

Ядро кометы и ее отходящие потоки придавали вид горячей ракеты, хвост которой отклонялся сквозняком ветра».

(Гумбольдт, Космос I. Том.)

Заключение Бесселя сделано на основе различных измерений и теоретических соображений: «что вытекающий конус света значительно отклонялся от направления на Солнце, как вправо, так и влево, но всегда возвращался к этому направлению, чтобы перейти на другую его сторону».

В этом он убедился сам:

«о существовании полярной силы, о действии силы, которая значительно отличается от гравитации или обычной притягательной силы Солнца, поскольку те части кометы, которые образуют хвост, испытывают воздействие отталкивающей силы солнечного тела».

Поэтому, хотя законы тангенциальных и притягательных сил верны и очень хорошо объясняют все движения (включая движения кометы Галлея, как мы увидим), сами силы должны быть решительно отвергнуты философией. Но чем их можно заменить?

Напомню, что гравитация – это импульс, или, как говорит Эйлер, «склонность и желание» твердых и жидких тел находиться в центре Земли. Расширение, с другой стороны, – это склонность и желание газообразных тел расширяться во всех направлениях, или их отвращение к какой-либо конкретной точке. Нам пришлось объявить гипотезу Франклина о строении Земли лучшей по убедительным причинам, и мы приняли ее. Если взять его за основу нашей попытки объяснить движение Земли вокруг Солнца, то наша Земля – это коллективная единица индивидуальных волей, имеющих диаметрально противоположные стремления. Более того, каждый человек проявляет свое стремление с особой интенсивностью. При такой композиции, при таких различных движениях отдельных людей, в каждый момент должно возникать результирующее движение для целого, которое мы хотим охарактеризовать как стремление к центру солнца.

другой стороны, мы видели, что свет солнца – это не что иное, как бурное движение нашего воздуха, ставшее видимым.

которая обусловлена бурным расширением газов, окружающих Солнце, и поэтому мы образно называли свет необычайно большой силой. Понятно, что это может быть только отталкивающая сила, потому что мы имеем дело с состоянием газов, суть которых состоит именно в абсолютном расширении. Они всегда стремятся распространиться, распространиться во всех направлениях, и мы должны представить свет как появление силы, которая, как в случае взрыва пороха, оказывает сильнейшее отталкивающее давление в насильственном стремлении идеальных центров.

Если обобщить эти соображения, то эллиптическое движение Земли вокруг Солнца будет результатом двух движений: движения Земли к центру Солнца и отталкивающей силы Солнца или, образно говоря, света.

Таким образом, роли практически поменялись бы местами. Если в теории Ньютона земля под действием тангенциальной силы убегает от солнца, а солнце под действием притягательной силы стремится притянуть землю к себе, то согласно нашей гипотезе земля стремится войти в солнце, а солнце отталкивает ее.

Более того, законы для этих двух движений можно сформулировать следующим образом:
– стремление Земли к Солнцу ведет себя прямо, как интенсивность его импульса, и косвенно, как квадрат расстояния;

– отталкивание Солнца ведет себя прямо как интенсивность вызванного им расширения и косвенно как квадрат его расстояния.

Идентичность закона, по которому действуют свет и притяжение, поражает всех, кто занимается природой. Здесь мы имеем гипотезу, которая выводит движение небесных тел из двух сил, эффективность которых частично выражается в одном и том же законе – законе света и законе тяготения. При этом все абсурды отпадают, ибо эти силы – не метафизические мистические сущности, а лишь стремления единственной реальной вещи в мире – индивидуальной воли или динамически связанных индивидов. Вращение Земли вокруг себя и связанное с ним поступательное движение ее центра.

движения которых являются лишь естественным следствием первого импульса (распада единства на множественность), поддерживаются просто отталкивающей силой солнца: это постоянно продолжающаяся тангенциальная сила; с другой стороны, земля одновременно стремится войти в солнце: это гравитация. Оба они заставляют Землю вращаться вокруг Солнца по кривой линии.

Различные скорости, с которыми Земля движется вокруг Солнца, также можно объяснить самым простым способом: чем ближе Земля к Солнцу, тем больше ее стремление к центру Солнца, но в то же время тем больше отталкивающая сила Солнца, и наоборот. Чем больше стороны параллелограмма сил, тем больше диагональ, и наоборот.

Это также достаточно хорошо объясняет странное движение кометы Галлея, не прибегая к новой силе, полярной силе, поскольку сила Солнца по существу является отталкивающей, а не притягивающей.

Мы могли бы также отказаться от желания Земли и просто поставить на ее место реакцию на отталкивающее действие Солнца. (Третий закон Ньютона.)

Я должен оставить эту тему здесь. То, что в физике, которая ставится на новый принцип, индивидуальную волю к жизни, и которая пренебрегает всеми такими удобными трансцендентальными вспомогательными принципами, как простое единство, абсолют, идея, бесконечное, вечное, вечные силы природы, «вечная всепроникающая сила» и т.д., движения небесных тел не могли остаться нетронутыми, является моим оправданием для вышеприведенной гипотезы. Я не отрицаю его слабость; я знаю, что было бы очень трудно объяснить с его помощью возмущения планет между собой, движение спутников вокруг планет и т.д., хотя речь идет не о свете, а в основном об интенсивности сильных вибраций во вселенной, находящейся в постоянном напряжении, и реакции на них. И все же мне кажется, что я тоже видел в этом направлении, но недостаточно долго, открытое лицо истины. Пусть более сильный человек, чем я, чьими специальными предметами являются физика в более узком смысле и астрономия, дойдет до конца пути.

32.

Первое движение и происхождение мира – это одно и то же. Превращение простого единства в мир множественности, переход трансцендентного в имманентную сферу, было именно первым движением. В задачу физики не входит объяснение первого движения; она должна принять его как факт, который уже найден в аналитике, в имманентной сфере, но на жесткой границе добавленного трансцендентного. Поэтому даже в физике невозможно найти окончательное выражение этого первого движения, и мы должны, с нашей сегодняшней точки зрения, охарактеризовать его просто как распад простого единства в мир множественности.

Все последующие движения были лишь продолжением этого первого, т.е. они могли быть ничем иным, как очередным распадом или дальнейшим дроблением идей.

Эта дальнейшая дезинтеграция могла выражаться в первые периоды существования мира только через реальное разделение простых веществ и через соединения. Каждая простая химическая сила имела пристрастие к расширению своей индивидуальности, то есть к изменению своего движения, но встречала такое же пристрастие в каждой другой, и поэтому самые страшные битвы идей друг с другом возникали в самом бурном, самом возбужденном состоянии. Результатом всегда был химический союз, то есть победа более сильной силы над более слабой и вступление новой идеи в непрекращающуюся борьбу. Стремлением союза было

сначала сохранить себя, затем, если возможно, снова расширить свою индивидуальность. Но обеим попыткам со всех сторон противостояли другие идеи, сначала расторгнуть союз, а затем объединиться с отделившимися идеями.

В ходе этого непрекращающегося конфликта нетленных идей, лежащего в основе всех связей, образовались мировые тела, из которых наша Земля постепенно созрела для органической жизни. Если мы прервем здесь развитие и возьмем существующих людей и их условия как конечный продукт, то вопрос сразу же встанет перед нами: Что произошло? Все идеи, из которых тогда состояла наша Земля, были в огненном первозданном тумане, из которого исходит теория Кант-Лапласа.

Там – дикая борьба газов, паров, хаоса, здесь – замкнутое мировое тело с твердой корой, впадины которой заполнены горячим морем, и, прежде всего, парообразная, туманная, газированная атмосфера.

Что произошло? Или, скорее: являются ли индивидуальные воли, из которых состоит эта земля, лишены становления, теми же самыми, что и те, что сгнили в огненном первобытном тумане? Конечно! Генетическая связь существует. Но остается ли сущность любой индивиду-

альности такой же, какой она была в начале мира? Нет! Она изменилась. Его сила потеряла свою интенсивность: она стала слабее.

Это великая истина, которой учит геология. Газ по своей внутренней сущности, в соответствии со своим импульсом, сильнее жидкости, а последняя сильнее твердого тела. Не будем забывать, что мир имеет конечную сферу силы, и что поэтому любая идея, интенсивность которой уменьшается, не может быть усилена снова без того, чтобы другая идея не потеряла силу. Усиление, однако, возможно, но всегда за счет другой силы, или, другими словами, если в борьбе неорганических идей одна из них ослаблена, то ослаблена сумма сил, объективированных во Вселенной, и для этой потери нет замены, потому что именно мир конечен и пришел в бытие с определенной силой.

Если мы предположим, что наша Земля когда-то распалась, как распалась планета между Марсом и Юпитером, то вся твердая земная кора действительно может снова расплавиться, а вся жидкость превратиться в пар, но за счет идей, которые дают стимулы для этого. Таким образом, хотя Земля и возвращается в более интенсивное, по видимости, состояние в результате такой революции, она, тем не менее, стала слабее в целом, как некая сумма сил.

И если сегодня бурные процессы на солнце прекратятся и все тела нашей солнечной системы тем самым воссоединятся с солнцем, а солнце и планеты вспыхнут в огромном мировом пожаре, то, судя по всему, силы, составляющие солнечную систему, действительно перешли в более возбужденное состояние, но за счет общей силы, заключенной в нашей солнечной системе.

В неорганической сфере все обстоит иначе. Идеи непрерывно борются друг с другом. Новые связи образуются без перерыва, и они снова разделяются силой, но разделенные силы вскоре объединяются с другими, частично силой, частично принуждением. И здесь также результатом является ослабление силы, хотя из-за медленного развития оно не проявляется открыто и ускользает от восприятия.

33.

В органическом царстве, как продолжение первого движения, распад на множественность царил с момента его возникновения и продолжает царить. Стремление каждого организма направлено исключительно на поддержание самого себя в существовании, и, следуя этому инстинкту, он, с одной стороны, борется за свое индивидуальное существование, а с другой, посредством деторождения, обеспечивает свое сохранение после смерти.

Ясно, что эта растущая фрагментация, с одной стороны, и все более интенсивная и страшная борьба за существование, с другой, должны иметь тот же результат, что и борьба в неорганической сфере, а именно ослабление индивидов. Тот факт, что в борьбе за существование победителем остается сильнейший индивид в широком смысле слова, а слабый терпит поражение, говорит против этого только внешне; ведь сильный обычно всегда побеждает, но в каждом новом поколении сильные индивиды менее сильны, а слабые – слабее, чем в предыдущем.

Как геология является для неорганического царства, так палеонтология является для органического важным документом, из которого, вне всякого сомнения, следует истина, что в борьбе за существование особи совершенствуются и поднимаются на все более высокие ступени организации, но становятся слабее в процессе. Эта истина навязывает себя каждому,

кто листает документ и сравнивает его с нашими современными растениями и животными. Документ может научить этому только потому, что он сообщает о чрезвычайно длинных рядах развития или, переводя на субъективный язык, об изменениях в непостижимо длинные периоды времени, потому что он может провести конечные члены к начальным членам очень больших рядов и таким образом сделать разницу очевидной.

Непосредственно наблюдать ослабление невозможно. И все же доказательство ослабления организмов можно получить, не проникая в первобытный мир и не призывая на помощь палеонтологию, – но только в политике, как мы увидим. В физике мы не можем предоставить

прямых доказательств и должны довольствоваться тем, что нашли великий закон ослабления организмов косвенным путем, в каменном документе земной коры.

Таким образом, мы видим в органическом царстве, как и в неорганическом, основное движение: Распад в множественность, и здесь, как и там, как первое следствие, раздоры, борьба, войны, и как второе следствие – ослабление силы. Но как распад на множественность, так и два его последствия более значительны в органическом царстве, чем в неорганическом.

34.

Здесь мы сталкиваемся с вопросами: Каковы отношения между этими двумя царствами? И действительно ли между ними существует непроходимая пропасть?

Мы уже ответили на оба вопроса в начале физики; однако мы должны рассмотреть их еще раз более подробно.

Мы видели, что в мире существует только один принцип: индивидуальное движение воли к жизни. Будь передо мной кусок золота или растение, животное или человек – это совершенно одно и то же в отношении их сущности в целом. Каждый из них – это индивидуальная воля, каждый живет, стремится, хочет. Их отличает друг от друга характер, то есть то, как они будут жить, или их движение.

Многим это кажется неправильным, ибо если поставить человека рядом с глыбой железа, то можно увидеть здесь мертвый покой, там подвижность; здесь однородную массу, там самый замечательный усложняющийся организм, а если посмотреть на него более пристально, то здесь тупой, простой привод к центру земли, там множество способностей, множество волевых качеств, постоянная смена состояний, богатая умственная жизнь, великолепная духовная жизнь, словом, восхитительная игра сил в замкнутом единстве. Они пожимают плечами и думают: неорганическое царство не может быть ничем другим.

В конце концов, неорганическое царство может быть ничем иным, как твердой, прочной почвой для органического царства, так же как хорошо сделанная сцена – для актеров. И если они говорят за «органическое царство», то они уже очень непредвзятые люди, так как большинство из них исключают людей и оставляют всю природу только для этих славных хозяев мира.

Но они подобны тем, кто, как я показал выше, теряет в деталях локомотива и забывает о главном – его результирующем движении. Камень, как и человек, хочет существовать, хочет жить. Является ли жизнь там простым темным импульсом, здесь – результатом многих действий единой воли, распавшейся на органы, – совершенно все равно, что касается только жизни.

Но если это так, то кажется несомненным, что каждый организм, по сути, является лишь химическим соединением. Это необходимо изучить.

Как я уже объяснял выше, две простые химические идеи, находящиеся в избирательном средстве, могут породить третью, которая отличается от каждой из них. Они полностью связаны друг с другом, и в их союзе есть нечто совершенно новое. Если бы аммиак (NH_3) обладал самосознанием, он ощущал бы себя не как азот и не как водород, а как однородный аммиак в определенном состоянии.

Простые соединения снова могут порождать, и продукт снова является третьей вещью, совершенно отличной от всех отдельных элементов. Если бы хлорид аммония ($\text{NH}_3 \cdot \text{HCl}$) обладал самосознанием, он бы ощущал себя не хлором, азотом и водородом, а просто аммиаком, подкисленным хлористым водородом.

С этой точки зрения нет никакой разницы между химическим соединением и организмом. Это и то – единство, в котором сплавлено определенное количество простых химических идей.

Но химическое соединение, рассматриваемое само по себе, неизменно, пока оно существует: оно не устраняет ни одного компонента и не принимает ни одного нового элемента, короче говоря, не происходит так называемого метаболизма.

Более того, деторождение в неорганической сфере существенно ограничено; и не только это, но и сам человек, который деторождает, погибает в

Тип союза основан на связанных индивидуумах, он стоит и падает вместе с ними, он не парит над ними.

Организм же отделяет от соединения скорее это, скорее то вещество и ассимилирует заменитель, постоянно сохраняя тип; затем он порождает, т.е. отделенные от него части каким-то образом имеют его тип и также развиваются, постоянно сохраняя его.

Это движение, которое отделяет организм от химического соединения, является ростом в самом широком смысле. Поэтому мы должны сказать, что каждый организм, по сути, является химическим соединением, но с совершенно другим движением. Но если разница заключается только в движении, и если мы имеем дело здесь, как и там, с индивидуальной волей к жизни, тогда между органическими и неорганическими идеями вообще нет пропасти; напротив, оба царства жестко граничат друг с другом.

Именно органы обычно затуманивают взор исследователя. Здесь он видит органы, там – нет; поэтому он думает, что между камнем и растением лежит огромная пропасть. Он просто занимает слишком низкую позицию, с которой не видно главного – движения. Каждый орган существует только для определенного движения. Камню не нужны органы, потому что он обладает равномерным, нерасчлененным движением; растению, напротив, нужны органы, потому что определенное движение (результатирующее движение), которое оно хочет, может быть осуществлено только с помощью органов. Важно движение, а не способ его возникновения.

На самом деле, между органическим и неорганическим нет пропасти.

Тем не менее, кажется, что разница остается фундаментальной, даже если рассматривать органы как вторичные и поставить себя на более высокую позицию чистого движения.

Но в физике дело обстоит иначе. С точки зрения чистого движения, между растением и сероводородом нет большей разницы, чем между водяным паром и сероводородом (полностью в неорганической сфере) вода, между водой и льдом, или, с другой стороны (полностью в органической сфере), между растением и зверем; зверем и человеком. Движение во всех направлениях, движение к центру земли, рост, движение к ярким мотивам, движение к абстрактным мотивам – все эти движения устанавливают различия между отдельными волями. По крайней мере, для меня разница между движением водяного пара и льда не может быть более удивительной, чем разница между движением льда и ростом растения.

Вот как это выглядит со стороны. Изнутри он еще более упрощен. Если бы я мог предвидеть, что последует дальше, я мог бы решить проблему одним словом. Но мы все еще стоим на более низкой позиции физики, и как бы мы ни стремились к метафизике на каждом ее этапе, мы не должны позволять этим двум дисциплинам перетекать друг в друга, что привело бы к безнадежной путанице.

В физике, как мы знаем, первое движение предстает как распад трансцендентного единства на множественность. Все последующие за ним движения имеют тот же характер. – Распад на множественность, жизнь, движение – все эти выражения обозначают одно и то же. Распад единства на множественность является фундаментальным законом как в неорганическом, так и в органическом царстве. Во втором случае, однако, он находит более широкое применение: он проникает гораздо глубже, и его последствия – борьба за существование и ослабление сил – более значительны.

Таким образом, мы возвращаемся к тому, с чего начали, но с тем результатом, что никакая пропасть не отделяет неорганические тела от организмов. Органическое царство –

это лишь более высокая ступень неорганического, это более совершенная форма для борьбы за существование, то есть для ослабления силы.

35.

Как бы страшно, как бы нелепо ни звучало утверждение, что человек по сути своей является химическим соединением и отличается от него только тем, что имеет другое движение, – этот результат физики тем не менее верен.

Она теряет свой отталкивающий характер, если твердо помнить, что где бы мы ни искали в природе, мы всегда находим только один принцип – индивидуальную волю, которая хочет только одного: жить, жить, жить. Сущность камня проще, чем льва, но только на поверхности, по сути же это одно и то же: индивидуальная воля к жизни.

Проследившая органическое царство до неорганического, имманентная философия учит тому же, что и материализм, но не тождественна ему. Принципиальная разница между ними заключается в следующем.

Материализм не имеет имманентной философской системы. Первое, чему он учит, – это вечная материя, простое единство, которого никто еще не видел и никто никогда не увидит. Если бы материализм хотел быть имманентным, то есть просто честным в своем рассмотрении природы, он должен был бы прежде всего заявить, что материя является коллективным единством, независимым от субъекта, и сказать, что она представляет собой сумму такого-то и такого-то количества простых веществ. Но этого он не делает, и хотя никому еще не удалось сделать водород из кислорода, золото из меди, материализм, тем не менее, ставит за каждой простой субстанцией мистическую простую сущность, неизбирательную материю. Ни Зевс, ни Юпитер, ни бог иудеев, христиан и магометан, ни Брахм индийцев, словом, ни в одну непознаваемую, трансцендентную сущность никогда не верили так горячо, так от всего сердца, как в мистическое божество материю материалистов; ибо поскольку неоспоримо, что все органическое может быть прослежено до неорганического царства, у материалиста голова находится в союзе с сердцем и воспаляет его.

Однако, несмотря на возмутительное предположение о простой материи, которое бьет в лицо всему опыту, его недостаточно для объяснения мира. Таким образом, материализм во второй раз должен отрицать истину, во второй раз стать трансцендентным и постулировать различные мистические сущности, силы природы, которые не тождественны материи, но связаны с ней на все времена. Таким образом, материализм основан на двух исходных принципах, или другими словами: это трансцендентальный догматический дуализм.

В имманентной философии, напротив, материя – идеальная, в нашей голове, субъективная способность познания внешнего мира, а субстанция, правда, безразборное единство, но тоже идеальная, в нашей голове, связь а posteriori, полученная на основе материи синтетическим разумом, не имеющая ни малейшей реальности и существующая только для того, чтобы познать все объекты.

Независимо от субъекта, в мире существует только сила, только индивидуальная воля: единый принцип.

Таким образом, если материализм – это трансцендентный догматический дуализм, то имманентная философия – это чистый имманентный динамизм: такого различия, большего которого невозможно придумать.

Называть материализм самой рациональной системой совершенно неверно. Любая трансцендентальная система eo ipso не является рациональной. Материализм, задуманный только как теоретическая философская система, хуже своей репутации. Истина, что простые химические идеи – это море, из которого поднялись все органические вещи, благодаря которому они существуют и в которое они погружаются обратно, бросает чистый имманентный свет на материализм и тем самым придает ему пленительное очарование. Но критический разум не обманешь. Он внимательно исследует и таким образом находит за ослепительной внешностью ста-

рую фантазию: трансцендентное единство в мире, над или под миром и сосуществующее с ним, которое появляется иногда в этих, иногда в тех, всегда в фантастических оболочках.

36.

Теперь мы должны рассмотреть отношение индивидуального существа к тотальности, к миру.

Здесь возникает большая трудность. Ведь если индивидуальная воля к жизни является единственным принципом мира, то она должна быть абсолютно независимой. Но если он независим и абсолютно автономен, то динамическая связь невозможна. Опыт учит как раз обратному: он навязывает динамическую связь каждому верному наблюдателю природы и в то же время показывает ему зависимость человека от нее.

Следовательно (так и тянет сделать вывод), индивидуальная воля не может быть принципом мира.

На философском языке искусства проблема представляется так: Либо отдельные существа являются независимыми субстанциями, и тогда *influxus physicus* невозможен; ибо как другой может действовать на полностью независимое существо, чтобы силой вызвать в нем изменения? Либо отдельные существа не являются независимыми субстанциями, и тогда должна существовать простая субстанция, которая действует на отдельные существа, от которой, так сказать, отдельные существа могут только заимствовать жизнь.

Эта проблема необычайно важна; более того, можно объявить ее самой важной во всей философии. Самозначимость личности находится в самой большой опасности, и, судя по вышеприведенному рассказу, кажется, что она безвозвратно утрачена. Если имманентной философии не удастся спасти личность, которую она так преданно защищала до сих пор, то возникает логическое принуждение объявить ее марионеткой и безоговорочно вернуть во всемогущую руку некоего трансцендентного существа. Тогда остается только: либо монотеизм, либо пантеизм. Тогда природа лжет и сует нам в руки золото дурака вместо подлинного, если она показывает нам повсюду только личности и нигде простое единство; тогда мы лжем себе, если мы постигаем себя в сокровенном самосознании как тревожное или вызывающее, блаженное или страдающее эго; тогда не существует чисто имманентной области, и поэтому даже имманентная философия может быть только ложью и обманом.

Если, с другой стороны, нам удастся сохранить индивидуальную волю, факт внутреннего и внешнего опыта, – тогда, однако, возникает логическое принуждение окончательно и навсегда порвать со всеми трансцендентными заблуждениями, будь они в оболочке монотеизма, пантеизма или материализма; тогда – и впервые – атеизм научно обоснован.

Как видите, перед нами стоит очень важный вопрос.

Однако не стоит забывать, что физика – это не то место, где истина может сбросить все свои покровы. Только позже он покажет нам свой благородный лик во всей его блаженной ясности и красоте.

и красота. В физике вопросы, подобные данному, можно решить только наполовину, в самом благоприятном случае. Но этого как раз достаточно.

Я смогу быть очень краток. В аналитике мы не обманом проложили себе путь в трансцендентное царство. Мы видели, что никакая причинно-следственная связь, ни закон причинности, ни общая причинность, не может вести в прошлое вещей, а только время. По его руке мы проследили серию событий *a parte ante*, но обнаружили, что в имманентном поле мы никогда не можем выйти за пределы множественности. Подобно тому, как дирижабли никогда не достигают предела атмосферы, но, как бы высоко они ни поднимались, всегда будут закрыты воздухом, так и факт внутреннего и внешнего опыта никогда не покидает нас: индивидуум будет. С другой стороны, наш разум справедливо требовал неумолимого простого единства. В этом затруднительном положении был только один выход: позволить индивидуумам слиться в непостижимое единство за пределами имманентной сферы. Мы находились не в настоящем,

в котором никогда нельзя выйти за пределы бытия объекта, а в прошлом, и когда мы объявили, что найденное нами трансцендентное царство больше не существует, а является до-мировым и исчезло, мы не совершили логический переворот, а верно служили истине.

Таким образом, все сущее было в простом предмировом единстве, перед которым, как мы помним, рухнули все наши познавательные способности. Мы не можем составить «ни образа, ни подобия» его, а значит, не можем получить никакого представления о том, как имманентный мир множественности когда-то существовал в простом единстве. Но мы обрели одну неопровержимую уверенность, а именно, что этот мир множественности когда-то был простым единством, рядом с которым не могло существовать ничего другого.

Здесь кроется ключ к решению проблемы, которой мы сейчас занимаемся.

Почему и как единство распалось на множественность – это вопросы, которые нельзя задавать ни в какой физике. Единственное, что мы можем здесь сказать, это то, что, какова бы ни была причина распада, это факт простого распада.

это был акт простого единения. Если, следовательно, в имманентной сфере мы находим только индивидуальную волю, а мир есть не что иное, как коллективное единство этих индивидов, то, тем не менее, они не являются полностью независимыми, поскольку они были простым единством до мира, а мир был актом этого единства. Так, подобно рефлексу, предмировое единство лежит над миром множественности, так, подобно рефлексу, невидимая, неразрывная связь опутывает все индивидуальные существа, и этот рефлекс, эта связь, является динамической связью мира. Каждая воля действует на все другие прямо или косвенно, и все другие воли действуют на нее прямо и косвенно, или все идеи находятся в «непрерывном взаимодействии».

Таким образом, мы имеем наполовину независимую личность, наполовину активированную собственной силой, наполовину страдающую от других идей. Он самозабвенно вмешивается в развитие мира, а развитие мира вмешивается в его индивидуальность.

Все фетиши, все боги, демоны и духи обязаны своим происхождением одностороннему рассмотрению динамической связности мира. Когда человек в седой древности был здоров, он не думал о фетишах, богах, демонах и духах. Тогда индивид ощущал свою силу и, не чувствуя никогда не ослабевающего влияния других идей из-за своего кратковременного слабого воздействия, считал себя только активным и отдавал себя, как бог. Если же, напротив, другие идеи атаковали человека с ужасной, чудовищной эффективностью, то его сила полностью исчезала из его сознания, тогда он видел в эффективности других идей всепокрушающее всемогущество разгневанного трансцендентного существа и разбивал свою голову перед образами из дерева и камня, дрожа всем телом и испытывая безымянные душевные муки. В наше время это, вероятно, будет по-другому.

Поскольку тогда, до того как трансцендентное царство было отделено от имманентного и таким образом, что первое было объявлено существующим только в до-мире, а второе – существующим только сейчас, справедливо было сделать дизъюнктивное суждение: либо индивид независим, в таком случае *influxus physicus* (динамическая связь) невозможен, либо он не независим, в таком случае *influxus physicus* является эффективностью некоторой простой субстанции.

Но теперь это «или-или» больше не имеет никакого оправдания. Индивидуальная воля к жизни сохраняется как единственный принцип мира, несмотря на свою половинчатую независимость. Однако результат половинчатого самовозвеличивания неудовлетворителен. Каждая ясная, непредвзятая голова требует дополнения. В метафизике мы должны завоевать его для себя..

37.

В аналитике мы отрицательно определили характер предмирового простого единства в соответствии с познавательными способностями. Мы обнаружили, что единство было инерт-

ным, нерастяжимым, неизбирательным, нефрагментированным (простым), неподвижным, вневременным (вечным). Теперь мы должны определить это с точки зрения физики.

Какой бы объект мы ни созерцали в природе, будь то газ, жидкость, камень, растение, животное, человек, мы всегда находим его в непрекращающемся стремлении, в непрекращающемся внутреннем движении. Но движение было чуждо трансцендентному единству. Противоположностью движения является покой, о котором мы никак не можем составить себе представление; ведь мы говорим здесь не о кажущемся внешнем покое, который мы, однако, вполне способны себе представить, в отличие от изменения места целого объекта или его частей, а о внутренней абсолютной неподвижности. Поэтому мы должны приписать абсолютный покой предмировому единству.

Если мы вникнем в динамическую связь вселенной, с одной стороны, и в определенный характер отдельных людей – с другой, то поймем, что все в мире движется с необходимостью. Что бы мы ни рассматривали: камень, который отпускает наша рука, растущее растение, животное, которое движется по ярким мотивам и внутренним побуждениям, человек, который должен без сопротивления отдаться достаточному мотиву, – все они находятся под железным законом необходимости. В мире нет места свободе. И, как мы ясно увидим в этике, так и должно быть, чтобы мир имел хоть какой-то смысл.

Что такое свобода в философском смысле (*liberum arbitrium indifferentiae*), мы действительно можем определить на словах и сказать, например, что это способность человека определенного характера желать или не желать при наличии достаточного мотива; но если мы хоть на мгновение задумаемся над этой столь легко осуществимой связью слов, то сразу поймем, что никогда не получим реального доказательства этой свободы, даже если бы нам удалось изучить действия всех людей до основания на протяжении тысяч лет. Так и со свободой, так и со спокойствием. Но мы должны придать свободу простому единству именно потому, что это было простое единство. С ним отпадает принудительность мотива, единственного фактора каждого известного нам движения, ибо он был нерасчлененным, совершенно одиноким и уединенным.

Имманентная схема:

мир множественности – движения – необходимости Трансцендентальная схема:

Простое единство – Спокойствие – Свобода напротив.

И теперь мы должны сделать последний шаг.

Мы уже выяснили в аналитике, что сила перестает быть силой, как только она переходит по тонкой нити бытия из имманентной сферы в трансцендентную. Оно становится для нас совершенно неизвестным и непознаваемым, как и единство, в котором оно погибает. В дальнейшем мы обнаружили, что то, что мы называем силой, является индивидуальной волей, а в физике мы, наконец, увидели, что дух – это только функция органа, отделенного от воли, и что на самом глубоком уровне он есть не что иное, как часть разделенного движения.

Один фундаментальный принцип, воля, который так близок и так знаком нам в имманентной сфере, и вторичный принцип, дух, который подчинен ему и также так близок нам, теряют, подобно силе, все и всякое значение для нас, как только мы позволяем им перейти в трансцендентную сферу. Они полностью утрачивают свою природу и полностью уходят из нашего познания.

Таким образом, мы вынуждены заявить, что простое единство не было ни волей, ни духом, ни особой взаимосвязью воли и духа.

взаимосвязь воли и духа. Таким образом, мы теряем последние ориентиры. Напрасно мы давим на пружины нашего хитроумного, чудесного аппарата познания внешнего мира: чувства, понимание, разум слабеют. Напрасно мы держим принципы, находящиеся в нас, в самосознании, воле и духе, как зеркала для загадочного, невидимого существа по ту сторону пропасти, надеясь, что оно откроет себя в них: они не излучают никакого образа обратно. Но теперь мы также имеем право дать этому существу привычное имя, которое всегда означало то, чего

никогда не достигала ни сила воображения, ни полет самой смелой фантазии, ни абстрактная мысль, какой бы глубокой она ни была, ни собранный, благочестивый ум, ни восторженный, восхищенный землей дух: Бог.

38.

Но это простое единство было; его больше нет. Она, изменив свою природу, полностью фрагментировалась в мир множественности. Бог умер, и Его смерть стала жизнью мира.

Здесь для благоразумного мыслителя лежат две истины, которые глубоко удовлетворяют ум и возвышают сердце. Во-первых, у нас есть чисто имманентное царство, в котором, за которым или над которым обитает никакая сила, называйте ее как хотите, которая, подобно скрытому режиссеру кукольного театра, заставляет марионеток, отдельных людей, делать иногда то, иногда это. Тогда нас поднимает истина, что все сущее существовало прежде мира в Боге. Мы существовали в Нем: никакое другое слово мы не можем использовать. Если бы мы сказали, что мы живем и творим в Нем, это было бы ложью, потому что мы перенесли бы деятельность вещей этого мира на существо, которое было совершенно неактивным и неподвижным.

Более того, мы больше не в Боге, ибо простое единство разрушено и мертво. С другой стороны, мы живем в мире множественности, отдельные личности которого объединены в прочное коллективное единство.

Из первоначального единства мы уже самым простым образом вывели динамическую связь Вселенной. Точно так же мы теперь выводим из него целенаправленность в мире, которую не станет отрицать ни один рациональный человек. Мы остаемся перед распадом единства на множественность, не задумываясь о том, почему и как это произошло. Достаточно факта.

Распад был актом простого единства, его первым и последним, его единственным актом. Каждая настоящая воля получила свою сущность и движение в этом едином акте, и именно поэтому все в мире взаимосвязано: оно универсально целеустремленно.

Наконец, мы выводим ход развития вселенной косвенно из первоначального единства и непосредственно из первого движения. Распад на множественность был первым движением, и все последующие движения, как бы далеко они ни расходились, переплетались, казалось бы, запутывались и снова распутывались, являются лишь его продолжением. Единое движение мира, возникающее всегда и постоянно, непрерывно, из действий всех индивидов, стоящих в динамической связи, есть судьба Вселенной.

Так Бог стал миром, отдельные личности которого находятся в непрерывном взаимодействии. Но поскольку динамическая связь состоит в том, что каждая отдельная воля действует на целое и испытывает действенность целого, а действенность есть движение, то судьба есть не что иное, как становление мира, движение орфической конъюнктуры, результат всех индивидуальных движений.

Это все, что я могу сказать о судьбе. С другой стороны, теперь мы должны связать вопросы, остающиеся открытыми в аналитике, с судьбой.

Предложения, которые мы оставили для дальнейшего изучения, были следующими:

- Простые химические силы неразрушимы;
- У настоящего движения было начало, но оно бесконечно.

Из всего вышесказанного ясно, что физика не в состоянии опрокинуть пропозиции, или другими словами: в физике нельзя ответить на два открытых вопроса, касающихся аннигиляции простых химических идей и связанного с этим конца света. Соответственно, судьба мира все еще предстает перед нами здесь сначала как бесконечное движение мира: в неорганическом царстве В неорганической сфере мы видим бесконечную цепь связей и объединений, в органической – бесконечное прогрессирующее развитие от низших форм жизни к высшим (организмам).

Но это должно быть изменено важным моментом ослабления силы. Поэтому мы должны свести все вышеперечисленные предложения в одно, которое гласит:

Мир неуничтожим, но заключенная в нем сумма сил постоянно ослабевает в процессе бесконечного движения.

Это предложение будет вновь рассмотрено только в метафизике, чтобы попытаться окончательно ответить на важный вопрос о конце света с помощью результатов, полученных за это время исключительно в области человечества.

39.

Я завершаю здесь физику повторным замечанием, что это первая попытка объяснить природу фактом внутреннего и внешнего опыта, индивидуальной воли к жизни в одиночку (без помощи какой-либо сверхчувственной силы). Это также делает вероятным, что я был слишком робок в некоторых местах и упустил из виду важные детали.

Подумайте также, что значит при современном состоянии естествознания овладеть всеми дисциплинами. Бремя эмпирического материала почти непреодолимо, и только с помощью волшебной палочки ясного, неопровержимого философского принципа можно в какой-то степени просеять его, подобно тому, как хаотические массы камня складываются в симметричные структуры в соответствии с тонами орфической лиры.

Таким необратимым принципом является индивидуальная воля к жизни. Я вкладываю ее, как подарок, в руки каждого верного и честного естествоиспытателя с пожеланием, чтобы он мог объяснить явления в своей ограниченной области лучше, чем это сделал он сам. В целом, однако, я надеюсь, что этот принцип откроет для науки новый путь, на котором она будет столь же успешна, как и на том, который открыл для нее Бако своим индуктивным методом.

Более того, я рассматриваю чистую имманентную сферу, полностью освобожденную от преследований трансцендентных сущностей, как второй дар, которые я делаю для ученых-естественников. Как спокойно можно будет работать над ним!

Я предвижу (и могу сказать это, потому что конечный результат моей философии – единственный свет, наполняющий мои глаза и удерживающий в них всю мою волю): завершенное отделение имманентного от трансцендентного, отделение Бога от мира и мира от Бога, окажет самое благотворное влияние на ход развития человечества. Это могло быть достигнуто только на основе подлинного трансцендентального идеализма: правильное пересечение идеального и реального должно было предшествовать этому.

Я вижу рассвет прекрасного дня.

Эстетика.

Истина – пробный камень самой себя и лжи
Спиноза.

1.

Эстетика имеет дело с определенным состоянием человеческой воли, которое порождает определенная концепция идей, и является наукой, поскольку подводит бесчисленные случаи под определенные точки зрения и фиксированные правила. При его построении давайте всегда помнить, что в природе существует только один принцип: индивидуальная воля к жизни, и что, независимо от субъекта, она является вещью в себе, зависимо от него – объектом.

2.

Каждый человек хочет жить определенным образом, потому что у него есть определенная воля и определенный дух, а значит, определенное движение. Если он понимает вещи обычным образом, он либо равнодушен к ним, либо они вызывают в нем желание, либо отталкивают его; одним словом, его интерес является для них стандартом, и он судит о них в зависимости от того, в каком отношении они находятся к его воле. Не может быть и речи о ясном и четком отражении объекта; человек не признает полной и всесторонней эффективности вещи или совокупности ее отношений, потому что он воспринимает только одну из них, и она фальсифицирована, искажена, преувеличена или недооценена его интересом.

Для того чтобы чисто отразить объект, правильно понять его отношения, его отношение к объекту должно измениться, т.е. он должен вступить в совершенно бескорыстное отношение к нему: он должен быть ему только интересен.

В эстетике, как уже отмечалось, речь идет о совершенно особом отношении человека к миру, которое устанавливает особое состояние его воли. Я называю отношения эстетическим отношением, а состояние – состоянием эстетической радости. Она существенно отличается от обычной радости.

Каждый человек способен вступить в эстетическое отношение; но переход в него происходит легче в одном, тяжелее в другом, и то, что оно предлагает, более полно и богато в одном, более ограничено и бедно в другом.

Фермер, который вечером, когда работа отдыхает, бросает взгляд на природу и созерцает, например, форму, цвет и тягу облаков, не задумываясь о пользе или вреде дождя для его посевов; или восхищается колыханием кукурузных полей, яркой краснотой колосьев на закате, не задумываясь об урожае, относится к вещам эстетически. Косильщик, который раскрывает гнездо жаворонка и теперь без интереса воспринимает красиво сформированные и пятнистые яйца или птенцов и стариков в их сильном страхе, который проявляется в обеспокоенном взгляде и беспокойном порхании туда-сюда, отбросил обычный способ познания и находится в эстетическом состоянии. Охотник, который при внезапном появлении великолепного оленя забывает выстрелить, потому что поза, формы, походка дичи завораживают его разум, вступил в эстетическое отношение к объекту.

Это, однако, чистое, до некоторой степени свободное познание, но никак не самостоятельная жизнь духа, оторванная от воли. Воля – это всегда и всегда единственное, что мы находим; мы можем искать, где хотим, мы можем рыться в природе так глубоко и так часто, как хотим: она всегда там, и только ее состояния меняются.

3.

Идеи раскрывают свою сущность в объекте совершенно по-разному. Если взять самую высокую из известных нам идей, человека, то он раскрывает свою сущность:

– по форме и очертаниям;

- в движении конечностей;
- в выражении лица и глаз;
- в словах и звуках.

В этом порядке внутреннее всегда яснее проявляется во внешнем; в словах и звуках оно наиболее четко объективируется. Ведь мы всегда имеем дело с объектами в мире, и только мы сами не являемся объектами для нас в нашем внутреннем мире. Это различие также очень важно для эстетики. Звук и слово имеют причину своего появления в вибрациях воли, в ее движении, которое сообщает себя воздуху. Это своеобразное продолжение движения в чужой идее чувственно воспринимается нами и предметно объективируется.

Таким образом, звуки и слова являются объектами, как и все остальное; и даже если состояние идеи в них проявляется в самой легкой вуали, это все равно никогда не будет вещью в себе, которая открывается нам непосредственно. Только тот, кто вводит себя в состояние другой идеи, произвольно вызывая ее в себе, то есть особенно художник, схватывает чужую волю в своей груди непосредственно как вещь в себе, а не как объект.

Однако объективация идеи в звуках и словах настолько совершенна, что воля объективирующего слушателя захватывается движением и резонирует с ним, тогда как простое созерцание формы и очертаний объекта не оказывает такого же воздействия на эстетически настроенного субъекта.

Соответственно, мы должны различать два основных типа эстетического состояния:

- эстетическое созерцание
- эстетическая эмпатия или эстетическая симпатия.

4.

В глубоком эстетическом созерцании воля как будто внезапно прекращает свое обычное движение и становится неподвижной. Он полностью захвачен иллюзией, что он покоится, что все желания, все побуждения, все давление от него отняты и что он является только чисто познающим существом: он как будто купается в элементе чудесной ясности, он чувствует себя таким легким, таким невыразимо спокойным.

Только совершенно неподвижные объекты могут ввести нас в это подлинное состояние глубокого созерцания. Поскольку они не имеют внешнего движения, мы не можем соотнести их со временем. В то же время мы становимся вне времени, потому что движение нашей воли полностью исчезло из нашего сознания, и мы полностью поглощены неподвижным объектом. Мы живем как бы в вечности: благодаря иллюзии мы обладаем сознанием абсолютного спокойствия и испытываем немислимое блаженство. Если нас потревожить в глубочайшем созерцании, мы пробуждаемся самым странным образом; ведь наше сознание не начинается, как после сна, но движение лишь вновь заполняет его: мы отступаем из вечности во время.

Именно спокойная природа легче всего погружает нас в глубокое созерцание, особенно вид гладкого южного моря, из которого поднимаются берега или маленькие острова, мечтательно неподвижные, овеваемые голубым бризом вдали или сиянием заходящего солнца.

Истинное выражение глубокого созерцательного состояния в чертах лица и глазах никогда не было изображено ни одним художником так возвышенно, так правдиво и трогательно, как Рафаэлем в двух головах ангелов у подножия Сикстинской Мадонны. От них почти невозможно оторвать взгляд: они полностью захватывают нас в плен.

Если, с другой стороны, объекты более или менее движутся, созерцание также менее глубоко, потому что мы приводим объекты во временные отношения и, таким образом, замечаем прохождение настоящего в нас. Таким образом, в меньшей степени магия безболезненного состояния охватывает нас.

В эстетическом сопереживании, как я уже говорил выше, наша воля резонирует с движущейся волей объекта. Так мы слушаем песню птицы или выражение чувств других животных; или сопровождаем шепот любви, вспышки ярости и гнева, причитания печали, мелан-

холию, ликование радости, в которых мы не имеем непосредственного интереса, более или менее сильными вибрациями нашей собственной воли. Мы не вибрируем так сильно, как действующие лица, ибо если это происходит, что случается достаточно часто, то из эстетически настроенных слушателей мы становимся действующими лицами и выпадаем из эстетического отношения в обычный. В эстетическом сопереживании наша воля вибрирует очень тихо, как струна, лежащая рядом со звучащей.

За этими двумя основными типами эстетического состояния сначала следует двойное движение: эстетический энтузиазм. Первая его часть – это либо эстетическое созерцание, либо эстетическое сострадание; вторая часть, напротив, это либо радость, ликование, либо мужество, надежда, стремление, либо очень страстное возбуждение воли.

Оно редко возникает из созерцания и тогда является самым слабым движением. Хочется путешествовать с облаками над всеми землями или, подобно птице, легко покачиваться в воздухе.

Птичка поет: Витт, витт, витт!
Идемте, идемте!
Могу ли я, птичка, с тобою пойти?
Мы летали над горами
Под голубыми облаками,
Чтобы купаться в теплых солнечных лучах.
Земля глубокая, небо широкое,
Земля обездолена, печалью живёт она,
Небо просторное, радости полная!
Птичка качнулась в воздухе сладком кружась.
О птичка, Богом хранимая, лишь бы тебе не упасть!
Но я сижу на берегу, и с тобою пойти не могу.
(Народная песня.)

Или же в нас возникает страстное желание: всегда быть созерцательным, всегда иметь возможность пребывать в блаженстве созерцания.

С другой стороны, она очень часто проявляется как связь состояния с эстетическим состраданием. Действенность нервов ясно ощущается, когда холод переполняет их; они заставляют волю вернуться к себе, как бы концентрируют ее; затем в нее ударяет зажигательная искра, и она разгорается в жаркие угли: это разжигание для смелых действий. Это эффект речей, военных песен, ударов барабанов, военной музыки. i120

5.

Как каждый человек способен быть переведен в эстетическое состояние, так и каждый объект можно рассматривать эстетически. Однако один будет приглашать больше, другой меньше. Для многих людей невозможно спокойно смотреть, например, на змею. Они испытывают непреодолимое отвращение к этому животному и не могут его выносить, даже если им не приходится его бояться.

6.

Каждый человек может восприниматься эстетически, и каждый объект может восприниматься эстетически, но не каждый объект красив. Что же это значит: объект красив?

Мы должны различать:

- субъективно-прекрасное;
- основание красоты в самой вещи;
- красивый объект.

Субъективно-прекрасное, которое также можно назвать формально-прекрасным, основывается на априорных формах и функциях субъекта, или на связях разума на основе априорных форм, и я разделяю его на прекрасное:

- (математического) пространства;
- причинности;
- материи (вещества);
- времени.

Формальная красота пространства выражается в форме объектов и в отношениях, в которых части объекта находятся с целым, а именно в регулярной форме и в симметрии.

Обычная форма – это, прежде всего, совокупность линий. Красивые линии – это прямая линия, круглая линия, прямая круглая линия (волнистая линия) и прямая извилистая линия (спираль).

Затем красота формы раскрывается в чистых фигурах геометрии и их частях, т.е. в равностороннем треугольнике, квадрате, прямоугольнике, шестиугольнике, круге, полукруге и эллипсе.

Кроме того, красота формы раскрывается в телах

Стереометрия, которые основаны на чистых фигурах геометрии, т.е. на пирамиде, кубе, столбе, сфере, конусе и цилиндре (колонне).

Наконец, симметрия проявляется в гармоничном расположении частей целого, то есть в правильном соотношении высоты к ширине и глубине, в правильном расстоянии между ними и в точном повторении частей в соответствующих точках.

Формальная красота причинности проявляется в равномерном внешнем движении, или в плавном переходе движения в более быстрое или более медленное, и особенно в соответствии движения намеченной цели, как грация.

Формальная красота материи, или вещества, прежде всего проявляется в цветах и в их композиции, в гармонии цветов. Наиболее ярко она проявляется в трех основных цветах: Желтый, красный и синий и три чистые смеси этих цветов: оранжевый, зеленый и фиолетовый, эти шесть цветов являются фиксированными точками длинного ряда цветовых нюансов, а также полюсами белого и черного. Еще приятнее, когда воображаемые шесть цветов присущи прозрачным жидкостям.

Затем она проявляется в чистоте тона, в благозвучии голоса.

Наконец, формальная красота времени раскрывается в регулярной последовательности одинаковых или разных моментов, т.е. в регулярной мере времени. Короткое соединение таких моментов – это бар, а соединение баров – это ритм.

В ходе этого трактата мне еще не раз придется коснуться темы субъективного-красивого, а затем рассмотреть ее дальнейшие разветвления. Здесь я заботился только о том, чтобы показать его основные ветви.

7.

Причиной прекрасного теперь является то, что присуще вещи самой по себе, что соответствует субъективно прекрасному, или что заставляет субъекта объективировать ее как прекрасную.

Из этого само собой вытекает объяснение красивого объекта. Это продукт вещи в себе и субъективного – прекрасного, красивого.

Или прекрасный объект – это появление причины красоты, которая кроется в вещи самой по себе.

Отношение такое же, как и отношение вещи-в-себе к объекту в концепции в целом. Субъект прежде всего не производит что-то в вещи-в-себе, не расширяет и не ограничивает ее сущность; скорее, он лишь объективирует, в соответствии со своими формами, достоверно и точно вещь- в-себе. Но как сладость сахара или красный цвет марены, хотя и указывают на вполне

определенные качества вещи самой по себе, не могут быть ей приписаны, так и красота предмета имеет свое основание в самой вещи, но сама по себе вещь не может быть названа красивой. Только объект может быть прекрасным, потому что только в нем могут соединиться основание прекрасного (вещь-в-себе) и субъективно-прекрасное (субъект).

Поэтому без духа человека прекрасное существовало бы так же мало, как без субъекта вообще существовал бы мир как концепция. Прекрасный объект стоит и падает вместе с субъективно-прекрасным в сознании человека, так же как объект стоит и падает вместе с субъектом. «Красивый» – это предикат, который, как и материальный (substantial), принадлежит только объекту.

С другой стороны, столь же верно, что независимо от субъективного-красивого, основание прекрасного существует; точно так же, независимо от субъекта, существует вещь в себе, основание внешнего вида. Но как здесь объект отпадает, так и там – прекрасный объект.

Если теперь, как мы помним, вещь-в-себе, независимая от субъекта, нематериальна, только сила, воля, то что тогда является основанием прекрасного, независимого от субъективно-прекрасного?

На это есть только один ответ: это гармоническое движение.

Мы видели в аналитике, что движение не может быть отделено от индивидуальной воли, что оно является ее единственным предикатом, с которым она стоит и падает. Поскольку это так, я до сих пор иногда говорил только о движении; ведь всегда было само собой разумеющимся, что оно основано на индивидуальной воле к жизни, на идее. Движение *par excellence* – это стремление, внутреннее его проявление, которое выражает себя в объекте как в форме и очертаниях (объективная сфера силы воли, которую она выполняет, задуманная в непрекращающемся движении), так и во внешнем движении, которое в высших идеях проявляется как движение конечностей, мимика, жизнь глаз, речь и песня.

Все стремления, все движения в мире можно проследить до первого движения, до распада простого единства на множественность. Это первое движение, поскольку оно было актом простого единства, обязательно было единым и гармоничным, а поскольку все остальные движения были и есть лишь его продолжения, каждое стремление вещи в себе также должно быть гармоничным на самом глубоком уровне, или, как мы хотим сказать в качестве предосторожности, оно должно быть гармоничным на самом глубоком уровне.

В механике небес и неорганической природе это также открыто проявляется. Если здесь равномерное стремление или стремление, являющееся результатом равномерно действующих усилий, может проявить себя чисто или, по крайней мере, по существу беспрепятственно, то мы всегда имеем дело с гармоничными или, если обьективировать, с красивыми формами или красивыми внешними движениями. Так, тела мира движутся по эллипсам или параболам вокруг солнца; кристаллы, когда они могут беспрепятственно выстреливать вверх, совершенно прекрасны; снежинки – это шестигранные правильные звезды самых разнообразных форм; стеклянная пластинка, раскрашенная смычком скрипки, складывает лежащий на ней песок в великолепные фигуры; падающие или брошенные тела имеют красивое движение..

Безусловно, важно, что, согласно орфической философии, ребенок Диониса играл с кеглями, мячами и костями; ведь Дионис был творцом мира, богом, разводящим единство от множественности, и таким образом символически обозначалась правильная форма вселенной и ее гармоничное движение. Пифагорейская философия также основана на соответствии Вселенной субъективной красоте пространства и времени. —

Но даже в неорганическом царстве, где стремление воли единообразно и необычайно просто, очевидно, что в борьбе индивидов друг с другом (отчасти в борьбе за существование) гармоничное внутреннее движение лишь в редких случаях может найти чистое выражение. В органическом царстве, где борьба за существование преобладает повсеместно

и с гораздо большей интенсивностью, почти никакое стремление не может проявиться в чистом виде.

Иногда эта, иногда та часть предпочтительно стимулируется, воздействует, и результатом обычно является негармоничное движение целого. Кроме того, каждый индивидуум уже при зачатии получает более или менее атрофированное движение; ибо внутреннее движение организма уже не является единым, а представляет собой результат многих, и поскольку органы практически все содержатся в оплодотворенном яйце, а один орган может быть сильнее или слабее за счет другого, многие индивидуумы уже приходят в мир с нарушенным гармоничным движением.

Однако именно в органическом царстве мы находим самые красивые и самые прекрасные объекты. Это связано с тем, что, частично естественным, частично искусственным путем, вредные воздействия удерживаются вдали от организма именно тогда, когда он наиболее чувствителен и находится на самом важном этапе развития. Особенно на высших ступенях животного царства новый индивид на более или менее длительное время полностью отстраняется от борьбы за существование, поскольку родители ведут ее за него. Тогда почти все в неорганическом царстве трется и толкается друг о друга, а организмы могут развиваться в уступающих элементах (вода и воздух).

Таким образом, там, где в развитии организмов не было атрофии, а последующие вредные воздействия имели незначительное влияние, мы всегда видим красивых особей. Большинство растений растут как будто по художественному замыслу, а животные, за редким исключением, имеют правильное строение. С другой стороны, мы редко встречаем очень красивых людей, потому что нигде борьба за существование не ведется так ожесточенно, как в государстве, а род занятий и образ жизни редко позволяют гармонично сформировать целое.

Здесь также следует упомянуть искусственный инстинкт животных. В продуктах искусственного инстинкта, которыми мы так восхищаемся и восторгаемся, мы, по сути, восхищаемся лишь гармоничным движением, которое осталось за пределами истинной воли (здесь инстинкта). Так, пчела строит правильные шестигранные ячейки; дикарь- грубиян тоже придает своей хижине круг, квадрат или шестиугольник в качестве основной формы, но не с духом, а по демоническому импульсу.

Таким образом, мы возвращаемся к субъективно-прекрасному. Дух человека, в котором только и существует субъективно-прекрасное, есть, как мы знаем, лишь разделенное движение. Это часть прежнего целого движения, которое было гармоничным насквозь. Таким образом, можно сказать, что субъективно-прекрасное есть не что иное, как одностороннее, гармоничное движение, развивающееся в определенном направлении, которое стало нормой и зеркалом для всех движений в мире. Он был помещен, как бы, в святилище, вокруг которого все течет, но в которое они не могут проникнуть. Здесь он восседает на троне в безопасном спокойствии и суверенно определяет, что соответствует ему, а что нет, то есть что прекрасно, а что нет.

8.

Если мы немного присмотримся к красивым объектам в природе, мы редко встретим красивые твердые тела в неорганической сфере, по указанным причинам. Хорошо обоснованную» землю следует рассматривать как страшную застывшую борьбу. Лишь в исключительных случаях в природе встречаются чистые и полностью сформированные кристаллы. Они ясно показывают, что их толкали, пихали, и их стремления были ущемлены иным образом.

Особенно красиво движение брошенных круглых тел.

Отдельные горы и горные хребты отличаются чистыми очертаниями.

Вода почти всегда прекрасна. Море особенно красиво как в неподвижности, так и в движении, а его главная достопримечательность – цвет, который варьируется между глубочайшим синим и ярчайшим изумрудно-зеленым. Также следует упомянуть красивую форму водопадов, в целом струящуюся.

Очень красив воздух и многие явления в нем: голубой свод неба; облака различной формы; цвета неба и облаков на закате; альпенаузы и голубой аромат вдали; тяга облаков; радуга;

северное сияние.

В органической природе мы сначала встречаем различные правильные клетки растений; затем отдельные деревья, такие как пальмы, сосны и ели; затем те растения, которые особенно четко демонстрируют симметричные отношения в расположении своих листьев и ветвей; затем множество листьев и цветы. Почти каждый цветок красив расположением листьев, правильной формой и расцветкой. Так же как и все плоды, которые смогли развиваться без помех.

В животном царстве объекты красивы прежде всего благодаря своей симметричной структуре. Животное, разделенное посередине, почти всегда образует две равные половины. Лицо имеет два глаза, которые равноудалены от центра. Нос находится посередине, рот – аналогично, и так далее. Ноги, плавники и крылья всегда расположены попарно.

Затем некоторые формы или части тела необычайно красивы, как отдельные лошади, олени, собаки, как шея лебедя и т. д.

Следует также обратить внимание на цвета меха, оперения, панциря, глаз и грациозные движения многих животных, а также на чистые формы птичьих яиц.

Но прекрасен прежде всего прекрасный человек. При виде совершенно прекрасного человека в нашем сердце, как бутон розы, вспыхивает восторг. Он воздействует через поток своих линий, цвет кожи, волос и глаз, чистоту форм, грациозность движений и мелодичность голоса.

9.

Подводя итог, можно сказать, что субъект является судьей и определяет в соответствии со своими формами, что красиво, а что нет. Теперь вопрос заключается в следующем: Должен ли каждый человек считать красивый предмет красивым? Без сомнения! Даже если субъект является суверенным судьей красоты, он, тем не менее, полностью подчинен необходимости своей природы и должен объективировать каждую причину красоты в самой вещи как прекрасную: он не может поступить иначе. Единственным условием является то, чтобы воля оценивающего субъекта находилась в эстетическом состоянии, то есть была совершенно незаинтересованной в объекте. Если воля изменяет это отношение, если, например, при оценке форм женщины половой инстинкт отходит на второй план перед различающим субъектом, то общезначимое суждение уже невозможно. Если, с другой стороны, воля остается в чистоте эстетического отношения, то субъект может ошибаться только в том случае, если он плохо организован. Такие люди, однако, не имеют права голоса.

Единственное, что здесь имеет значение, это формирование так называемого чувства прекрасного (модификация способности суждения), которое выносит свой вердикт неподкупно, по законам субъективно-прекрасного. Как и способность суждения, она имеет бесчисленные градации и, подобно последней, может быть усовершенствована, причем эти модификации передаются по наследству. Оно может проявляться односторонне как чувство формы, чувство цвета, музыкальный слух; но то, что оно объявляет прекрасным в идеальном состоянии, прекрасно, даже если множество людей со слабым чувством красоты или с заинтересованным сердцем восстают против его суждения. Как человек, который судит по своей воле, по своей склонности, я могу предпочесть Рейн озеру Комо; как чисто эстетический судья, однако, я должен отдать предпочтение последнему.

Истинное чувство прекрасного никогда не ошибается. Он должен ставить круг выше треугольника, прямоугольник выше квадрата, Средиземное море выше Северного, красивого мужчину выше красивой женщины; он не может судить иначе, ибо судит по четким и неизменным законам.

10.

Мы видели, что основанием прекрасного в вещи самой по себе, независимо от субъекта, является внутреннее гармоничное движение, которое можно назвать не прекрасным, а только гармоничным, ровным. Красивым может быть только объект. Если мы теперь постигнем себя непосредственно в самосознании, как вещь в себе, или если мы постигнем волю другого человека, постигнутую в гармоничном движении, которое происходит здесь как совершенно особое взаимодействие воли и духа, то мы вполне можем говорить о гармоничной воле или, если мы соединим волю и дух, согласно употреблению языка, как душу, о гармоничной душе. Для этого, однако, обычно используют выражение «прекрасная душа». Это выражение неверно. Тем не менее, поскольку он уже однажды натурализовался, мы хотим его сохранить. Под прекрасной душой подразумевается та идея человека, чья воля находится в особом отношении к духу, так что она всегда движется умеренно. Если он теряет центр тяжести из-за депрессии или страсти, то вскоре снова находит его, и не прерывисто, а плавно.

11.

Я очень легко могу определить уродство. Уродливым является все, что не соответствует законам субъективной красоты. Уродливый объект, как и красивый объект, как и любой другой объект, можно рассматривать с эстетической точки зрения.

12.

Возвышенное обычно помещают рядом с прекрасным как нечто подобное или родственное ему, что неверно. Это особое состояние человека, и поэтому всегда следует говорить о возвышенном состоянии человека. Это двойное движение. Сначала воля колеблется между страхом смерти и презрением к ней, с явным перевесом в сторону последнего, а когда последнее побеждает, она переходит к эстетическому созерцанию. Человек отталкивается от объекта, отталкивает его от себя, а затем изливается в восхищении.

Возвышенному состоянию свойственно то, что в большинстве случаев оно всегда порождает себя заново, то есть проходит через свои части, или, другими словами, мы лишь с трудом сохраняем себя в его последней части. Снова и снова мы погружаемся из созерцания в борьбу между страхом смерти и презрением к ней, и снова и снова мы становимся созерцателями, на более или менее длительное время.

Объект, который возвышает нас над собой, никогда не бывает возвышенным. Однако если мы считаем, что это правда, и называем определенные объекты возвышенными только потому, что они легко вызывают у нас чувство возвышенности, то возражений против такого обозначения нет.

С этой точки зрения объекты очень правильно разделить на:

- динамически возвышенные
- математически возвышенный.

Динамически возвышенными являются все природные явления, которые угрожают самой сути человека, его воле к жизни. В пустыне, на пустырях, которые не могут дать никакого питания, на берегу бурного моря, перед огромными водопадами, во время грозы и т. д. человек легко впадает в возвышенное состояние, потому что он смотрит смерти в глаза, но знает, что находится в большой или полной безопасности. Он ясно осознает опасность, в которой он находится; однако, из-за своей безопасности, в нем возникает заблуждение, что он не сможет противостоять опасности, если она нависнет над ним. Совершенно безразлично, из каких убеждений он черпает предполагаемую силу, верит ли он в свое бессмертие, знает ли, что его держит рука всеблагого Бога, презирает ли он жизнь и жаждет смерти, или в нем вообще не происходит никаких рассуждений, и он бессознательно поднимается над опасностью.

Легко заметить, что большинство людей возвышаются только благодаря обману. Многим нужно сначала показать, что нет никакой опасности даже отдаленно, и все же у них не хватает сил даже на очень короткое время войти в созерцательное состояние, но они испытывают постоянный страх и желание выйти. Как мало тех, кто способен полностью посвятить

себя наслаждению мощной грозой! Они делают это, как жадный игрок в лотерею, который постоянно рассматривает самый невероятный случай. Точно так же лишь очень редко человек в открытом море встречает шторм в истинно приподнятом настроении. Если же буря прошла благополучно, человек соберет воедино отдельные вещи, которые он видел во время самого всепоглощающего страха, и после этого с удовольствием возвысится над собой.

Математически возвышенными являются те объекты, которые сводят нас к небытию, показывают нашу ничтожность по отношению к миру в целом и обращают наше внимание на краткость и быстротечность нашей жизни, в отличие от так называемой вечности мира, или, как говорит Кабанис, от вечной молодости природы. Из этого состояния унижения, страха, даже отчаяния мы поднимаемся над собой, в зависимости от нашего образования, через самые разнообразные размышления и становимся созерцателями. Идеалист из школы Канта настраивается на мысль: Время и пространство находятся во мне, вселенная так неизмеримо велика только в моей голове, вещь сама по себе не имеет протяженности, а переход видимости во времени – обман; пантеист думает: я сам есть эта необъятная вселенная и бессмертен: *haec omnes creaturae in totum ego sum et praeter me aliud ens non est*; благочестивый христианин думает: все волосы на моей голове подсчитаны, я нахожусь в руке верного Отца.

13

Возвышенное состояние основано на мнимом качестве воли, твердости или бесстрашии, и возникает благодаря самообману. Если же воля действительно бесстрашна и тверда, то возвышенность, которую здесь следует определить просто как презрение к смерти, присуща самой вещи, и можно с полным правом говорить о возвышенных характерах.

Я выделяю три типа возвышенных персонажей:

- герой,
- мудрец,
- мудрый герой.

В серьезных ситуациях герой полностью осознает, что его жизнь действительно находится под угрозой, и хотя он любит ее, он без колебаний откажется от нее в случае необходимости. Герой – это каждый солдат в огне, преодолевший страх смерти, и каждый, кто ставит свою жизнь на кон, чтобы спасти другого.

Мудрый человек осознал никчемность жизни, которую так метко выразил Иисус сын Сираха:

Жалко жизнь всех людей от чрева матери до погребения в земле, которая является матерью всех нас. Всегда есть беспокойство, страх, надежда и, наконец, смерть;

и это знание) разожгло его волю. Последнее является неперемным условием для мудреца, которого мы имеем в виду, потому что реальное возвышение над жизнью является единственным критерием возвышенности. Простое признание того, что жизнь ничего не стоит, не может принести сладкий плод смирения.

Самый возвышенный персонаж – это мудрый герой. Он стоит на позициях мудреца, но не ожидает, подобно последнему, смерти в покорности, а рассматривает свою жизнь как ценное оружие для борьбы за благо человечества. Он умирает с мечом в руке (в переносном или реальном смысле) за идеалы человечества, и в каждую минуту своего существования он готов пожертвовать добром и кровью ради их осуществления. Мудрый герой – это чистейшее явление на нашей земле; один только вид его возвышает других людей, потому что они находятся в иллюзии, что они, именно потому, что они тоже люди, обладают такой же способностью страдать и умирать за других, как и он. Он обладает самой прекрасной индивидуальностью и живет истинной, благословенной жизнью:

Ибо если с ним случится несчастье, В чем дело?

14.

Ближайшим родственником возвышенного состояния является юмор. Однако прежде чем дать ему определение, давайте разберемся в природе юмориста.

Выше мы выяснили, что истинный мудрец должен быть выше жизни, что его воля должна быть воспламенена осознанием никчемности жизни. Если только это признание присутствует, не переходя, так сказать, в кровь, демона или также: если воля, как дух, признает, что она никогда не найдет в жизни удовлетворения, которого ищет, но если в следующий момент она жадно обнимает жизнь тысячей рук, то истинный мудрец никогда не появится.

Эти странные отношения между волей и духом лежат в основе природы юмориста.

Юморист не может постоянно находиться на ясной вершине, где стоит мудрец.

Обычный человек полностью поглощен жизнью, он не ломает голову над миром, он не спрашивает себя ни: откуда я пришел, ни: куда я иду? Он всегда твердо помнит о своих земных целях. Мудрый же человек живет в узкой сфере, которую он очертил вокруг себя, и – какими средствами, совершенно безразлично – прояснил себя и мир. Каждый из них прочно опирается на себя. А вот юморист – нет. Он вкусил покой мудреца; он ощутил блаженство эстетического состояния; он был гостем за столом богов; он жил в эфире прозрачной ясности. И все же непреодолимая сила влечет его обратно в грязь мира. Он убегает от этого, потому что может одобрить только одно стремление – стремление к покою в могиле, и...

Но снова и снова сирены заманивают его обратно в водоворот, и он танцует и прыгает в знойном зале, глубоко желая покоя и мира в своем сердце; ведь его можно назвать ребенком ангела и дочерью людей. Он принадлежит двум мирам, потому что у него не хватает сил отказать от одного из них. В пиршественном зале богов его чистую радость нарушает зов снизу, и если он бросается в объятия похоти внизу, тоска по верху лишает его чистого наслаждения. Таким образом, его демон мечется туда-сюда и чувствует себя как бы

разорванным на части. Основное настроение юмориста – это вялость.

Но что в нем не колеблется и не дрожит, что стоит твердо, как скала, за что он ухватился и не отпустит, так это осознание того, что смерть предпочтительнее жизни, «что день смерти лучше дня рождения». Он не мудрец, тем более не мудрый герой, но он тот, кто полностью признает величие этих благородных, возвышенность их характера, и полностью и всецело ощущает блаженное чувство, которое их наполняет. Он носит их в себе как идеал и знает, что, поскольку он человек, он может реализовать этот идеал в себе, когда – действительно, когда – «солнце встанет благоприятно, чтобы приветствовать планеты».

От этого и от твердого осознания того, что смерть предпочтительнее жизни, он поднимается от своей вялости и возвышается над самим собой. Теперь он свободен от неприятных ощущений, и теперь, что очень важно, его собственное состояние, от которого он сбежал, становится для него конкретным. Он соизмеряет его с состоянием своего идеала и улыбается глупости его половинчатого измерения: ведь смех всегда возникает, когда мы обнаруживаем несоответствие, то есть когда мы измеряем что-то духовным мериллом и находим его слишком коротким или слишком длинным. Войдя в гениальное отношение к собственному состоянию, он не упускает из виду, что скоро снова впадет в смехотворную глупость, потому что знает силу своей любви к миру, и поэтому только один глаз смеется, другой плачет; теперь рот шутит, а сердце кровоточит и хочет разорваться; теперь глубочайшая серьезность скрывается под маской веселости.

Таким образом, юмор – это очень странное и весьма своеобразное двойное движение.

Первая его часть – это неприятное качание туда-сюда между двумя мирами, а вторая – не чисто созерцательное состояние. В нем воля также колеблется между полной свободой от недовольства и слезливой меланхолией.

То же самое происходит, когда юморист смотрит на мир. Он безмолвно возлагает свой идеал на каждую внешность в ней, и ни одна из них не покрывает его. Тогда он должен улыбнуться. Но вскоре он вспоминает, как сильно притягивает жизнь, как невыразимо трудно от нее

отказаться, ведь мы все насквозь пропитаны жаждой жизни. Теперь он думает, говорит или пишет о других так же восхитительно мягко, как судит о себе, и со слезами на глазах, улыбаясь, шутя, с подрагивающими губами, его сердце почти разрывается от жалости к людям:

«Все страдания человечества касаются только его» (Гете.)

Поскольку юмор может проявляться в каждом характере, в каждом темпераменте, он всегда будет иметь индивидуальную окраску. Я вспоминаю сентиментального Стерна, оборванного Гейне, сухого Шекспира, темпераментного Жан-Поля и рыцарственного Сервантеса.

Очевидно, что юморист, как никто другой из смертных, подходит для того, чтобы стать настоящим мудрецом. Как только непогрешимое знание каким-то образом воспламеняется в воле, шутка слетает с улыбающихся губ, и оба глаза становятся серьезными. Затем юморист, как и герой, мудрец и мудрый герой, переходит из эстетической области полностью в этическую.

15.

Комикс имеет несколько точек соприкосновения с прекрасным и одну – с юмором. Я делю комикс на:

- чувственно-комический,
- абстрактно-комический.

С чувственно-комическим мы должны проводить различие:

- субъективный стандарт,
- комический объект, и
- комическое состояние воли.

Субъективный стандарт, необходимое условие для комического в целом, для чувственно-комического – это субъективный стандарт. Для чувственно-комического непременным условием комического в целом является нормальная фигура с определенными движениями (конечностей, мимики, глаз), или, если только движения, оторванные, как бы, от объекта: слова и звуки, оценивается, в среднем, нормальная манера говорить или петь.

Обе нормы, хотя и имеют довольно широкую сферу применения, не зависят от произвола. Они представляют собой текучее среднее, которое получается не механическим путем, а путем «динамического эффекта» от всех видов человеческих существ и естественного способа отдачи

себя их личностями. Здесь уже кроется осуждение любой шкалы, полученной односторонним способом. Но в этом также кроется большая разница между субъективным стандартом для чувственно комического и стандартом для прекрасного. Первый – текучий, второй – фиксированный. Круг, который в какой-то момент лишь очень незначительно выходит за пределы раз и навсегда определенной формы, уже не прекрасен. С другой стороны, довольно широкие рамки для стандартов комического компенсируются тем, что объект является комическим только в том случае, если измерение с помощью стандартов также приводит к довольно большому расхождению, которое, конечно же, должно выходить за рамки.

Прекрасное или безобразное не имеет никакого отношения к комическому. Объект может быть очень красивым и в то же время комичным; он может быть очень уродливым, но не комичным; наконец, он может быть уродливым и комичным. Следует также отметить, что большие телесные уродства действительно имеют комический эффект (о чем ежедневно свидетельствует смех и насмешки над грубиянами), но комическое тут же заглушается жалостью к более тонким натурам.

16.

Теперь комичным является каждый объект, который не соответствует субъективному стандарту, то есть который, будучи приведенным к нему, либо настолько уступает, либо настолько превосходит его, что возникает значительное расхождение.

Как субъективный стандарт красоты, имеющий интенцию определенности, существенно отличается от стандарта комического, так и субъект находит объект комическим совсем не так, как он находит его красивым. Объект прекрасен, когда он соответствует субъективному прекрасному; объект, с другой стороны, комичен, когда он соответствует субъективному прекрасному. объект является смешным, если он не соответствует субъективному стандарту.

Таким образом, комическое в своем отношении к стандарту является отрицательным, как и безобразное, поэтому я также должен воздержаться от определения субъективного стандарта. Чувственно-комическое лучше всего считается с самих комических объектов.

Я разделяю чувственно-комическое, как и субъективно-прекрасное, на комичность:

- пространства,
- причинности,
- субстанции (материи),
- времени.

Комичность пространства проявляется прежде всего в больших отклонениях формы от нормального типа человека: так, в чрезмерно длинных, маленьких, веретенообразных и толстых людях; затем в частях тела, например, в длинных или плоских, неравномерно толстых или слишком тонких, заостренных носах; в ртах; в слишком длинных или слишком маленьких ушах, ступнях, руках, ногах, руках, шеях и т. д. Необыкновенное изящество маленьких рук, ног и ушей всегда вызывает восхищение и улыбку. Подумайте только, какое чрезвычайно забавное впечатление производят маленькие ручки и ножки младенцев, ведь мы сравниваем их (здесь, правда, совершенно неуместно) со своими руками и ногами. Комичность пространства проявляется и в косах из волос, похожих на косу, и в тех женских костюмах, которые либо придают человеку колоссальный обхват (кринолины), либо призваны показать отдельные части тела как неестественно развитые: Осиная талия, ложная грудь, парижская талия. Наконец, я упоминаю вырезание лица, гримасы, маски и карикатуры.

Комизм причинности проявляется в медлительном переходе от следствия к причине, таким образом, в глупости; в неуместном или лишнем движении: бурная жестикуляция, скованное блуждание руками, аффектированные движения рук, распластанная, деревянная походка, шараханье, неловкие поклоны, вообще неловкие манеры, китайский церемониал, неловкость, педантизм; в неудачных движениях: Скольжение, спотыкание, неудачные прыжки; в несоизмеримых затратах сил для достижения цели: хлопанье открытыми дверями, шум по пустякам, огромные приготовления и ничтожный результат, великие вступления, сказочные изменения направления. В использовании ложных средств для достижения цели: ложное употребление иностранных слов, ложное цитирование, неправильные выражения как на иностранном, так и на родном языке, запинки в речи; в подражании, которое не соответствует природе подражающего: всякое жеманство, европейский двор, придворный церемониал, титулы и т. д. на Сандвичевых островах, мужчины в женской одежде, женщины в мужской одежде; наконец, в несообразности костюма.

Комичность времени проявляется в слишком быстром или слишком медленном темпе языка: в резкости слов, в бессвязном растягивании слов; в заикании; в грохоте; в резком вырывании слов; в дребезжании мелодий.

Комичность субстанции проявляется в кричащем ассортименте ярких цветов в одежде; в хрюкающих, носовых, приглушенных, пустоватых или очень тонких, тонких тонах голосов.

17.

Комическое состояние – это двойное движение, первая часть которого – эстетическое созерцание; ведь если человек не находится в бескорыстном отношении к комическому объекту, несоответствие на субъективной шкале будет его только раздражать или расстраивать. Вторая часть – это радостное расширение воли, которое внешне, в зависимости от его интенсивности, движется по градациям от легкой улыбки до конвульсивного, сотрясающего кожу

карлика смеха. Здесь также находится точка соприкосновения комического с юмором; ведь здесь, как и там, восприятие несоответствия вызывает в нас веселье.

18.

В случае абстрактно-комического необходимо провести различие между:

- субъективный стандарт;
- несоответствие, которое в нем проявляется.

В абстрактно-комическом главную роль играет понятие, хотя и здесь сравниваются между собой только более или менее четко осознаваемые понятия, т.е. идеи, одна из которых является эталоном, другая – измеряемой вещью.

Абстрактный комизм делится на:

- ирония,
- сатира,
- шутка,
- глупый поступок,
- каламбур.

В иронии человек, каким он является на самом деле, принимается за эталон. Рядом с ними насмешник со всей серьезностью рисует словами копию, которая, будь то по форме или по характеру, существенно отклоняется от оригинала, причем отклоняется решительно в его пользу. Любопытный человек сразу поймет насмешку, а точнее, несоответствие между оригиналом и копией, и будет вынужден рассмеяться. Естественно, иронию будут вызывать те, кто либо действительно считает себя лучше, чем они есть, либо хочет казаться лучше, красивее, благороднее, талантливее, чем они есть. Насмешник вникает в их представление, приукрашивает или облагораживает его искусным, внешне безобидным способом, пока, наконец, идеал не оказывается рядом с унылой реальностью: две идеи, которые, за исключением, возможно, самого насмешника, никто не может примирить.

Мнения, взгляды, гипотезы, предрассудки и т. д. также являются хорошей почвой для развития иронии. Насмешник как бы перенимает взгляд того, над кем насмеваются, развивает его во всех направлениях и рисует последствия. Там он погружается в трясину логических противоречий и абсурда, к большому удовольствию всех присутствующих.

В сатире ленивые политические или социальные условия нации, провинции, города, даже ленивые условия в семьях, сравниваются с идеалом, будь то заимствованный из старых добрых времен, из жизни другого народа или даже из далекого будущего человечества, а затем несоответствие безжалостно разоблачается сатириком. Здесь тоже раздается смех, но это злая усмешка.

В шутке либо две идеи сначала подводятся под одно понятие путем подходящего сравнения, либо две идеи, уже стоящие под одним понятием, выводятся на первый план. Затем концепция реализуется, и то же самое говорится о каждой из двух идей, при этом, однако, обе сразу же расходятся.

расходиться. Расхождение полное: шкала и то, что измеряется, соприкасаются только в конечных точках.

В очень остроумной эпитафии врачу: «Вот он лежит, как герой, а вокруг него лежат убитые», врач впервые подводится под понятие «герой» путем меткого сравнения с храбрым полководцем. Затем, однако, одно и то же говорится об обоих, а именно: что они покоились среди убитых ими, что опять-таки полностью разделяет оба понятия; ибо убитые приносят честь одному, позор – другому. (Масштаб: герой в более узком смысле).

В известном анекдоте о гасконце в летней одежде в сильный зимний холод, над которым смеется король и который отвечает: «Если бы вы надели то, что надел я, а именно весь ваш гардероб, вы бы не смеялись», два очень разных предмета уже находятся под одним термином:

весь гардероб. Затем одно и то же говорят оба, и сразу же объекты сильно расходятся. (Масштаб: большой гардероб короля).

В глупом действии агент исходит из заданной концепции, как, например, Дон Кихот из общей максимы: добрый христианин должен помогать всем страждущим. В соответствии с этим он теперь действует, умышленно или неумышленно, даже в таких случаях, которые уже не полностью подпадают под правило. Таким образом, Дон Кихот освобождал галерных рабов, которые действительно страдали, но не тех, кому должен помогать христианин. Здесь стандартом является разумная мысль: угнетенные должны быть освобождены от своего угнетающего положения, но не преступники.

Наконец, в игре слов термины с одинаковой или похожей формулировкой (в полной игре слов – только с одинаковой формулировкой), имеющие разные значения, меняются местами по прихоти. Здесь слово в его обычном значении – мера, а слово в его более отдаленном значении – измеряемое. Расхождение полное.

19.

Мы должны были поставить себя на самую высокую ступеньку, чтобы определить комическое. Здесь мы нашли философские стандарты для чувственно-комического и можем быть спокойны. Однако мы не хотим завершать работу без взглянуть на уже упомянутые ложные стандарты, которые проникают в обычную жизнь и утверждают себя в ней.

Основа комикса: Мера и мера, конечно, не должны быть тронуты. Несоответствие, которое можно показать только с помощью определенного мерила, является *conditio sine qua non* комического. Произвол не может теперь утверждать себя на объекте, ибо как он появляется, так он и есть. Поэтому изменить можно только стандарты.

Для их производства в народе обычное стало руководством к действию. То, что кажется человеку необычным, он без лишних слов называет смешным. Таким образом, человек говорит: ты сегодня кажешься мне таким странным, то есть сегодня ты ведешь себя не так, как обычно. Да, мне часто приходилось слышать: вино на вкус смешное, часы бьют смешно, что призвано лишь обозначить существующее несоответствие.

Так и крестьянин, впервые приехавший в большой город, найдет там все смешным, то есть необычным, и будет от души смеяться, обнаружив большое несоответствие, стоящее в эстетическом отношении. Китайца все еще считают смешным в Европе, но уже не так в Сан-Франциско, потому что здесь он все еще прорывается через узкий круг обыденности, здесь он стоит в нем.

Кроме того, часто говорят о комических персонажах, понимая под ними эксцентричных людей, персонажей, чьи поступки и деятельность просто отличаются от поступков и деятельности обычных людей. О таких людях редко судят справедливо, потому что человек не берет на себя труд проникнуть в их природу, но в основном потому, что у него вообще нет к этому способностей. Таким образом, ко всем, кто сошел с большой дороги и пошел своим путем, всегда применяется одно и то же короткое мерило. Обыватель найдет много смешного в человеке, обладающем благородным, свободным характером; действительно, не угасают унылые духи, которые принимают за дурака мудрого человека или мудрого героя.

Неправильные стандарты, когда они применяются индивидом в эстетическом отношении, естественно, вызывают такое же комическое состояние, как и правильные. По этой причине, однако, в мире смеются больше и меньше, чем следовало бы.

Понятно, что комическим объектом может быть практически только человек. Здесь очень мало забавных животных (таких как, например, лошадь-извозчик, используемая для верховой езды). Они становятся смешными только тогда, когда их намеренно помещают в человеческие ситуации (лиса Рейнеке) или когда их приходится сравнивать с людьми, как обезьян.

20.

Если мы оглянемся назад, то найдем полное подтверждение тому, что я сказал в начале, а именно: эстетика имеет дело только с одним особым состоянием человека, в которое его вводит особая концепция идей. Это состояние, эстетическое состояние, показало нам два основных типа: созерцание и эстетическое сострадание.

Все остальные состояния, которых мы касались, являются составными, возникающими в результате связи эстетического состояния с теми, которые рассматриваются в физике, и которые для краткости я буду называть здесь физическими. Только в юморе мы нашли моральное состояние воли, жалость (жалость к себе, жалость к другим), которую мы должны будем более подробно рассмотреть в этике. Таким образом, эстетический энтузиазм, возвышенное и комическое состояние являются физико-эстетическими двойными движениями, а юмор – физико-эстетико-этическим движением воли.

Эстетическое состояние основано не на освобождении духа от воли, что абсурдно и совершенно невозможно, а на безволии демона, которое всегда присутствует, когда, выражаясь физиологически, кровь течет спокойно. Тогда предпочтительно действует мозг, воля как бы полностью погружается в один из его органов, и здесь, поскольку орган ощущает все движения, кроме своих собственных, его охватывает иллюзия, что он находится в полном покое.

Вступление демона в эстетическое отношение облегчается и поддерживается объектами, которые его не провоцируют. Если он встречает в эстетическом отношении объект, который вызывает у него желание, то вся коллекция тут же исчезает.

Если воля не удовлетворена полностью, она становится созерцательной лишь с большим трудом, ведь большинство людей в таком случае не смогут отказаться от обычного взгляда на вещи.

Приведите того, кому холодно, больно или у кого бурчит в животе, перед самой прекрасной картиной, в самую славную природу, – его дух не сможет быть чистым зеркалом.

С другой стороны, чем более развит дух, особенно чем более развито чувство красоты, тем чаще воля будет получать эстетическое удовольствие; ведь дух – это советчик воли, рожденный волей, и чем больше круг его зрения, тем большее количество мощных контрмотивов он может представить воле, пока, наконец, не даст ей мотив, который, будучи славно схвачен, полностью пленит ее и подавит в ней все другие желания, о чем и пойдет речь в этике.

21.

Таким образом, мы пришли к искусству и художнику. Но прежде чем мы обратимся к ним, давайте вступим в область, где человек действует эстетически, то есть по законам субъективно-прекрасного, на природные объекты и как бы воспитывает их эстетически.

Там мы впервые встречаем садовника. Прежде всего, он заботится о том, чтобы, предотвращая все вредные воздействия и усиливая стимулы, растения могли беспрепятственно развиваться и мощно раскрывать свое внутреннее гармоничное движение. Таким образом, он улучшает естественный рост. Затем, влияя на оплодотворение, он улучшает цветы и плоды.

Затем он заново формирует поверхность почвы. Здесь он создает небольшие холмы, там долины; он делит местность прямыми или красиво изогнутыми дорожками и рисует на отдельных участках пласты, которые образуют правильные фигуры: круги, эллипсы, звезды.

Он также использует воду, иногда собирая ее в пруды, иногда позволяя ей падать со скал, иногда подниматься в виде фонтанов.

Затем он засаживает подготовленную почву. Здесь он создает пышные, красивые газоны, там – аллеи, здесь – группы деревьев, листва которых демонстрирует все оттенки зеленого, там – ухоженные живые изгороди. Он устраивает клумбы с цветами и листовыми растениями в соответствии с узорами (ковровые клумбы) и время от времени высаживает на газоне редкое, благородное дерево или группу более крупных растений. Он также рисует гирлянды вьющихся растений от дерева к дереву, на которых глаз задерживается с удовольствием.

Только некоторые животные могут быть красивыми. В некоторых случаях улучшение может быть достигнуто косвенно, путем прививки, затем непосредственно, но в узких пределах, путем обучения, как в случае с лошадью, движения которой можно сделать более грациозными.

Человек, с другой стороны, является естественным объектом, который в различных направлениях очень хорошо поддается украшению. Человек может быть воспитан эстетически.

Благодаря чистоте и уходу за кожей, а также умеренности, можно сначала придать телу свежесть, вызывающую удовольствие. Затем со вкусом уложенные волосы у обоих полов и борода у мужчин являются важным средством красоты; ведь часто небольшое изменение в причёске, измененное положение локона, придает лицу другое, гораздо более привлекательное выражение.

Однако основной упор делается на тренировку тела и совершенствование его движений.

Последнее достигается усердной гимнастикой, прыжками, бегом, верховой ездой, фехтованием и плаванием, второе – танцами и образованием в более узком смысле. Грация, конечно, является врожденной, но ей можно научиться; по крайней мере, неловкие движения можно отточить, а бесполезные – отбросить. Физические упражнения часто придают телу, помимо упругости, измененную форму, поскольку укрепляют его и вызывают мышечную полноту, упругое округление частей плоти. Часто лицо также приобретает более привлекательное выражение: человек научился знать и доверять своим силам.

Важным институтом эстетического воспитания мужчин является армия. Тело солдата не только тренируется упомянутыми средствами, но его чувство красоты также формируется регулярными, красивыми движениями отдельных людей и частей отряда; ведь плотные упражнения и плавные маневры – это красиво.

Мужчина также может улучшить звучание своего голоса (мягкий, нежный и низкий голос – прекрасная черта в женщине. Шекспир.) и свою речь в целом; последнее – избегая бездумной болтовни, тренируясь говорить бегло, не впадая в многословие, и придает его речи определенное благородство.

Кроме того, простые манеры украшают человека. Сюда же относится и четкий почерк.

Наконец, я упоминаю простую, но со вкусом подобранную и хорошо сидящую одежду, которая подчеркивает красоту тела, а иногда даже усиливает ее. Цвет одежды также имеет большое значение, особенно для женщин. Говорят: этот цвет красит даму, хорошо ей подходит.

22.

Искусство – это преображенное отражение мира, а тот, кто осуществляет это отражение, называется художником.

Требования к художнику следующие: во-первых, способность легко переходить в эстетическое состояние; во-вторых, инстинкт воспроизведения или творчества; в-третьих, развитое чувство прекрасного; в-четвертых, живое воображение, острая сила суждения и хорошая память, т.е. вспомогательные силы разума должны быть очень хорошо развиты.

Вооружившись ими, он постигает идеи как явления (объекты) и идею человека также в его внутренней сущности, как вещь в себе, и формирует свои идеалы.

Идеи (индивидуальные воли к жизни) находятся в постоянном потоке становления.

Движение – это жизнь, и поскольку мы не можем даже помыслить волю без движения, у нас всегда есть, независимо от того, насколько мы теряем себя в прошлом мира или насколько предвосхищаем его будущее, поток становления. В нем индивиды непрерывно борются друг с другом, погружаются в воду и снова поднимаются на поверхность, те же самые или незаметно измененные. Эти модификации могут быть унаследованы органическими существами, могут все глубже и глубже проникать в суть идеи и придавать ей особый характер. Чем ниже на лестнице находится идея, чем проще ее сущность, тем более постоянной она будет; но чем более

высокоорганизованной она является, тем меньше она может утвердить свою индивидуальность в борьбе, тем больше она должна уступать самым разнообразным влияниям

Нигде нет такой толчеи и трения, как в человеческом государстве. Всегда есть большие трудности, и смерть одного человека – это жизнь другого. Куда бы мы ни посмотрели, везде нас встречает самый бесстыдный эгоизм и самое безрассудное безрассудство. Мы должны остерегаться и делать толчки, справа и слева, держа руки между ног, чтобы нас не повалили на землю и не затоптали. Так и получается, что нет двух одинаковых людей, и каждый обладает особым характером.

Тем не менее, все в природе есть лишь индивидуальная воля к жизни, и хотя каждый человек обладает своеобразным характером, все же в каждом выражена общая идея человека. Но это большая ошибка – ошибка, которая окутывает силу суждения пеленой и погружает ее в фантастическую мечтательную жизнь, – если предположить, что за схожими личностями скрывается единство, и что это единство является истинной и подлинной идеей. Вот что это значит: Принимать тени за реальные вещи. Вид или род – это концептуальное единство, которому в реальной действительности соответствует множество более или менее идентичных реальных особей, – не более того. Если вернуться назад рукой естествознания и произвольно прервать поток становления, то можно прийти к первоначальной форме, в которой все ныне живущие особи вида *virtualiter praeexist*. Но эта первоначальная форма была разрушена, ее больше нет, и ни одна из ныне живущих личностей не похожа на нее.

Идеалом художника теперь, однако, является единая форма, но не научный архетип, который изобретательный натуралист на основе палеонтологии мог бы более или менее точно спроектировать для вида, а форма, которая витает в средствах ныне живущих особей вида.

Художник внимательно наблюдает за людьми, схватывает существенное и характерное, позволяет отступить несущественному, короче говоря, судит, соединяет и позволяет соединенному держаться в воображении. Все это происходит через «динамический эффект», а не через механическое наложение индивидуумов с целью получения посредственности, и чувство прекрасного уже активно в связывании. Так художник приобретает полуфабрикат идеала, который он затем, воспроизводя его, если он идеальный художник, полностью переделывает по законам субъективно-прекрасного, полностью превращает его в очищающий поток. В очищающий поток формально-красивого, из которого он берет его преобразенным и оттаявшим.

Здесь находится корневая точка, где искусство расходится на две большие ветви, на:

- идеальное искусство,
- реалистическое искусство..

Познающий субъект должен в обычной жизни чувствовать себя как дома во внешнем мире, то есть он должен объективировать то, что ему представляется, и делать это точно и без малейших произвольных изменений: он не может поступить иначе. Оно не может видеть объект грязно-зеленого цвета, чисто зеленого; оно не может видеть неправильную фигуру регулярно; оно не может видеть скованное движение изящно; оно должно слышать речь говорящего, поющего, музыканта так, как оно читает; оно не может слышать цепи неравных, неравномерно следующих друг за другом частей времени как ряды ритмической структуры; оно также должно объективировать вспышки страсти такими, какие они есть, какими бы пугающими они ни были. Одним словом, предмет должен отражать внешний мир таким, какой он есть: уродливый и красивый, отталкивающие и привлекательные предметы, жужжащие, скрипящие и мелодичные звуки.

Но не так, как художник. Его дух не является рабом внешнего мира, но создает новый мир: мир изящества, чистых форм, чистых красок; он раскрывает внутреннюю сущность человека в состояниях, которые умеренны, и объединяет звуки и мелодичные слова в ряды, в которых господствует ритм: короче говоря, он ведет нас в прекрасный рай, который формируется по законам одного лишь субъективно-прекрасного.

Теперь, если художник формирует только прекрасные отдельные объекты или их группы в гармоничном расположении вокруг центральной точки; если он раскрывает перед нами прекрасную душу, он служит идеальному искусству и является идеальным художником.

Но искусство не отражало бы весь мир, что является его задачей, если бы оно воспроизводило только прекрасное. Она должна раскрыть сущность всего живого свойственным ей магическим способом, то есть предложить человеку горький плод с дерева познания, который он лишь изредка и неохотно принимает из рук религии и философии, засахаренный и тщательно подслащенный, чтобы он мог насладиться им с удовольствием, и тогда его глаза откроются.

То, что не может сделать трезвая концепция и сухое учение, может сделать пленительный образ и вкрадчивый мелодичный звук. Если художник показывает мир таким, каков он есть: страшную борьбу его индивидуумов за существование; вероломство, злобу и порочность одних, мягкость, нежность и возвышенность других; муки одних, похоть других, беспокойство всех; различные характеры и их проявление в теле, здесь рефлекс ненасытной жажды жизни, там отречения, – тогда он реалистический художник и стоит на службе реалистического искусства.

Каждый из этих жанров искусства имеет свое полное оправдание. В то время как произведения идеального искусства приводят нас в эстетическое настроение гораздо легче, чем реальные объекты, и позволяют нам наслаждаться блаженством спокойствия, по которому мы все сильнее тоскуем в черствой суете мира, – произведения реалистического искусства приводят нас в возбужденное эстетическое состояние: мы узнаем, что мы есть, и, потрясенные, отступаем. В какую бы область искусства мы ни вступили, – мы всегда видим в голубом аромате дали тоскующие высоты этической области, и здесь ясно проявляется тесное родство искусства с нравственностью.

Эстет требует от художника-реалиста только одного – чтобы он идеализировал, а не был чистым натуралистом, то есть чтобы он преобразовал реальность, а не копировал ее

фотографически точно. Если он делает последнее, то его работы обладают очарованием лишь случайно, потому что случайно, как это часто бывает с пейзажами, реальность уже является полным идеалом; обычно они будут плоскими и отталкивающими. Он должен смягчить здесь, усилить там, приглушить здесь, усилить там, не размывая характер. В частности, он должен запечатлеть событие там, где оно наиболее интересно, выражение лица, когда оно наиболее четко показывает характер, и не давать расходящихся групп.

23.

Помимо идеального и реалистического искусства, существует третий тип: фантастическое искусство. В его творениях отражается не мир, а лишь его части, которые художник либо оставляет такими, какие они есть, либо произвольно изменяет, а затем соединяет в единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.